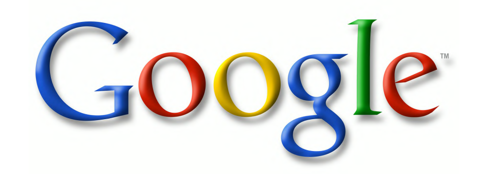
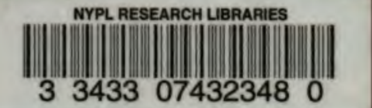
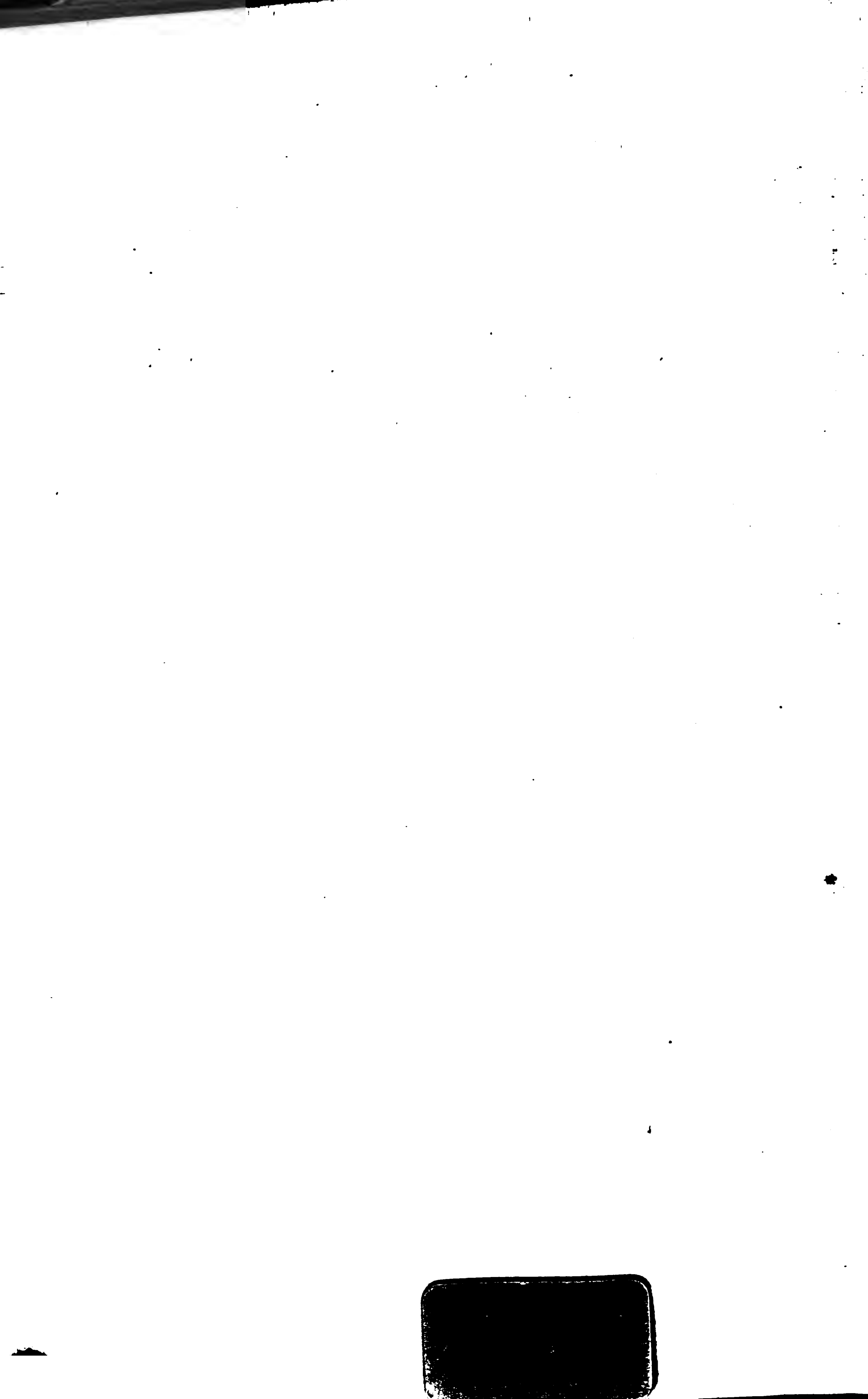






# ОПЫТЪ БІОГРАФІИ

# ГОГОЛЯ.

Санктпетербургъ.

1854.

# ОПЫТЪ БІОГРАФІИ

# НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

3364

# ОПЫТЪ БІОГРАФІИ

# Н. В. ГОГОЛЯ,

## СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ ДО СОРОКА ЕГО ПИСЕМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

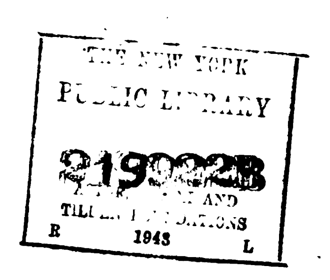
**НИКОЛАЯ М***

---

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1854.





ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, апрѣля 22 дня 1854 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

# ОПЫТЪ БІОГРАФІИ

## НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ.

---

### ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Родословная Гоголя. — Первыя поэтическія личности, напечатлѣвшіяся въ душѣ его. — Характеристическія черты и литературныя способности его отца. — Первыя вліянія, которымъ подверглись способности Гоголя. — Пребываніе Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. — Дѣтскія проказы его — Первые признаки литературныхъ способностей. — Школьная журналистика. — Сценическія способности Гоголя въ дѣтствѣ. — Страсть къ книгамъ. — Письма Гоголя изъ Гимназіи къ г. В*** и къ матери. — Описаніе родного хутора Гоголя.

По дворянскому протоколу Гоголя, родъ его восходитъ ко временамъ извѣстнаго полковника подольскаго и потомъ гетмана небольшой дружины казаковъ, Остапа Гоголя, о которомъ впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1655 годомъ, при описаніи битвы на Дрижиполѣ.

Странно, однакожь, что въ этомъ документѣ полковникъ Гоголь названъ Андреемъ и получаетъ въ 1674 году привиллегію на владѣніе деревнею Ольховцемъ отъ польскаго короля Яна Казиміра, который за шесть лѣтъ передъ тѣмъ отрекся отъ престола. Не зная, какъ объяснить такую несообразность, пишущій эти строки все-таки думаетъ, что это — преданіе о полковникѣ Остапѣ, искаженное въ канцеляріяхъ гетманской

Малороссіи, ибо до сихъ поръ ни въ одномъ извѣстномъ документѣ не встрѣтилось не только полковника Андрея Гоголя, но и никакого другого полковника Гоголя, кромѣ Остапа. Далѣе въ протоколѣ говорится, что полковой писарь ([1]) Аѳанасій Гоголь (дѣдъ нашего поэта), въ доказательство своихъ правъ на дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Танскаго, и тестя, бунчуковскаго товарища Семена Лизогуба. Неизвѣстно, какъ велики были эти имѣнія, но въ протоколѣ говорится, что они находились въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, Келебердѣ и деревнѣ Рѣшоткахъ. ([2])

Что касается до предковъ Гоголя по женской линіи, то полковникъ кіевскій Антонъ Танскій происходилъ отъ извѣстной польской фамиліи этого имени и оставилъ Польшу въ то время, когда Петръ Великій вооружился противъ претендента на польскій престолъ, Лещинскаго. Онъ усердно служилъ Петру въ шведской войнѣ и занималъ всегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между малороссійскою старшиною. Прадѣдъ поэта Семенъ Лизогубъ происходилъ отъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба, извѣстнаго тоже въ царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ; а его мать, Марья Ивановна, была дочь надворнаго совѣтника Косяровскаго, какъ это видно изъ его метрическаго свидѣтельства. ([3]) Такимъ образомъ, Гоголь, по своей родословной, принадлежалъ къ высшему сословію въ Малороссіи и въ числѣ своихъ предковъ могъ считать нѣсколько личностей, хорошо памятныхъ исторіи.

Замѣтимъ, что полковникъ Остапъ, игравшій роль посла въ Турцію, полковникъ Танскій, знатный шляхтичъ польскій, и Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный (то есть генералъ-фельдъ-цехмейстеръ), — все это должны были быть образованнѣйшіе люди своего времени. Что касается до дѣдушки поэта, полковаго писаря ([4]), то уже одно это званіе показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской Духов-

---

([1]) Старинный малороссійскій чинъ, соотвѣтствовавшій майору.

([2]) Все это въ Полтавской губерніи.

([3]) См. въ приложеніяхъ къ статьѣ г. Гаевскаго: «Замѣтки для Біографіи Гоголя» (Современникъ 1852 года, № 10).

([4]) Въ метрическомъ свидѣтельствѣ Гоголя дѣдъ его уже названъ майоромъ.

ной Академіи или по крайней мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, и кто знаетъ, не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти «Вій»? Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него онъ рисовалъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича. Въ такомъ случаѣ, припомнимъ нѣсколько строкъ, обрисовывающихъ двѣ личности (Аѳанасія Ивановича и его жену), имѣвшія, такъ или иначе, вліяніе на образованіе души нашего поэта въ то время, когда она легко поддавалась всякому вліянію.

«Аѳанасію Ивановичу было шестдесять лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесять-пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьёзна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи.... Когда-то въ молодости Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ *секундъ-майоромъ*; но это было очень уже давно.... Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе распрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, распрашивая ихъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики.... Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою... Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность

такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ». (1)

Сынъ полкового писаря Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, отецъ поэта, былъ человѣкъ весьма замѣчательный. (2) Онъ обладалъ даромъ разсказывать занимательно о чемъ бы ему ни вздумалось и приправлялъ свои разсказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича (3), онъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассесора, что̀ въ провинціи — и еще въ тогдашней провинціи — было рѣшительнымъ доказательствомъ, во первыхъ, умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ, бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности — теоретической или практической, все равно; но, кромѣ того, мы имѣемъ еще другое доказательство высшаго умственнаго его развитія, о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ образомъ занимательность его разсказовъ объясняется не однимъ врожденнымъ краснорѣчіемъ: онъ много зналъ, много видѣлъ и много испыталъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ бы то ни было, только его небольшая наслѣдственная деревня Яновщина, или — какъ она называется теперь въ околоткѣ — Васильевка, сдѣлалась центромъ общественности всего околотка. Гостепріимство, умъ, краснорѣчивая говорливость и

(1) «Старосвѣтскіе помѣщики», въ «Сочиненіяхъ Николая Гоголя», т. II, стр. 13, 15, 29—30.

(2) Если читатель встрѣтитъ здѣсь нѣкоторыя уже знакомыя страницы, то пускай это его не удивляетъ: онѣ принадлежатъ автору настоящаго «Опыта», гдѣ бы ни были прежде напечатаны.

(3) По показанію матери поэта, онъ родился въ 1810 году, 19 марта, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Она еще при жизни сына говаривала, что онъ «прибавляетъ себѣ лѣта.» Можетъ быть, будущему біографу Гоголя полезно будетъ знать для какихъ нибудь соображеній, что мать Гоголя имѣла дѣтей до его рожденія, но ни одинъ ея ребенокъ не жилъ болѣе нѣсколькихъ дней. Поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она переѣхала въ Сорочинцы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій. Между прочимъ она дала обѣтъ, если родится у нея сынъ, наименовать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Эти подробности сообщилъ мнѣ М. А. Максимовичъ, близко знакомый съ семействомъ поэта.

рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда близкихъ и далекихъ сосѣдей. Тутъ-то бывали настоящіе «вечера на хуторѣ», которые Николай Васильевичъ, по особенному обстоятельству, помѣстилъ возлѣ Диканьки (*); тутъ-то онъ видалъ этихъ неистощимыхъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ, нѣсколько окаррикатуря, въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудого Панька.

Надобно быть жителемъ Малороссіи, или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы гоголевой фантазіи.

Вообще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Гоголь нарисовалъ многое, что̀ окружало его въ дѣтствѣ, почти въ томъ видѣ, какъ оно представлялось глазамъ его. Тутъ еще не было художественнаго слiянія въ одно предметовъ, разбросанныхъ по цѣлому міру и набранныхъ поэтическою памятью въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Поэтому его «Вечера на Хуторѣ» и нѣкоторыя пьесы въ «Миргородѣ» и въ «Арабескахъ», при всей незрѣлости своей, имѣютъ для насъ теперь особенный интересъ. Тутъ изъ за картинъ выглядываетъ самъ художникъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ, силою своего таланта, поставилъ изображенныя имъ лица, предметы и событія внѣ всякаго сближенія съ своею домашнею жизнью. (**) Здѣсь онъ дитя, невольно высказывающееся въ своей наивности; тамъ онъ мужъ, безпристрастно и вслѣдствіе высшихъ соображеній выражающій поэтическія истины. Малороссійскіе помѣщики прежняго времени жили въ деревняхъ своихъ весьма просто: ни въ устройствѣ домовъ, ни въ одеждѣ не было у нихъ большой заботы о красотѣ и комфортѣ. Поющія двери, глиняные полы и экипажи, дающіе своимъ звя-

(*) Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи.

(**) Кромѣ развѣ оригинальныхъ украшеній языка, съ которыми онъ никогда не могъ разстаться.

каньемъ знать прикащику о приближеніи господъ, — все это должно быть такъ и въ дѣйствительности гоголева дѣтства, какъ оно представлено имъ въ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Это не кто другой, какъ онъ самъ вбѣгалъ прозябнувъ въ сѣни, хлопалъ въ ладощи и слышалъ въ скрипѣніи двери: «батюшки я зябну.» Это онъ вперялъ глаза въ садъ, изъ котораго глядѣла сквозь растворенное окно майская темная ночь, когда на столѣ стоялъ горячій ужинъ и мелькала одинокая свѣча въ старинномъ подсвѣчникѣ. Покрытая зеленою плѣсенью крыша и крыльцо, лишенное штукатурки, представлялись его глазамъ, когда онъ, переѣхавъ пажити, лѣзущія въ экипажъ, приближался къ родному дому, и старосвѣтскіе помѣщики были портреты почтенной четы отходящихъ изъ нашего міра старичковъ, которые мирною жизнью, исполненной тихой любви и довольства, лелѣяли дѣтское сердце поэта, какъ теплая, свѣтлая осень лелѣетъ молодые посѣвы. И если онъ отъ своего отца и его досужихъ собесѣдниковъ позаимствовалъ оригинальную, истинно малороссійскую манеру балагурить, то, безъ сомнѣнія, охлажденныя старостью рѣчи прототиповъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны заронили въ его душу сѣмена серьёзныхъ убѣжденій и нравственности, развивавшіяся въ немъ незримо для міра наравнѣ съ даромъ овладѣвать разсѣяннымъ умомъ падкаго на смѣшное читателя. Дѣтскія письма его покажутъ, какъ рано въ немъ скрывались высокія стремленія къ пользѣ ближняго, оказавшіяся впослѣдствіи подкладкою его юмористическихъ произведеній. Но не будемъ забѣгать впередъ и посмотримъ еще на обстановку дѣтскихъ лѣтъ поэта, поговоримъ о вліяніяхъ, содѣйствовавшихъ складу его ума и предначертавшихъ направленіе, по которому онъ долженъ былъ пойти въ зрѣломъ возрастѣ. При его впечатлительности ничто не оставалось для него постороннимъ, до него некасающимся. Вотъ какъ разсказываетъ самъ онъ о своемъ жадномъ любопытствѣ, находившемъ пищу во всемъ, что̀ представлялось его взорамъ:

«Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный

взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли, казенный домъ, извѣстной архитектуры... круглый ли, правильный куполъ, весь обитый листовымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и высунувши носъ изъ походной телеги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мысленно за ними. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: Куда онъ идетъ? на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей, и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, или мальчикъ въ толстой курткѣ, принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ сальномъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню, или широкую, желтую деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, покуда разойдутся на обѣ стороны запутавшіе его сады, и онъ покажется весь съ своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.» (*)

(*) «Мертвыя Души», изд. 1846, стр. 207—9.

Таковъ былъ Гоголь-ребенокъ. Если бы судьба бросила его въ міръ круглымъ сиротою, то съ этимъ инстинктомъ всматриваться во все его окружающее, съ этимъ даромъ по видѣнному угадывать невиданное и изъ отдѣльныхъ, несвязныхъ частицъ строить цѣлое, онъ во всякомъ случаѣ сдѣлался бы, такъ или иначе, художникомъ. Пускай бы онъ родился въ самомъ монотонномъ уголкѣ Россіи, посреди какихъ нибудь зырянъ или калмыковъ: онъ и тамъ высосалъ бы изъ родной почвы соки для цвѣтовъ воображенія и плодовъ мыслящаго духа. Но судьба назначила ему увидѣть свѣтъ въ странѣ, по замѣчанію Линнея, самой разнообразной естественными произведеніями, и посреди племени, одареннаго всѣми видоизмѣненіями чувствъ, — у котораго пѣсня звенитъ вся отъ начала до конца богатыми риѳмами — чистый благородный металлъ поэзіи — и каждымъ почти словомъ задѣваетъ воображеніе. Небо сіяетъ въ ней мѣсяцемъ и звѣздами надъ дворомъ «красной дивчины»; роза плыветъ по водѣ, эмблематически выражая потерю цвѣтущей молодости; отъ яркости нарядовъ красавицы вспыхиваетъ дуброва, черезъ которую она ѣдетъ къ суженому; влюбленная казачка молитъ Бога собрать ея вздохи, какъ цвѣты, и поставить у изголовья «милаго», чтобъ онъ, проснувшись, вспомнилъ о ней. А пѣсни матерей и женъ бывшаго воинственнаго сословія! а мужественныя рапсодіи бандуристовъ, звучащія крѣпкою рѣчью, унылыя и вмѣстѣ торжественныя! каково такая поэзія должна была подѣйствовать на душу будущаго автора «Тараса Бульбы» и живописца украинской природы!

Этого мало. Онъ рождается въ семействѣ, отдѣленномъ только однимъ или двумя поколѣніями отъ эпохи казацкихъ войнъ, этого огня, припаявшаго его родину къ крѣпкому, родственному ей составу сѣверной Россіи. Отъ своего дѣда онъ могъ слышать еще свѣжія, полныя живого интереса устныя преданія о томъ, что̀ записано въ лѣтописяхъ. Слѣды этого сохранились въ повѣсти о «Пропавшей грамотѣ», разсказанной отъ лица балагура-дьячка. Авторъ, набросивъ на себя, по обыкновенію, покровъ шутливости, говоритъ съ чувствомъ, явно искреннимъ:

«Эхъ старина старина! что̀ за радость, что̀ за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно — и года ему и мѣсяца нѣтъ — дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впу-

тается какой нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ — ну, тогда и рукой махни. Чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ....»

Самыя легкія черты старинной Малороссіи, разбросанныя у него — не говорю уже въ «Тарасѣ Бульбѣ», но и въ мелкихъ разсказахъ и отрывкахъ — дышутъ именно такою истиною, «какъ будто онъ залѣзъ въ прадѣдовскую душу» и видѣлъ сквозь нее собственными глазами своего предка Остапа Гоголя. Въ немъ не замѣтно этого правильнаго, полнаго изученія старины, на которое опирается родственная ему фантазія Вальтера Скотта; онъ говоритъ вещи, извѣстныя и мнѣ и другому и десятому, но говоритъ ихъ такъ, что въ каждой его фразѣ вѣетъ не нашъ воздухъ и въ складѣ его рѣчи чуешь присутствіе дѣйствительности. Видно, что онъ былъ пораженъ въ дѣтствѣ не событіями старины, которыя случалось ему слышать, а общимъ характеромъ этихъ событій, и чувство, впечатлѣвшееся тогда въ его сердце, сообщало потомъ всему, чего онъ ни касался своею кистью, тотъ свѣтъ, въ которомъ его дѣтскому воображенію представлялась старина. (*)

Такимъ образомъ обстоятельства дѣтства поэта и первыя впечатлѣнія, которыя онъ долженъ былъ получить отъ окружающей его природы и людей, благопріятствовали будущему развитію его таланта, надѣляя его свѣжими, живыми, цвѣтистыми матеріалами. Довольно было работы для дѣтскаго ума, пока онъ вобралъ въ себя образы и впечатлѣнія, которые послѣ такъ свѣжо явились въ его картинахъ «буколической», какъ онъ самъ называетъ, жизни малороссійскихъ помѣщиковъ и въ изображеніяхъ того, что́ онъ видѣлъ только духовными своими глазами въ дѣтствѣ. Впослѣдствіи сцена его наблюденій и воспріимчивости расширилась, еще болѣе. Въ сосѣдствѣ деревни Васильевки, именно въ селѣ Кибинцахъ (**), поселился извѣст-

---

(*) Когда М. А. Максимовичъ говорилъ съ нимъ о томъ, что хорошо было бы, еслибъ онъ описалъ свое путешествіе въ Палестину, онъ отвѣчалъ: «Можетъ быть, я описалъ бы все на четырехъ листкахъ, но я желалъ бы написать это такъ, чтобъ читающій *слышалъ*, что я былъ въ Палестинѣ.»

(**) Недалеко отъ знаменитаго мѣстечка *Сочинцы*, сцены первой повѣсти Гоголя въ «Вечерахъ на Хуторѣ.»

ный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, геній своего рода, который изъ бѣднаго казачьяго мальчика умѣлъ своими способностями и заслугами возвыситься до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Отецъ Гоголя былъ съ Трощинскимъ въ родствѣ по женѣ своей и находился съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Такъ и должно было случиться неизбѣжно. Оригинальный умъ и рѣдкій даръ слова, какими обладалъ родственникъ-сосѣдъ, были оцѣнены вполнѣ воспитанникомъ высшаго столичнаго круга. Съ своей стороны Василій Аѳанасьевичъ Гоголь не могъ найти ни лучшаго собесѣдника, какъ бывшій министръ, ни обширнѣйшаго и болѣе избраннаго круга слушателей, какъ тотъ, который собирался въ домѣ государственнаго человѣка, отдыхавшаго на родинѣ послѣ долгихъ трудовъ. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково интересующаго.

Въ то время Котляревскій только что выступилъ на сцену съ своею «Наталкою Полтавкою» и «Москалемъ-Чаривникомъ», пьесами, до сихъ поръ неисключенными изъ репертуара провинціальныхъ и столичныхъ театровъ. Комедіи изъ родной сферы, послѣ переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго, понравились малороссіянамъ, и не одинъ богатый помѣщикъ устроивалъ для нихъ домашній театръ. То же сдѣлалъ и Трощинскій. Собственная ли это его была затѣя, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву — не знаемъ, только старикъ-Гоголь былъ дирижеромъ такого театра и главнымъ его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія на малороссійскомъ языкѣ.

Къ сожалѣнію, все это считалось не болѣе, какъ шуткою, и никто не думалъ сберегать игравшіяся на кибинскомъ театрѣ комедіи. Единственные слѣды этой литературной дѣятельности мы находимъ въ эпиграфахъ къ «Сорочинской Ярмаркѣ» и къ «Майской Ночи». Между этими эпиграфами есть нѣсколько стиховъ изъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, которыхъ имена подъ ними и подписаны. Подъ остальными сказано только: «изъ малороссійской комедіи». Сколько мнѣ извѣстна печатная и письменная малороссійская литература до появленія «Вечеровъ на Хуторѣ», эпиграфы эти не принадлежатъ ни одной

пьесѣ. То же самое должно сказать и о двухъ эпиграфахъ къ «Сорочинской Ярмаркѣ», подъ которыми подписано: «изъ старинной легенды» и «изъ простонародной сказки». Весьма быть можетъ — прямыхъ доказательствъ я не имѣю — что все это отрывки изъ сочиненій гоголева отца. Во всякомъ случаѣ, Николай Васильевичъ въ самомъ раннемъ возрастѣ былъ окруженъ литературною и театральною сферою, и такимъ образомъ тогда уже былъ для него намѣченъ предстоявшій ему путь. Онъ, можно сказать, подъ домашнимъ кровомъ получилъ первые уроки декламаціи и сценическихъ пріемовъ, которыми впослѣдствіи восхищалъ близкихъ своихъ пріятелей. (1) Онъ вступилъ въ первое учебное заведеніе уже съ ясными понятіями о литературѣ. Дѣйствительно, въ Нѣжинской Гимназіи мы находимъ его уже прямымъ писателемъ, даже журналистомъ и отличнымъ актеромъ.

Однакожь, прежде, нежели разскажемъ, какъ все это было, мы должны вспомнить, для точности своего повѣствованія, что Гоголь получилъ первоначальное воспитаніе въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, по окончаніи котораго былъ два года въ первомъ классѣ Полтавской Гимназіи (2), а оттуда уже поступилъ сперва своекоштнымъ пансіонеромъ, а черезъ годъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, что̀ нынѣ Нѣжинскій Лицей. Причиною этого перевода были особенныя права, присвоенныя Нѣжинской Гимназіи, а можетъ быть, и смерть младшаго гоголева брата, Ивана, въ Полтавѣ.

Гоголь былъ нѣжно привязанъ къ брату и упоминалъ о немъ съ глубокимъ чувствомъ въ бесѣдахъ съ друзьями своего дѣтства. Изъ всѣхъ героевъ своихъ повѣстей ни о комъ никогда не писалъ онъ съ такой любовью, чуждою комическаго покрова, какъ объ Андреѣ. (3) Можетъ быть, его, прекраснаго и въ без-

(1) Во время пребыванія Гоголя въ Римѣ, одинъ изъ русскихъ художниковъ, вслѣдствіе продолжительной болѣзни, впалъ въ крайне-затруднительныя обстоятельства. Гоголь, чтобъ сколько нибудь помочь ему, пока подоспѣетъ пособіе съ родины, читалъ за деньги, въ пользу его, своего «Ревизора» для всѣхъ русскихъ, находившихся тогда въ Римѣ.

(2) Тогда гимназіи имѣли только четыре класса.

(3) Въ «Тарасѣ Бульбѣ».

жизненномъ видѣ, оставилъ онъ намъ памятникомъ братской любви своей и долгихъ сожалѣній.

Теперь мы приблизились къ той порѣ жизни, о которой воспоминанія его соучениковъ ясны и живы. Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской Гимназіи, у водъ поросшей камышемъ рѣчки, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грёзы о родинѣ. Онъ — любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость; но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, по видимому, безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все переработывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое состязаніе. Гоголь любилъ своихъ товарищей вообще, и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ впослѣдствіи онъ изъ глубины души восклицалъ: «О моя юность! о моя свѣжесть!» (*), что даже школьные враги его, если только онъ имѣлъ ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни объ одномъ изъ нихъ не отзывается онъ съ холодностью или непріязнью, и судьба каждаго интересовала его въ высшей степени.

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго и «добронравнаго»; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетинивался жосткою стороною своей души; за нимъ не водилось какихъ нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что́ называется, «смирною овечкою». Маленькія злыя, ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что̀ онъ разсказываетъ въ «Мертвыхъ Душахъ» о *гусарѣ*, спи-

(*) «Мертвыя Души», стр. 209.

сано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу. Но, можетъ быть, не всѣ такъ хорошо знакомы съ его произведеніями, какъ авторъ этого «Опыта»; можетъ быть, немногіе помнятъ чудную картину, просвѣтлѣвшую въ воображеніи поэта при воспоминаніи о гусарѣ: картина же эта живо рисуетъ и школу, въ которой онъ воспитывался, и ея мѣстоположеніе, а потому мы выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ. Гоголь разсказываетъ о томъ, какъ дамы губернскаго города N, по случаю странныхъ подозрѣній насчетъ Чичикова, «умѣли напустить такого туману въ глаза всѣмъ, что всѣ нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту (продолжаетъ онъ) было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, чтò съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучемъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступавшее утро съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ и съ освѣжившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ». (*)

Эти «блестящія загогулины между тонкихъ тростниковъ» живо напоминаютъ тому, кто знаетъ мѣстность Нѣжинскаго Лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами рѣчку, а проснувшійся лѣсъ, звучащій тысячами птичьихъ голосовъ, есть не что иное, какъ тѣнистый обширный садъ Лицея, похожій на лѣсъ. Ссылаюсь на соучениковъ Гоголя, не помнятъ ли они при этомъ «косвенномъ лучѣ солнца» золотистыхъ кудрей дѣтской головы своего знаменитаго сверстника. Да, это одно изъ тѣхъ лѣтнихъ утръ, когда душа поэта, упиваясь новостью «всѣхъ наслажденій бытія», набиралась (мы употребляемъ его слово) творческаго запаса на будущую дѣя-

(*) «Мертвыя Души», стр. 360—361.

тельность; потому такъ и живо, такъ и тепло, и солнечно оно въ гоголевой картинѣ.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познанiй изъ Нѣжинской Гимназiи Высшихъ Наукъ, а между тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекцiяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшiй классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособiя словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ нѣмецкому и англiйскому языкамъ онъ питалъ и впослѣдствiи какое-то отвращенiе. (¹) Онъ шутя говаривалъ, что онъ «не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно, на какомъ нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобъ на нѣмецкомъ.» — Вспомните слова его: «по англiйски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физiономiю сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физiономiи.» (²) Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденiя попрекнуть русскую публику равнодушiемъ къ родному языку.

Зато въ рисованьи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большiе успѣхи. Въ Гимназiи было тогда, и до сихъ поръ (въ Лицеѣ) есть, нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденiя о нихъ учителя рисованiя, человѣка необыкновенно преданнаго своему искуству (³), и будучи подготовленъ къ этому практически, Гоголь уже въ школѣ получилъ основныя понятiя объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствiи онъ такъ сильно,

---

(¹) «Впослѣдствiи — говоритъ г. Гаевскiй въ своихъ «Замѣткахъ для бiографiи Гоголя» (Современникъ 1852 года, № 10) — во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванiя своего въ Римѣ, онъ выучился итальянскому языку, такъ что могъ довольно свободно объясняться, даже писалъ иногда изъ Рима въ Петербургъ по итальяцски. Разъ даже въ остерiи, въ обществѣ художниковъ, онъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ безъ приготовленiя.»

(²) «Мертвыя Души», стр. 313.

(³) Это былъ К. С. Павловъ, отъ котораго я многое узналъ о Гоголѣ.

такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ, и уже съ того времени предметы стали обрисовываться для его глаза такъ определительно, какъ видятъ ихъ только люди, знакомые съ живописью. (*)

Чтó касается до литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы г-на Кукольника, покойнаго Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ Гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь-Яновскій.* О первыхъ мы молчимъ, такъ какъ не о томъ идетъ рѣчь; но сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже нѣкоторою опытностью, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстью. Слово въ ту эпоху вообще было какою-то новостью, къ тоторой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей, казался тогда восхитительною забавою. (**) Это было время появленія первыхъ главъ «Евгенія Онѣгина», время, когда книги не читались, а выучивались наизустъ. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и его блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Первый опытъ Гоголя, извѣстный соученикамъ его, былъ трагедія «Разбойники», написанная пяти-стопными ямбами. Впрочемъ, нѣтъ: еще до того времени, когда Гоголь въ своемъ ученическомъ кругу сдѣлался настоящимъ литераторомъ, онъ чи-

---

(*) «Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи», говоритъ Гоголь въ статьѣ о Пушкинѣ (Арабески, часть I, стр. 221). И какъ рано пробудилась въ немъ эта страсть, видно изъ слѣдующаго за тѣмъ недосказаннаго объясненія: «Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди.

(**) Я думаю, что еще въ ту свѣжую пору жизни Гоголь такъ пристально вглядѣлся въ неосязаемую механику слова, какъ это послѣ выражено имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Арабески, часть I, стр. 224). «Въ каждомъ словѣ — говоритъ онъ — бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ.»

талъ одному изъ друзей своихъ наизусть стихотворную балладу, подъ заглавіемъ: «Двѣ Рыбки.» Въ этой балладѣ онъ изобразилъ, подъ двумя рыбками, судьбу свою и своего брата— очень трогательно, сколько помнитъ его единственный слушатель Н. Я. Прокоповичъ. Что касается до трагедіи, то она значительно возвысила Гоголя во вниманіи товарищей.

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что̀ всего важнѣе, сдѣлать обертку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: «Звѣзда». Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ «Звѣздѣ», между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: «Братья Твердиславичи» (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Все это написано было такъ называемымъ «высокимъ» слогомъ, изъ за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ. Но журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ Гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта, — словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе «Альманаха» и издалъ подъ заглавіемъ: «Парнасскій Навозъ.» Отъ этой шутки онъ перешелъ къ серьёзному подражанію журналамъ и работалъ надъ обертками очень усердно въ теченіе полугода или болѣе.

Новое литературное направленіе заставило его бросить журналистику. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли

на домашнемъ театрѣ Трощинскаго (*), и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актеромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ: другого никто не видалъ. (**) Начальство Гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанниковъ къ изученію французскаго языка, и ввело въ репертуаръ гоголева театра французскія пьесы. Тутъ-то и Гоголю пришлось познакомиться съ французскимъ языкомъ, который вообще малороссіянамъ, непріученнымъ къ нему съ дѣтства, кажется гораздо труднѣе и, главное, противнѣе даже нѣмецкаго. Русскія пьесы, однакожь, не выводились, и преданіе гласитъ, что Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ. Театръ, основанный Гоголемъ въ Гимназіи, процвѣлъ наконецъ до того, что на представленія его съѣзжались и городскіе жители. Нѣкоторые изъ нихъ помнятъ его до сихъ поръ въ роли Простаковой и говорятъ, что онъ исполнялъ ее превосходно. Этому можно повѣрить. Кромѣ мимики, онъ умѣлъ перенимать и голосъ другихъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ любилъ представлять одного старичка, Б., котораго онъ знавалъ въ Нѣжинѣ. Одинъ изъ его слушателей, никогда не видавшій этого Б., приходитъ разъ къ

(*) Подъ заглавіемъ: «Собака-Вивця» (Собака-Овца). Содержаніе ея основано на слѣдующемъ анекдотѣ. Мужикъ велъ на ярмарку для продажи овцу; двое солдатъ пристали къ нему и увѣрили его, что это собака ихъ майора, такъ что мужикъ не только отдалъ имъ овцу, но еще и *кôпу грóшей* (полтину мѣдью), чтобъ только *одкарáскались* (отстали).

(**) Гоголь не только дирижировалъ плотниками, но самъ расписывалъ и декораціи. Ученики жертвовали въ театральный гардеробъ кто что̀ могъ. Между прочимъ, была пожертвована кѣмъ-то пара заржавѣвшихъ и обломанныхъ пистолетовъ, замѣчательная по слѣдующему случаю. Однажды, передъ самымъ представленіемъ «Недоросля», Гоголь какъ-то задѣлъ своею шуткою одного изъ товарищей, Б. Тотъ вспыхнулъ и отказался играть, а онъ игралъ роль Стародума. Ну, какъ безъ Стародума приступить къ представленію? Гоголь сдѣлалъ видъ, что вышелъ изъ себя; въ страшной мести онъ вызвалъ товарища на дуэль и подалъ ему театральные пистолеты безъ курковъ. Б. разсмѣялся и сталъ играть.

своему пріятелю и видитъ какого-то старичка, который играетъ на коврѣ съ дѣтьми. Голосъ и манеры этого старичка тотчасъ напомнили ему представленіе Гоголя. Онъ отводитъ хозяина въ сторону и спрашиваетъ, не Б. ли это. Дѣйствительно это былъ Б.

Еще мы знаемъ автора «Мертвыхъ Душъ» въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги нетрудно было и при малыхъ средствахъ пріобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли «Сѣверные Цвѣты», издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе — нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги, какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ «Математическую Энциклопедію» Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ; но первое изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» еще отзывается ею.

Въ заключеніе этого краткаго очерка ученической жизни поэта, — очерка, уже извѣстнаго читателямъ изъ прежде напечатанной моей статьи (*), представляю два письма его, писанныя во время пребыванія его въ послѣднихъ, такъ называвшихся *университетскихъ* классахъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. (**) Они дорисуютъ начертанное мною изображеніе и, между прочимъ, покажутъ, какъ вѣрны были собранныя мною свѣдѣнія о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Въ этихъ драгоцѣнныхъ письмахъ читатель не найдетъ ни одной черты, которая противорѣчила бы сказанному мною около

(*) «Отечественныя Записки» 1852 года, апрѣльская книжка.
(**) Эти классы были 7-й, 8-й и 9-й.

двухъ лѣтъ тому назадъ. Они были адресованы къ Г. И. В***, служившиму въ то время въ Петербургѣ, а нынѣ помѣщику Полтавской губерніи.

Г. В*** былъ соученикомъ Гоголя по Гимназіи Князя Безбородко и шелъ классомъ или двумя выше его. Сходство вкусовъ сблизило ихъ, ибо тотъ и другой отличались мечтательностью и комизмомъ. Всѣ юмористическія прозвища, подъ которыми Гоголь упоминаетъ въ своихъ письмахъ о товарищахъ, принадлежатъ г. В*** Онъ имѣлъ сильное вліяніе на первоначальный характеръ гоголевыхъ сочиненій. Товарищи ихъ обоихъ, перечитывая «Вечера на Хуторѣ» и «Миргородъ», на каждомъ шагу встрѣчаютъ слова, выраженія и анекдоты, которыми г. В*** смѣшилъ ихъ еще въ Гимназіи.

Ученическія письма Гоголя отличаются отсутствіемъ всякихъ правилъ орѳографіи, что обнаруживаетъ поверхностность полученнаго поэтомъ въ дѣтствѣ воспитанія, а пожалуй также и его всегдашнюю небрежность въ литературной манипуляціи. Чтобъ сдѣлать ихъ болѣе ясными, я разставилъ какъ слѣдуетъ знаки препинанія, обратилъ прописныя буквы, на которыя онъ былъ тогда очень щедръ, въ строчныя и поправилъ неправильныя окончанія въ прилагательныхъ именахъ. (*)

## 1.

«1827 года, января 17. Нѣжинъ.

«Теперь только пріѣхалъ я изъ дому, гдѣ былъ всѣ праздники, и сегодня только получилъ твою записку отъ Шапалинскаго. Извини меня, безцѣнный другъ, что я такъ неблагодарно отплатилъ за твое дружеское расположеніе: на письмо твое не отвѣчалъ ни слова. Я знаю, что, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло отъ какого либо небреженія или холодности: нѣтъ, другъ! По крайней мѣрѣ, позволь сказать, что ни къ кому сердце мое такъ не привязывалось, какъ къ тебѣ. Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли другъ друга; вмѣстѣ мы обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась: ты уже на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ;

(*) Подлинники этихъ писемъ принадлежатъ теперь О. М. Бодянскому.

а я.... Зачѣмъ намъ такъ хочется видѣть наше счастіе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣнье. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ.... Много принесло мнѣ удовольствія письмо твое; жадно перечитывалъ я тобою писанное, ловилъ слова, и мнѣ казалось, будто я слышу изъ устъ твоихъ. И послѣ всего этого, послѣ всей радости, которую ты прислалъ ко мнѣ съ письмомъ, я ни слова не сказалъ тебѣ. Какая неблагодарность чернѣе этой? Но еще разъ прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставилъ, и принялъ твердое намѣреніе писать нарочно побольше писемъ въ разныя мѣста, чтобы тѣмъ пріучить себя къ исправности. Сдѣлай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы, не забудь меня, — пиши ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ этой поры никогда письмо твое не будетъ оставлено безъ отвѣта.

«Пиши мнѣ о своей жизни, о своихъ занятіяхъ, удовольствіяхъ, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, что только напоминаетъ прелесть жизни петербургской. Это одно для меня развѣетъ горечь, сблизитъ урочное время и покажетъ мнѣ тебя въ твоемъ быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже съ восхищеніемъ въ мечтахъ читаю письмо, забывая и мѣстопребываніе свое, и весь міръ, выключая тебя съ Петербургомъ.

«Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о нашемъ классѣ. Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Л*** поѣхалъ въ Одессу, Д*** (*) тоже выбылъ. Не знаю, куда онъ отправится. Изъ старыхъ никого нѣтъ. Насъ теперь весьма мало; но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ: я совершенно позабылъ всѣхъ. Изрѣдка только здѣшнія происшествія трогаютъ меня; впрочемъ, я весь съ тобою въ столицѣ. Атестатъ твой уже изготовленъ, и ты скоро получишь. Каково теперь у васъ? Какъ-то будете веселиться

(*) Имена, сокращенныя мною въ начальныя буквы, будутъ вездѣ отмѣчены тремя звѣздочками; начальныя же буквы, выставленныя вмѣсто именъ самимъ Гоголемъ, не будутъ имѣть при себѣ звѣздочекъ. *Н. М.*

на масляницѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякій вечеръ тамъ. Чья музыка? Что̀ тебѣ сказать о нашихъ новостяхъ? здѣсь ихъ совершенно нѣтъ. Писать тебѣ про пансіонъ? онъ у насъ теперь въ самомъ лучшемъ, въ самомъ благородномъ состояніи, и всѣмъ этимъ мы одолжены нашему инспектору Бѣлоусову. Къ масляницѣ затѣваютъ театръ. Но прости: я надоѣлъ уже, думаю, тебѣ до сна. По слѣдующей почтѣ я намѣренъ еще тебѣ сказать кое о чемъ; а до того времени не забудь твоего вѣрнаго, всегда и вездѣ тебя любящаго стариннаго друга

Н. Гоголя.

«Божко и Миллеръ благодарятъ, что ты не забываешь ихъ».

Отмѣтка г. В***: «Получено отъ Николая Васильевича Гоголь-Яновскаго сіе письмо 9 февраля 1827 г. Въ *С.-Петербургѣ.*»

## 2.

«1827 годъ, м. іюнь, число 26. Нѣжинъ.

«Пишу къ тебѣ таки изъ Нѣжина. Не думай, чтобъ экзаменъ могъ помѣшать мнѣ писать къ тебѣ. Письмами твоими я еще болѣе сблизился съ тобою, и потому буду безпрестанно надоѣдать. Милый Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся въ письмѣ твоемъ. Она, кажется, ростетъ между нами болѣе и болѣе, и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, и спѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны; или — странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе. Меня восхищаетъ, когда я подумаю, что тамъ есть кому ждать меня, есть кому встрѣтить роднымъ привѣтствіемъ и облеснуть лицо свѣтлою радостью. Означились мнѣ на сердцѣ также и друзья-пріятели твои. Я не знаю ихъ, никогда не видалъ, но они друзья тебѣ, и я ихъ такъ же люблю, какъ и ты. Зачѣмъ ты не наименилъ ни одного изъ нихъ? Хотя имя не опредѣлитъ человѣка, не ознакомитъ съ нимъ, однако, я все бы могъ изъ письма твоего узнать ихъ характеръ, свойство, съ кѣмъ ты болѣе друженъ, — особливо,

когда они будутъ дѣйствующими лицами въ твоихъ письмахъ, чего мнѣ непремѣнно хочется. Уединясь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ вывѣрить мышленія свои, я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ. Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что́ только находится въ одной роднѣ, и тайны сердца, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе. Въ такомъ случаѣ я желаю знать тебя въ кругу твоихъ друзей, гдѣ не скрываешься и гдѣ ваши занятія всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писалъ мнѣ ваши разговоры и цѣлыя происшествія замѣчательнаго дня. Можетъ быть, я требую многаго; но ты не откажешь въ этомъ тому, у котораго, кромѣ тебя, почти ничего не осталось и который только этимъ и бываетъ веселъ. И точно: я ничего теперь такъ не ожидаю, какъ твоихъ писемъ. Они — моя радость въ скучномъ уединеніи. Нѣсколько только я разгоняю его чтеніемъ новыхъ книгъ, для которыхъ берегу деньги, несоставляющія для меня ничего, кромѣ ихъ, и выписываніе ихъ составляетъ одно мое занятіе и одну мою корреспонденцію. Никогда еще экзаменъ для меня не былъ такъ несносенъ, какъ теперь. Я совершенно весь истомленъ, чуть движусь. Не знаю, что̀ со мною будетъ далѣе. Только я надѣюсь, что поѣздкою домой обновлю немного свои силы. Какъ чувствительно приближеніе выпуска! Не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перенесу это время!...

«Ты уже успѣлъ дать за меня слово о моемъ согласіи на ваше намѣреніе отправиться за границу. Смотри только впередъ не раскаяться? можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: «Не ищи того за моремъ, что̀ сыщешь ближе». Но уже такъ и быть; ты далъ слово — нужно мнѣ спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будетъ? Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, впрочемъ, я безъ тебя не останусь въ немъ: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидаютъ? Меня это ужасть какъ приближаетъ къ Петербургу, — тѣмъ болѣе, что я внесенъ уже въ вашъ кругъ. Мое имя, я думаю, помнится между вами, и, можетъ быть, по какому-то тайному сочувствію, кто нибудь изъ друзей твоихъ наименитъ меня, какъ друга ихъ друга, предугадывая, что онъ

также добръ. На дняхъ я получилъ посьмо отъ Л***, не знаю по какой благодати. Чего только онъ въ немъ не наговорилъ! и каламбуровъ и стишковъ. Изо всего письма я только могъ замѣтить, что, увидѣвъ мое письмо къ тебѣ, онъ загорѣлся воспоминаніемъ и рѣшился подкрѣпить его посланіемъ. На четырехъ страницахъ не сказалъ о себѣ ни слова, даже не объявилъ при концѣ письма, что онъ Л***-Р***; а въ заключеніе просилъ меня извѣстить объ *Кляроцькѣ* К***, о которой ты, я думаю, самъ знаешь, какого я глубокаго свѣдѣнія: даже не видалъ ее ни разу. Жалѣю, однакожь, что мнѣ нѣтъ времени писать, особливо теперь. Чтобъ онъ еще, однакожь, не почелъ за пренебреженіе. Извини меня какъ нибудь передъ нимъ.... Нѣтъ ли тамъ у васъ Николаевича-Кобеляцкаго. Мы уже годъ какъ его не видимъ. Спечега(?) было навѣдывался къ намъ, а теперь пропалъ безъ вѣсти. У насъ теперь у Нѣжинѣ завелось сообщеніе съ Одессою посредствомъ парохода или брички Ваныкина: этотъ пароходъ отправляется отсюда ежемѣсячно съ огурцами и пикулями и возвращается набитый маслинами, табакомъ и гальвою. Семеновичъ-Орлай, который теперь обрѣтается въ Одессѣ, подманилъ отсюда Д***-М***. Д*** находится теперь въ Москвѣ, — не могу навѣрно сказать гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ. Петръ Александровичъ Б***, наскуча недѣятельною жизнью, захотѣлъ отвѣдать трудностей воинскихъ, и, мѣсяцъ назадъ, я получилъ письмо, въ которомъ объявляетъ онъ о своемъ опредѣленіи въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ.

«Теперь Гимназія наша заселена все семействами. О женитьбѣ Шапалинскаго и Самойленко, я думаю, ты слышалъ; кромѣ того, Лаура (П***) совокупился законнымъ бракомъ съ дочерью Капетихи. В*** женится на Фелибертисѣ (онъ овдовѣлъ при тебѣ); І*** — на базилёвой сестрицѣ, которая пріѣхала изъ Одессы; Л*** — на какой-то французской мамзели, которой имени ей-Богу я до сихъ поръ не знаю, хотя три мѣсяца уже прошло послѣ ихъ обрученія; и даже казакъ М*** намѣревается, *вѣроятно,* уничтожить одиночество своей жизни, хотя это *кроется во мракѣ баснословія;* но доказательствомъ сему служитъ его покупка земли, на которой онъ уже началъ домъ строить.

«Мишель нашъ, баронъ Кунжутъ-фонъ-Фонтикъ — радуйся — снова у насъ; а мы уже было думали, что онъ совсѣмъ насъ оставилъ. Уже подалъ было прошеніе о принятіи его въ драгун-

скій полкъ; но благоразумный отецъ, узнавъ объ этомъ, не согласился. Читая письмо мое, я думаю, ты почесывалъ голову и частенько поглядывалъ на часы, какъ на свидѣтелей теряемаго времени. Но неужели мы должны вѣкъ серьёзничать, — и отчего же изрѣдка не быть творителями пустяковъ, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мнѣ наскучило горевать здѣсь, и, не могши ни съ кѣмъ развеселиться, мысли мои изливаются на письмѣ и, забывшись отъ радости, что есть съ кѣмъ поговорить, прогнавъ горе, садятся нестройными толпами въ видѣ буквъ на бумагу, и въ это время — вообрази — я на какую мысль набрелъ. Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ, въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно жить въ этакомъ райскомъ мѣстѣ. Но, покуда еще неизвѣстно намъ предопредѣленіе судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни. Но слушай: будто ты сидишь у меня, будто говоримъ мы долго, будто смѣемся, и — вѣришь ли? — будто, забывшись, перо выпадало разъ двадцать на бумагу, разрушало мечтательныя думы и съ досады зачеркивало ничего ему несдѣлавшія слова. Ахъ, какъ въ это время хотѣлось бы мнѣ обнять тебя, увидѣть тебя! Не знаю, можетъ ли что̀ удержать меня ѣхать въ Петербургъ, хотя ты порядкомъ пугнулъ и пристращалъ меня необыкновенною дороговизною, особливо съѣстныхъ припасовъ. Болѣе всего удивило меня, что самые пустяки такъ дороги, какъ-то: манишки, платки, косынки и другія бездѣлушки. У насъ, въ доброй нашей Малороссіи, ужаснулись такихъ цѣнъ и убоялись, сравнивъ суровый климатъ вашъ, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссійскій, который достается почти даромъ; а (*) потому многіе изъ самыхъ жаркихъ желателей уже навостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ. Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества. Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ.

---

(*) Съ этого мѣста перемѣнились чернилы и почеркъ сдѣлался небрежнѣе. *Н. М.*

«Какое теперь ужасное у насъ плодородіе, ты не повѣришь, — особливо фруктовъ! Деревья гнутся, ломятся отъ тяжести. Не знаемъ, дѣвать куда. Я воображаю о необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, пріѣхавъ домой. Уже два дни экипажъ стоитъ за мной. Съ нетерпѣніемъ лечу освѣжиться. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе, пока урочное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ, не предстанетъ снова истомленному. Какая у насъ засуха! болѣе полтора мѣсяца не шли дожди. Не знаю, что́ будетъ далѣе. Лѣто вдругъ у насъ перемѣнилось: сдѣлалось вдругъ такъ холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрамъ. Весна была нестерпимо жарка.

«Позволь еще тебя, единственный другъ Герас. Иван., попросить объ одномъ дѣлѣ.... надѣюсь, что ты не откажешь.... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому лучшему фракъ для меня? Мѣрку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинакого росту и плотности съ тобой. А ежели ты разжирѣлъ, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ послѣ, а теперь — главное — узнай, что̀ стоитъ пошитье самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну выставь въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно посылать денегъ. А сукно-то, я думаю, здѣсь купить, оттого, что ты говоришь — въ Петербургѣ дорого. Сдѣлай милость, извѣсти меня какъ можно поскорѣе, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебѣ и отправить, потому что мнѣ хочется ужасно какъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ или къ первому ноября я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цѣны и цѣну за пошитье. Извини, драгоцѣнный другъ, что я тебя затрудняю такъ; я знаю, что ты ни въ чемъ не откажешь мнѣ, и для того надѣюсь получить самый скорый отъ тебя отвѣтъ и увѣдомленіе. Какъ ты обяжешь только меня этимъ! Какой-то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ бы очень хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами; а черныхъ фраковъ у меня много, и они мнѣ такъ надоѣли, что смотрѣть на нихъ не хочется. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта, милый, единственный, безцѣнный другъ.

«Письмо мое началъ укоризнами унынія и при концѣ развеселился. Тебѣ хочется знать причину? вотъ она: я началъ его

въ Нѣжинѣ, а кончаю дома, въ своемъ владѣніи, гдѣ окруженъ почти съ утра до вечера веселіемъ. Желаю тебѣ вполнѣ имъ насладиться, и чтобы никогда минута горести не отравляла часовъ твоей радости. А я до гроба твой

«Неизмѣнный, вѣрный, всегда тебя любящій

«Николай Гоголь.

«Изъ Нѣжина къ тебѣ кланяются всѣ, — примѣчательнѣе: Лопушевскій, буфетчикъ Марко (прежній фаворитъ твой, съ своею красною жонкою), баронъ фонъ-Фонтикъ давинѣе (?), Гусь Евлампій (*), Григоровъ, Божко, Миллеръ и проч. и проч., а отсюдова одинъ только я привѣтствую тебя поклономъ заочно.» (**)

Къ этимъ двумъ письмамъ кстати присоединить четыре письма Гоголя, обнародованныя г. Данилевскимъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 года (№ 124). Къ сожалѣнію, онъ не означилъ въ нихъ мѣсяцевъ и чиселъ, а только сказалъ, что одно изъ нихъ писано было въ 1826 году, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о кончинѣ отца, а прочія — въ 1827 году. Правописаніе въ нихъ, очевидно, поправлено (какъ и я сдѣлалъ); у кого находятся подлинники, не указано.

1.

«Не безпокойтесь, маменька! Я этотъ ударъ перенесъ съ твердостію истиннаго Христіанина! Правда, я сперва былъ пораженъ симъ извѣстіемъ; однакожь, не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою.... Но Богъ удержалъ меня, и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва замѣтную грусть, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему! — Благословляю тебя, священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ! я теперь спокоенъ, хотя не

---

(*) Фельдшеръ при гимназическомъ лазаретѣ.

(**) За сообщеніе мнѣ этихъ документовъ я обязанъ глубокою благодарностью И. Д Юскевичу-Красковскому. *Н. М.*

могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу!....».(*)

2.

«Почтеннѣйшая маменька! Къ числу мечтательностей своихъ иногда желаю быть ясновидцемъ, знать, что̀ у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь. И, вѣрите ли, съ какимъ удовольствіемъ занимаюсь я отгадываніемъ всего, что̀ васъ занимаетъ.... Какъ вы проводили масляную? — Извините, что закидываю васъ кучею вопросовъ! Обыкновенно, человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлаться участникомъ другихъ, особливо ближайшихъ къ нему.... Кто же ближе къ моему сердцу, какъ не вы, ваша радость, ваше удовольствіе? Посмотрите же, какъ я повеселился!... Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось желаніе веселости (разумѣется, не буйной!), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни.... Я удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ!...

«Ежели о чемъ я теперь думаю, такъ это о будущемъ моемъ житьѣ-бытьѣ. Во снѣ и наяву мнѣ грезится Петербургъ, а съ нимъ вмѣстѣ и служба Государю. До сихъ поръ я былъ счастливъ; но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобъ быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, не совсѣмъ — до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста....

«Масляницу, всю недѣлю, мы провели такъ, какъ желаю всякому ее провесть: мы веселились безъ устали. Четыре дня сряду былъ у насъ театръ, и, къ чести нашей, всѣ признали единодушно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего! Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ

(*) Въ концѣ письма, во второй припискѣ, онъ прибавляетъ просьбу къ матушкѣ выслать ему десять рублей на покупку курса русской словесности. «А собственно для меня — заключаетъ онъ — не нужно ничего».

французскія піесы, Мольера и Флоріяна, одну нѣмецкую, Коцебу, и русскія: «Недоросль» Фонъ-Визина и др. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много, всѣ пріѣзжіе и все съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ. Осьмнадцать увертюръ, Россини, Вебера и другихъ, были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь! Дай Богъ, чтобы вы провели его еще веселѣе!

«P. S. Ожидаютъ у насъ директора, г. Я***; не знаемъ его характера; говорятъ, что слишкомъ добръ.

3.

«Позвольте во первыхъ, почтеннѣйшая маменька, поздравить васъ съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ; въ это время онѣ бываютъ мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая копѣйка теперь имѣетъ у меня мѣсто; я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ томъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать *прекрасное!* Для него-то я съ величайшимъ трудомъ собираю все свое годовое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я сорокъ рублей — деньги весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ, и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу очень пріятно. (*) Не забываю также и русскихъ, и выписываю, что только выходитъ самаго отличнаго; разумѣется, что я ограничиваюсь немногимъ; въ цѣлые полугода я не пріобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня печалитъ чрезвычайно. Какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце.... и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ га-

(*) Г. Прокоповичъ говорилъ мнѣ, что у Гоголя скоро не стало терпѣнія добиваться смысла въ Шиллерѣ, и что это было только минутное увлеченіе. *Н. М.*

зету, видя невозможность имѣть ето; мечтаніе — достать его, смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца.... Не знаю, что было бы со мною, если бы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости; я бы умеръ отъ тоски и скуки! Это одно услаждаетъ разлуку мою съ вами. Вы рисуетесь въ свѣтлыхъ мечтахъ моихъ. Давно ли я пріѣхалъ съ Рождества, а уже трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало; половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами; опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю ивановскую.... Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь ваша! Одно имя каникулъ уже приводитъ меня въ восхищеніе.... Увидѣть всѣхъ родныхъ, всѣхъ близкихъ сердцу.... очаровательно!»

4.

«Получилъ ваше письмо сегодня и къ моей горести узналъ, что вы больны. Я уже это замѣтилъ бы изъ одной краткости письма вашего, которому видно мѣшала много болѣзнь. Всегда нужно судьбѣ, въ самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я находился, зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостію горя. Меня мучитъ ваша болѣзнь.... Сдѣлайте милость, берегите себя....

«Я не могу нарадоваться, вспомнивъ, сколько меня ожидаетъ дома близкихъ моему сердцу. Желаю, чтобъ этотъ годъ, какъ и всѣ будущіе, Богъ подарилъ намъ изобиліе, чтобы роскошь плодородія упитала счастливое наше жилище, чтобы всѣ крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои! Здѣсь поговариваютъ о плодородіи этого года; я думаю, что и у васъ также. Желательно мнѣ бы знать объ этомъ отъ васъ. Также, водится ли что въ саду нашемъ. Здѣсь и на фрукты урожай. Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платья. Ежели посылать деньги, то не тогда, какъ будете присылать за мной: нужно гораздо прежде, а то экипажъ всегда дожидается; тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ, и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату.... Я совѣтовалъ бы вамъ деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма; оно какъ разъ и выйдетъ, что къ времени моего отъѣзда платье поспѣетъ,

для чего нужно, по крайней мѣрѣ, три недѣли, а то мнѣ всегда за скоростію шьютъ на живую нитку....

«Присылайте за мною экипажъ умѣстительнѣе, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите труды мои. Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, то есть письма. Черезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, все тотъ же пламенный, признательный, никогда не загашавшій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ!»

Судя по множеству черныхъ фраковъ, о которыхъ упоминаетъ Гоголь въ письмѣ къ г. В***, и по его заботамъ о своемъ костюмѣ, выраженнымъ въ письмѣ къ матери, можно подумать, что онъ былъ франтъ между своими соучениками. Между тѣмъ они сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о страшномъ неряхѣ. Онъ рѣшительно пренебрегалъ тогда своею внѣшностью и принаряжался только дома, гдѣ, видно, были люди, на которыхъ онъ желалъ производить пріятное впечатлѣніе. Въ Петербургѣ нѣкоторые помнятъ его щеголемъ; было время, что онъ даже сбрилъ себѣ волосы, чтобъ усилить ихъ густоту, и носилъ парикъ. Но тѣ же самыя лица разсказываютъ, какъ у него изъ подъ парика выглядывала иногда вата, которую онъ подкладывалъ подъ пружины, а изъ за галстуха вѣчно торчали бѣлыя тесемки. Такимъ образомъ Гоголь служитъ новымъ подтвержденіемъ мнѣнія, что поэтъ въ мелкихъ дѣлахъ общежитія непремѣнно долженъ имѣть какія нибудь странности.

По порядку повѣствованія, мнѣ слѣдовало бы теперь говорить о переѣздѣ Гоголя въ Петербургъ, куда такъ страстно стремилась душа его; но, для полноты перваго, малороссійскаго, періода жизни поэта, бросимъ взглядъ на его родной уголокъ, къ которому, безъ сомнѣнія, часто улетала, за свѣжими чувствами, творческая его фантазія изъ отдаленнаго сѣвера. Я желалъ, но не имѣлъ возможности, посѣтить его родительскій домъ, и потому долженъ основаться на печатномъ разсказѣ г. Данилевскаго. (*)

«Вотъ-они, мѣста, въ которыхъ прошло веселое дѣтство Гоголя!—восклицаетъ восторженный путешественникъ.—Широкая поляна надъ косогоромъ. Справа избы хутора, чистенькія,

(*) «Московскія Вѣдомости» 1852 года, № 124.

окрашенныя бѣлою и желтою краскою, въ тѣни прелестныхъ садиковъ; слѣва левада, родъ огромнаго огорода; середина его, обращенная къ хутору, обсажена липами и вербами. Передъ этою оградою каменная церковь съ зеленою крышею. Ограда церкви сдѣлана изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краскою кирпичей: кирпичи сложены въ видѣ рѣшетки, сквозными стѣнами. Церковь между левадою и хуторомъ; противъ нея, примыкая къ хатамъ хутора, съ правой же стороны, новая ограда; за этою оградою панскій деревянный домъ, съ красною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него флигель, налѣво людскія строенія. За домомъ садъ; за садомъ пруды. За прудами неоглядныя равнины украинскихъ степей.

«Прежде всего остановимся на *флигелѣ*, который помѣщается во дворѣ, направо отъ дома, такъ-какъ въ этомъ флигелѣ, въ свои неоднократные пріѣзды на хуторъ, обыкновенно жилъ Гоголь. Флигель — низенькое, продолговатое строеніе съ крытою галлереей, выходящею въ дворъ. Ветхія ступени ведутъ на крыльцо; черезъ небольшія сѣни открывается входъ въ пространную комнату, родъ залы, отсюда въ гостинную. Въ гостинной окна выходятъ въ палисадникъ за флигелемъ. Палисадникъ кончается группою тополей; за тополями видъ на избы хутора и на степи. Одно изъ оконъ сдѣлано въ двери, которая ведетъ на балконъ, въ палисадникъ. Кабинетъ находится въ сторонѣ и имѣетъ особый выходъ. Это комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два маленькія окошечка выходятъ во дворъ; между ними помѣщается небольшое зеркальцо; окна завѣшаны бѣлыми кисейными занавѣсками. Влѣво отъ двери — печь; вправо — дубовый шкафъ для книгъ. Шкафъ этотъ заказанъ Гоголемъ въ прошлое лѣто и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи простенькая кровать, покрытая ковромъ. Здѣсь замѣчу кстати, что Гоголь, въ послѣднее время, много занимался улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ, самъ рисовалъ по цѣлымъ днямъ узоры для нихъ, и это занятіе, вмѣстѣ съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло главное удовольствіе его отдыха.... Надъ кроватью въ углу образъ св. Угодника Митрофана. Наконецъ, спинкой къ забитой двери, между печью и кроватью, помѣщается рабочій столъ Гоголя. Это на высокихъ ножкахъ конторка съ косою доскою изъ грушеваго дерева, покрытою кожею; на верхней платформѣ ея, съ двухъ сторонъ,

вдѣланы чернильница и песочница. Гоголь за этою конторкою работалъ стоя. На стѣнѣ, возлѣ рабочаго стола, помѣщается привезенный Гоголемъ изъ Италіи нерукотворенный образъ Спасителя, писанный масляными красками.

«О, домѣ, гдѣ помѣщается теперь семейство покойнаго, мы не можемъ сказать ничего особеннаго. Домъ выстроенъ удобно, какъ строились въ старину всѣ дома въ украинскихъ селахъ. По стѣнамъ развѣшаны превосходныя старинныя гравюры. Въ залѣ стоитъ рояль....

«Перейдемъ въ садъ. Садъ расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Деревья его высоки и тѣнисты. По сторонамъ аллеи, идущей вправо отъ садоваго балкона, Гоголь въ прошломъ (1851) году сажалъ молодыя поросли клена и береста. Далѣе за ними, на луговой полянѣ, у корней другихъ деревьевъ, Гоголь посадилъ нѣсколько желудей. Изъ желудей теперь выросли крохотные дубки, родоначальники будущей дубравы. Влѣво отъ балкона идетъ другая аллея; здѣсь не такъ нависли дикія, ползучія вѣтви деревъ; здѣсь уже прошелъ заступъ цивилизаціи. Дорожка аллеи, въ два шага шириною, идетъ надъ однимъ прудомъ и упирается своимъ концомъ въ другой смѣжный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. Надъ этою дорожкою, на холмѣ, устроена деревянная бесѣдка, разрушенная бурею скоро послѣ отъѣзда Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же не далеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, чернѣетъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа.

«На прудѣ за садомъ, передъ домомъ, устроена купальня. Къ ней ѣздятъ на маленькомъ двухъ-весельномъ паромѣ. Ее устроилъ для себя Гоголь, но купался въ ней не болѣе трехъ разъ. За прудомъ разстилается широкая, огороженная поляна. У самаго пруда она, благодаря заботливости Гоголя, обсажена деревьями, и въ особенности красива здѣсь недавно-разросшаяся аллея изъ серебристыхъ тополей. Покойный ухаживалъ за нею съ самымъ теплымъ участіемъ.»

Вотъ все, что̀ можно было до сихъ поръ собрать о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Другой бы, можетъ быть, представилъ это въ болѣе выразительномъ видѣ и слилъ бы разныя мелочи въ болѣе стройную картину; я представляю факты въ томъ про-

стомъ видѣ и почти въ томъ сцѣпленіи ихъ между собою, въ какомъ они были открываемы мною, будучи убѣжденъ, что это только абрисъ, по которому впослѣдствіи нанесутся цвѣты и тѣни, и что если послѣдующая внутренняя жизнь Гоголя была столь разнообразна въ своихъ движеніяхъ, столь богата умственными представленіями, столь благоуханна цвѣтами сердца, то корней всего этого надобно искать въ темной и таинственной почвѣ дѣтства, ибо въ «организмѣ ребенка скрывается уже человѣкъ» (*), и первыя движенія дѣтскаго ума нерѣдко проявляютъ тѣ идеи, для распространенія которыхъ геніальная натура призвана въ міръ. (**) Какъ ни много, на первый разъ, собрано у меня матеріаловъ для каждаго изъ трехъ періодовъ жизни поэта, но изъ этого не слѣдуетъ еще строить исторіи его жизни такъ систематически, такъ послѣдовательно и заключительно, какъ развивается романъ или поэма. Я только покажу читателю разныя положенія Гоголя въ жизни и въ литературѣ, разныя стороны его житейскаго и поэтическаго характера, сколько это раскрылось для самого меня изъ извѣстныхъ доселѣ фактовъ и письменныхъ документовъ; но далеко ещо то время, когда можно будетъ въ заглавіи подобнаго сочиненія написать: «Полная Біографія». Что̀ касается до перваго періода жизни Гоголя, то онъ, сравнительно съ прочими, оказывается самымъ скуднымъ свѣдѣніями и требуетъ много труда для наполненія всѣхъ своихъ пробѣловъ. Не знаю, кто будетъ имѣть возможность, желаніе или умѣнье заняться этимъ дѣломъ; но важность подобнаго занятія, какъ для исторіи русской словесности, такъ и для психологіи вообще, должна быть очевидна для каждаго.

---

(*) Слова Альфьери.
(**) Замѣчаніе д'Израэли.

## ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

**Переѣздъ въ Петербургъ. — Инстинктъ генія. — Первыя попытки въ стремленіи къ извѣстности. — Сожженіе поэмы въ стихахъ. — Неудавшееся желаніе поступить въ число актеровъ. — Фантастическая поѣздка за море. — Гоголь поступаетъ на службу и дѣлается домашнимъ наставникомъ. — Первыя статьи его, помѣщенныя въ журналахъ. — Успѣхъ «Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки». — Сближеніе съ Пушкинымъ и значеніе Пушкина въ жизни Гоголя. — Знакомство съ Н. Д. Бѣлозерскимъ. — Юношескіе грѣхи. — Гоголь адъюнктъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ. — Переписка съ М. А. Максимовичемъ. — Страсть къ пѣснямъ. — Исторія Малороссіи и Исторія Среднихъ Вѣковъ. — Старанія о перемѣщеніи на службу въ Кіевъ. — «Арабески» и «Миргородъ». — Гоголь посѣщаетъ Кіевъ. — Аналогія между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Постановка на сцену «Ревизора». — Причины выѣзда Гоголя за границу.**

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса (отличные воспитанники выпускались съ правомъ на чинъ двѣнадцатаго класса), и уѣхалъ на родину, а оттуда, въ началѣ 1829 года, въ Петербургъ. Съ переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ. Изъ его писемъ мы уже знаемъ, что его привлекали въ Петербургъ служба, театръ и поѣздка за границу. Какъ ни разнородны были эти влеченія, но каждое изъ нихъ брало свое начало въ чувствахъ, общихъ всѣмъ геніальнымъ людямъ — въ сознаніи внутреннихъ силъ, въ стремленіи проявить ихъ и въ жаждѣ славы. Гоголь не зналъ, какимъ путемъ выйти ему изъ этой неизвѣстности. Всѣ пути къ общей пользѣ были для него равны, и потому его мечты о службѣ были такъ же теплы, такъ же нетерпѣливы, какъ и мечты о духовныхъ наслажденіяхъ столичной жизни. Неопытному мальчику столица представлялась какимъ-то эдемомъ, гдѣ его ожидаютъ однѣ радости. «Зачѣмъ намъ такъ хочется видѣть

наше счастіе?—говоритъ онъ.—Мысль о немъ и днемъ и ночью мучить, тревожитъ мое сердце; душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣнье.»

Наконецъ ожиданіе его исполняется: онъ въ Петербургѣ.

Я думаю, мои читатели, по гимназическимъ письмамъ Гоголя, составили себѣ о немъ понятіе, какъ о юношѣ, замѣчательно симпатичномъ, но въ то же время высокомѣрномъ и углубленномъ въ самого себя.

Будучи однимъ изъ слабѣйшихъ воспитанниковъ въ Гимназіи, не обладая даже и умѣреннымъ запасомъ свѣдѣній по какой бы то ни было отрасли знанія, не умѣя даже написать безъ ороографическихъ ошибокъ страницы, на чемъ онъ могъ основывать свою надежду на успѣхи въ столицѣ?

Но людямъ, съ которыми онъ соприкоснулся впервые въ столицѣ, не было никакого дѣла до его высокихъ стремленій. Его, безъ сомнѣнія, приняли вездѣ съ тою холодностью, которая такъ непріятно поражаетъ здѣсь всякаго новичка изъ провинціи, и которая есть не чтó иное, какъ усвоенная опытомъ осторожность столичнаго жителя въ выборѣ себѣ сотрудниковъ по службѣ, въ литературѣ или въ какой бы то ни было сферѣ дѣятельности. Каково долженъ былъ подѣйствовать на пламеннаго мечтателя такой пріемъ, предоставляю судить каждому, кто находился когда либо въ его положеніи. Можетъ быть, современемъ изданы будутъ его письма къ матери или къ какому нибудь другому довѣренному лицу о тогдашнихъ его ощущеніяхъ. Теперь мы только знаемъ, что, явясь въ Петербургъ въ началѣ 1829 года, съ пламеннымъ желаніемъ служить Государю и Отечеству, онъ только черезъ годъ (10 апрѣля 1830) поступилъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ.

Въ продолженіе этого года онъ пытался открыть себѣ извѣстность другими путями — литературою и сценическимъ искусствомъ. Но та и другая попытка были безуспѣшны, такъ какъ способности будущаго знаменитаго писателя не получили еще тѣхъ граней, которыми онѣ сверкаютъ въ глаза каждому, и нужно было ему встрѣтиться съ глубокимъ знатокомъ талантовъ, чтобы обратить на себя особенное вниманіе. Ничего подобнаго покамѣсть не случилось, тѣмъ болѣе, что Гоголь самъ боялся гласности и прокладывалъ себѣ дорогу къ литературнымъ успѣхамъ тайкомъ даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. Онъ на-

писалъ стихотвореніе «Италія» и отправилъ его incognito къ издателю «Сына Отечества», можетъ быть, для того только, чтобъ узнать, удостоятъ ли его стихи печати. Стихи были напечатаны (*), и вотъ эти первыя черты пера, которому предназначено было создать столько художественныхъ образовъ. Несмотря на крайнюю молодость поэта, въ нихъ замѣтно дарованіе.

ИТАЛІЯ. (**)

«Италія — роскошная страна!
По ней душа и стонетъ и тоскуетъ.
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ.
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цалуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ и вѣетъ ароматъ.

«И всю страну объемлетъ вдохновенье,
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣть великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ,
Душа кипитъ, и весь онъ — умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно-минувшихъ шуму.

«Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ;
И радужной въ сіяньи красоты
И жарче и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ.
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.

«А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышетъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ,
Среди небесъ, въ сіяніи луна
Глядитъ на міръ, задумалась, и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна;

(*) Въ № 12 «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива» 1829 года.

(**) Это стихотвореніе указано мнѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими біографическими данными, г. Тихонравовымъ, въ № 51 «Московскихъ Вѣдомостей» 1853 года.

Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.

«Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ весь звукъ и трепетанье!...»

Между тѣмъ у Гоголя была въ запасѣ поэма: «Ганцъ Кюхельгартенъ», написанная, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, въ 1827 году. (*) Не довѣряя своимъ силамъ и боясь критики, Гоголь скрылъ это раннее произведеніе свое подъ псевдонимомъ В. Алова. Онъ напечаталъ его на собственный счетъ, вслѣдъ за стихотвореніемъ «Италія», и роздалъ экземпляры книгопродавцамъ на коммиссію. Въ это время онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ землякомъ и соученикомъ по Гимназіи, Н. Я. Прокоповичемъ, который поэтому-то и зналъ, откуда выпорхнулъ «Ганцъ Кюхельгартенъ.» Для всѣхъ прочихъ знакомыхъ Гоголя это оставалось непроницаемою тайною. Нѣкоторые изъ нихъ — и въ томъ числѣ П. А. Плетневъ, котораго Гоголь зналъ тогда еще только по имени—получили incognito по экземпляру его поэмы; но авторъ никогда ни однимъ словомъ не далъ имъ понять, отъ кого была прислана книжка. Онъ притаился за своимъ псевдонимомъ и ждалъ, что́ будутъ говорить о его поэмѣ. Ожиданія его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о «Ганцѣ» равнодушно, а между тѣмъ Н. Полевой прихлопнулъ ее въ своемъ журналѣ насмѣшкою, отъ которой сердце юноши-поэта сжалось болѣзненною скорбью. Онъ понялъ, что это не его родъ сочиненій, бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ всѣ экземпляры, нанялъ въ гостинницѣ (**) нумеръ и сжегъ всѣ до одного.

---

(*) Г. Прокоповичъ думаетъ, что это мистификація. «Если бы Гоголь написалъ свою поэму въ Гимназіи — говоритъ онъ — то хоть отрывокъ изъ нея былъ бы извѣстенъ кому нибудь изъ тогдашней его публики. Нѣтъ, эта поэма была написана именно въ то время, когда онъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ.»

(**) Эта гостинница, по указанію г. Прокоповича, находилась въ Вознесенской улицѣ, на углу, у Вознесенскаго моста.

Гоголь, по видимому, не подозрѣвалъ, что Прокоповичъ зналъ, кто авторъ «Ганца Кюхельгартена», — иначе онъ, дорожа своей литературной тайною, просилъ бы пріятеля не разглашать ее. Что касается до слуги малороссіянина, то онъ былъ неграмотенъ и разсказывалъ впослѣдствіи одному изъ моихъ друзей только о сожженіи какой-то книги, — но какая то была книга, объ этомъ г. Прокоповичъ объявилъ мнѣ только послѣ смерти поэта. Ему же обязанъ я бо́льшею частью свѣдѣній о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Прокоповичъ былъ неразлучнымъ спутникомъ поэта отъ самаго вступленія его въ Гимназію Князя Безбородко до выѣзда за границу. Ни о комъ Гоголь не отзывался впослѣдствіи съ такимъ братскимъ чувствомъ, какъ объ этомъ свидѣтелѣ его первыхъ усилій проложить себѣ дорогу въ жизни, и никто не зналъ такъ Гоголя-юноши, какъ Прокоповичъ.

Считаю не лишнимъ познакомить читателей съ «Ганцомъ Кюхельгартеномъ», чтобъ показать, съ чего можетъ начинать такой писатель, какъ Гоголь, и въ какихъ потемкахъ блуждаетъ иногда талантъ, отъискивая свой истинный путь. Прежде всего обратите вниманіе на предисловіе: какъ ребячески авторъ ухищряется заинтересовать въ свою пользу публику.

«Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, еслибъ обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта.»

Что̀ касается до самой поэмы, то она, очевидно, была внушена неопытному школьнику чтеніемъ «Луизы», Фосса, въ переводѣ Теряева; (*) даже героиня поэмы называется Луизою, — а пасторъ, ея отецъ, списанъ довольно рабски съ фоссова «до-

(*) С.-Петербургъ. 1820

бросердаго пастора Гринарскаго.» (*) Дѣйствіе вертится на борьбѣ Гавца между любовью къ простенькой деревенской дѣвушкѣ и жаждою славы. Онъ покидаетъ свою возлюбленную, пускается въ широкій свѣтъ, узнаетъ, что люди холодны, и возвращается къ своей Луизѣ. Авторъ не напрасно оговорился въ предисловіи касательно несвязности этого «созданія юнаго таланта», будто бы спасеннаго какъ-то отъ утраты. Оно состоитъ изъ кусковъ, которые едва кой-какъ держатся вмѣстѣ. Силы поэта были еще слишкомъ слабы для произведенія чего нибудь стройнаго цѣлаго. Онъ былъ способенъ вдохновляться только отрывочными представленіями и извлекалъ поэзію не изъ жизни, а изъ того, что поражало его воображеніе въ наукѣ и литературѣ. Замѣтно, что классическій міръ возбудилъ въ немъ особенное сочувствіе. Вотъ какъ онъ передаетъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ эпизодовъ, представленія свои о древней Греціи:

«Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій,
. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
Аѳины! къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самаго Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, греия и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллиса.
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ,
И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
Подъ портикомъ мудрецъ
Ведетъ высокое о дольнемъ мірѣ слово;
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ,
Персидскій Кандисъ весь испещренный блеститъ,
    И вьются легкія туники.
Стихи Софокловы порывисто звучатъ;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;

(*) Странно, что даже въ предисловіи употреблена та же замашка вызвать участіе публики, что и у Теряева; ибо и Теряевъ говоритъ о томъ, что это только «первый шагъ на поприщѣ словесности.»

Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія; не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша, при черныхъ глазъ сихъ встрѣчѣ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ нибудь
Волнуясь, падаютъ на грудь,
На бѣломраморныя плечи.
Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ дикій вой?
Плющемъ увѣнчаны вакхическія дѣвы,
Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный лѣсъ; все скрылось... что̀ вы? гдѣ вы?...
Но вы пропали, я одинъ.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ,
Хотя бъ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою Греки населили!
Какъ вы его обворожили! (Стр. 15—17.)

Не снискавъ извѣстности на поприщѣ литературномъ, Гоголь обратился къ театру. Успѣхи его на гимназической сценѣ внушали ему надежду, что здѣсь онъ будетъ въ своей стихіи. Онъ изъявилъ желаніе вступить въ число актеровъ и подвергнуться испытанію. Неизвѣстно, какую роль долженъ былъ онъ играть на пробномъ представленіи, только игру его забраковали начисто, и я не знаю, приписать ли это робости молодого человѣка, невидавшаго свѣта. Какъ бы то ни было, но Гоголь долженъ былъ отказаться отъ театра послѣ первой неудачной репетиціи (*) и оставался нѣсколько времени въ самомъ непріятномъ положеніи — въ положеніи басеннаго муравья, въѣхавшаго въ городъ на возу съ сѣномъ.

Къ неудачамъ въ литературѣ и на сценѣ присоединилось еще одно горе, тяжелѣе всего налегающее на молодое сердце. Онъ влюбился въ какую-то дѣвушку или даму, недоступную для него въ его положеніи. При своей врожденной скрытности и при своемъ расположеніи къ мрачному отчаянію, онъ могъ

(*) Проба комическаго таланта Гоголя происходила въ кабинетѣ директора театровъ, князя С. С. Гагарина, въ присутствіи актеровъ Каратыгина и Брянскаго.

дойти до страшнаго душевнаго разстройства; но его спасла мысль — ѣхать за границу. Мы знаемъ изъ гимназическаго его письма, что эта мысль давно уже его занимала; но, видно, неудобства къ ея осуществленію преодолѣвали въ немъ силу желанія видѣть чудныя мѣста, о которыхъ онъ начитался въ книгахъ. Теперь всѣ препятствія исчезли передъ желаніемъ бѣжать изъ края, въ которомъ онъ не можетъ быть счастливъ, въ которомъ живетъ недоступная для него красота, и проч. и проч., какъ обыкновенно говорятъ и думаютъ молодые влюбленные. Поэтъ нашъ находился въ такомъ трагическомъ или мечтательномъ расположеніи души, что даже не сообразилъ своихъ средствъ съ поѣздкою въ чужіе краи; онъ бросился опрометью изъ Россіи и очнулся только тогда, когда англійскій пароходъ привезъ его въ Любекъ. Тамъ онъ увидѣлъ, что у него слишкомъ мало денегъ для предпринятаго имъ путешествія, и, не теряя времени, поспѣшилъ возвратиться въ Россію. А можетъ статься и то, что, выпорхнувъ на просторъ и взглянувъ на нѣмую для него чужеземицу, онъ оробѣлъ передъ собственнымъ замысломъ, потерялъ увѣренность въ возможности достиженія своихъ цѣлей, встосковался за друзьями и людьми, понимавшими его рѣчь и понятными для него, ужаснулся своего одиночества среди иноплеменниковъ и бросился назадъ въ Россію. Какъ бы то ни было, но онъ только трое сутокъ прожилъ въ Любекѣ и воротился на томъ же самомъ пароходѣ, который умчалъ его изъ Россіи.

Гоголь, передъ отъѣздомъ за границу, жилъ въ Мѣщанской, противъ Столярнаго переулка, въ домѣ каретника Іохима, въ четвертомъ этажѣ, вмѣстѣ съ Н. Я. Прокоповичемъ. Каково было удивленіе Прокоповича, когда онъ, возвращаясь вечеромъ отъ знакомаго, встрѣтилъ Якима, идущаго съ салфеткою къ булочнику, и узналъ отъ него, что у нихъ «есть гости»! Когда онъ вошелъ въ комнату, Гоголь сидѣлъ облокотясь на столъ и закрывъ лицо руками. Распрашивать, какъ и что̀, было бы напрасно, и такимъ образомъ обстоятельства, сопровождавшія фантастическое путешествіе, какъ и многое въ жизни Гоголя, остаются до сихъ поръ тайною.

Это было самое трудное время для нашего поэта. Отецъ его умеръ еще до выхода его изъ Гимназіи; имѣніе, поддерживаемое дѣятельностью опытнаго хозяина, приносило теперь до-

ходъ, едва достаточный для содержанія вдовы и четырехъ дочерей его. (*) Гоголь не требовалъ изъ дому денегъ, перебивался въ Петербургѣ кое-какъ и долженъ былъ, оставя артистическія затѣи, обратиться къ жизни болѣе положительной. 10 апрѣля 1830 года онъ опредѣлился на службу въ Департаментъ Удѣловъ и занялъ мѣсто помощника столоначальника, — но не прослужилъ здѣсь и году. Онъ досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу, съ просьбою позаботиться о немъ. Плетневъ былъ тогда инспекторомъ Патріотическаго Института и исходатайствовалъ у Ея Императорскаго Величества для Гоголя въ этомъ заведеніи мѣсто старшаго учителя исторіи, которое онъ и занялъ съ 10 марта 1831 года. Чтобъ доставить ему больше средствъ для жизни, Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей въ дома А. В. Васильчикова и П. И. Балабина, къ которымъ поэтъ до конца жизни сохранилъ самыя дружескія чувства.

Въ Департаментѣ Удѣловъ Гоголь былъ плохимъ чиновникомъ и, по собственнымъ словамъ, извлекъ изъ службы въ этомъ учрежденіи только развѣ ту пользу, что научился сшивать бумагу. Объ этомъ онъ упоминалъ не разъ, показывая сшитыя въ тетради письма Пушкина, Жуковскаго и другихъ, которыми онъ дорожилъ (и не выпуская этихъ тетрадей изъ рукъ, въ буквальномъ смыслѣ слова). Но и въ качествѣ преподавателя онъ не отличался большими достоинствами. Только въ первое время онъ принялся за исполненіе обязанностей своего званія съ жаромъ юноши, жаждавшаго найти достойное поприще для своей дѣятельности, и, забывая, подъ вліяніемъ этого чувства, о матеріальныхъ выгодахъ новой своей обязанности, смотрѣлъ на нее, какъ на цѣль своего существованія, какъ на призваніе свыше. Но мало по малу занятія литературныя отвлекали его отъ однообразныхъ трудовъ учителя. Въ продолженіе 1830 и 1831 годовъ появилось въ журналахъ и газетахъ нѣсколько безъименныхъ его статей, которыя можно назвать пробою пера, устремленнаго къ широкой дѣятельности. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны безъ всякой подписи, другія — подъ разными псевдонимами.

---

(*) Одна изъ нихъ была уже въ то время вдовою и вскорѣ умерла.

Такъ, въ февралѣ 1830 года, въ № 118 «Отечественныхъ Записокъ», и въ мартѣ, въ № 119, явилась безъ подписи повѣсть Гоголя «Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», а въ апрѣлѣ 1830 года, въ № 130 «Отечественныхъ Записокъ», напечатана его статья: «Полтава». Въ заглавіи ея сказано: «Изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отечественныхъ Записокъ», но я знаю отъ Н. Я. Прокоповича, что статья «Полтава» писана Гоголемъ и, можетъ быть, только передѣлана издателемъ журнала, подобно тому, какъ и «Басаврюкъ», появившійся почти черезъ годъ, въ собраніи гоголевыхъ повѣстей, съ нѣкоторыми перемѣнами въ содержаніи и въ слогѣ. Прочтите внимательно предисловіе къ этой повѣсти въ «Вечерахъ на Хуторѣ близь Диканьки». Гоголь самъ, въ шутливомъ тонѣ, разсказываетъ исторію этой передѣлки.

«Разъ одинъ изъ тѣхъ господъ — говоритъ онъ — которые напросятъ, накрадутъ всякой всячины да и выпускаютъ книжечки не толще букваря, каждый мѣсяцъ, или недѣлю, одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Ѳомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый паничъ въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я.... привозитъ съ собою небольшую книжечку и, развернувши по срединѣ, показываетъ намъ. Ѳома Григорьевичь готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками, но, вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту коекакъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся читать. Не успѣлъ повернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку. «Постойте! напередъ скажите мнѣ, что вы читаете?» Признаюсь, я немного пришелъ въ тупикъ отъ такого вопроса. «Какъ что читаю, Ѳома Григорьевичъ? вашу быль, ваши собственныя слова». — «Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?» — «Да чего лучше, тутъ и напечатано: разсказанная такимъ-то дьячкомъ». — «Кто это напечаталъ! — Такъ ли я говорилъ? — Слушайте, я вамъ разскажу ее сей часъ....»

Въ концѣ 1830 года напечатана была въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ глава историческаго романа (стр. 225), подъ которою выставлены буквы *оооо*, потому (какъ объяснилъ намъ г. Гаевскій), что *о* встрѣчается четыре раза въ имени и фамиліи автора: *Николай Гоголь-Яновскій*. Заглавіе романа бы-

ло «Гетьманъ». Въ примѣчаніи сказано, что первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ. Кромѣ этой главы, уцѣлѣла еще одна, подъ заглавіемъ: «Плѣнникъ», и была напечатана сперва въ одномъ изъ періодическихъ изданій, а потомъ вошла вмѣстѣ съ первою въ составленный Гоголемъ изъ собственныхъ сочиненій альманахъ «Арабески». (*) Эти два отрывка написаны уже со всѣми признаками несомнѣннаго таланта и могли обратить на себя вниманіе такихъ людей, какъ Дельвигъ и Пушкинъ, которые дѣйствительно приняли въ это время Гоголя подъ свое покровительство и, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Плетневымъ и другими, содѣйствовали дальнѣйшимъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ.

Въ первомъ нумерѣ «Литературной Газеты» на 1831 годъ напечатана несравненно слабѣйшая пьеса его «Учитель. Изъ малороссійской повѣсти: Страшный Кабанъ». Она признана даже составителемъ «Арабесокъ» недостойною занять мѣсто въ этомъ сборникѣ, равно какъ и второй отрывокъ изъ той же повѣсти, подъ заглавіемъ «Успѣхъ посольства», напечатанный въ 17 № «Литературной Газеты» 1831 года. Употребленный здѣсь псевдонимъ *П. Глечикъ* (по объясненію г. Гаевскаго) имѣетъ то основаніе, что въ историческомъ романѣ, изъ котораго напечатана глава въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», одно изъ дѣйствующихъ лицъ — миргородскій полковникъ Глечикъ.

Въ томъ же нумерѣ другая статья Гоголя: «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ Географіи», подписанная именемъ *Г. Яновъ*, т. е. *Гоголь-Яновскій*. Это была первая подпись, обнаруживающая готовность робкаго и недовѣрчиваго къ самому себѣ малороссіянина объявить настоящее свое имя. Подъ статьею читаемъ: «Продолженіе обѣщано»; но обѣщаніе не исполнено. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ, Гоголь, подъ вліяніемъ тогдашняго своего увлеченія педагогіею, а можетъ быть, и по какому нибудь болѣе тайному побужденію, говоритъ слѣдующее:

«Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совер-

---

(*) Ч. I, стр. 41 и 72, и ч. II, стр. 159.

шенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣнія ученыхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и понятность для дѣтей.»

Далѣе, въ 4 № «Литературной Газеты» на 1831 годъ, мы находимъ статью «Женщина» уже съ подписью *Н. Гоголь.* Авторъ очевидно писалъ съ сильнымъ сердечнымъ увлеченіемъ и потому, вѣроятно, считалъ это молодое произведеніе вполнѣ достойнымъ своего имени. (*)

Въ эти первые годы литературной своей дѣятельности онъ работалъ очень много, потому что къ маю 1831 года у него уже готово было нѣсколько повѣстей, составившихъ первый томъ «Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки». Не зная, какъ распорядиться съ этими повѣстями, Гоголь обратился за совѣтомъ къ П. А. Плетневу. Плетневъ хотѣлъ оградить юношу отъ вліянія литературныхъ партій и въ то же время спасти повѣсти отъ предубѣжденія людей, которые знали Гоголя лично или по первымъ его опытамъ, и не получили о немъ высокаго понятія. Поэтому онъ присовѣтовалъ Гоголю, на первый разъ, строжайшее incognito и придумалъ для его повѣстей заглавіе, которое бы возбудило въ публикѣ любопытство. Такъ появились въ свѣтъ «Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ», который будто бы жилъ возлѣ Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею. Книга была принята огромнымъ большинствомъ любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть «Вечеровъ на Хуторѣ». Пасичникъ Рудый Панько очевидно былъ ободренъ первымъ пріемомъ и разболтался въ предисловіяхъ ко второй книжкѣ еще любезнѣе. (**)

---

(*) Чтобъ не возвращаться къ исчисленію неподписанныхъ Гоголемъ статей, укажу еще на двѣ, напечатанныя въ первой книжкѣ пушкинскаго «Современника» 1836 года, подъ заглавіемъ: «О движеніи Журнальной Литературы въ 1834 и 1835 годахъ», и во второй книжкѣ «Современника» (изданной по смерти Пушкина) 1837 года: «Петербургскія Замѣтки 1836 года».

(**) Въ первый разъ Гоголь былъ введенъ въ кругъ литераторовъ, какъ авторъ «Вечеровъ на Хуторѣ», 19 февраля 1832 года, на из-

Литературные успѣхи Гоголя и самое направленіе его таланта зависѣли во многомъ отъ его сближенія съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, и въ этомъ отношеніи ранняя утрата Пушкина, великая сама по себѣ, принимаетъ для руской литературы еще горестнѣйшее значеніе. Посмотрите, какъ вѣрно оцѣнилъ великій поэтъ своего еще неопытнаго въ творчествѣ собрата по первымъ его произведеніямъ.

«Сейчасъ я прочелъ «Вечера близь Диканьки» — писалъ онъ, тотчасъ по выходѣ этой книги, къ издателю «Литературныхъ Прибавленій къ Инвалиду» (*). — Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія! Какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей нынѣшней литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались Вечера, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору желаю сердечно дальнѣйшихъ успѣховъ.»

Если вѣрить разсказамъ гоголева слуги Якима, о которыхъ упоминаетъ въ своей статьѣ (**) г. Данилевскій, то Пушкинъ проводилъ цѣлыя ночи въ литературныхъ бесѣдахъ съ Гоголемъ въ его квартирѣ, въ то время, когда у нашего поэта иногда не случалось и собственныхъ свѣчей. Слѣдовательно, это не было сближеніе людей одинаковаго или соразмѣрнаго состоянія, одинаковыхъ свѣтскихъ связей, съ одинаковыми удовольствіями жизни. Авторъ «Цыганъ» спѣшилъ въ четвертый этажъ къ неотшлифованному и убогому еще питомцу украинскихъ степей и въ свѣжихъ его рѣчахъ, нечуждыхъ дикаго провин-

---

вѣстномъ обѣдѣ А. Ф. Смирдина, по случаю перенесенія его книжнаго магазина отъ Синяго моста на Невскій проспектъ. Гости подарили хозяина разными пьесами, составившими альманахъ «Новоселье», въ которомъ помѣщена и гоголева «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

(*) См. «Литературныя Прибавленія» 1831 года, №№ 7 и 9, стр. 623.

(**) «Московскія Вѣдомости» 1852 года, № 124.

ціализма, находилъ, вѣроятно, столько же пищи для своего таланта, сколько и самъ доставлялъ своему воспріимчивому пріятелю. Вчитайтесь въ «Повѣсти Бѣлкина» и въ «Капитанскую Дочку» Пушкина, писанныя около того времени, когда у Гоголя выработывался «Тарасъ Бульба» и нѣкоторыя другія миргородскія повѣсти. Въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ вы найдете нѣчто отмѣнное отъ ихъ предшествовавшихъ сочиненій. У Пушкина вамъ почуется что-то степное и, такъ сказать, простонародно-художественное; въ сочиненіяхъ Гоголя вы замѣтите небывалую до тѣхъ поръ стройность плана и доконченность созданія.

Это были наши Гёте и Шиллеръ, наши Вальтеръ Скоттъ и Байронъ. Оба поэта сильно подѣйствовали одинъ на другого; но существованіе Пушкина было несравненно важнѣе для его младшаго брата. Будучи скрытенъ отъ природы и не находя никого въ литературѣ, такъ точно, какъ не находилъ въ школѣ, «съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ ввѣрить мышленія свои», Гоголь по смерти Пушкина такъ точно «осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ» въ Петербургѣ, какъ нѣкогда чувствовалъ себя въ Нѣжинѣ. (*) Онъ могъ опять повторять — и, вѣроятно, повторялъ не разъ въ душѣ — то, что̀ было сказано имъ задолго до его знакомства съ Пушкинымъ:

«Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что̀ только находится въ одной родинѣ, и тайны сердца, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе.»

Въ Пушкинѣ Гоголь лишился совѣтника и сильнаго помощника въ исполненіи литературныхъ своихъ предпріятій. Мы знаемъ изъ «Переписки съ Друзьями» (**), что первыя главы «Мертвыхъ Душъ» читаны были уже Пушкину; слѣдовательно, можно предположить, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана первой части этой

(*) «Обо мнѣ много толковали — говоритъ онъ — разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ *одинъ только Пушкинъ.*» См. «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 141.

(**) Стр. 144.

поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ Душъ», вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчательными пьесами, и посмотрите, что̀ дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина. Пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности! Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ. Я имѣю письмо его, писанное имъ къ П. А. Плетневу, отъ 16 марта 1837 года, изъ Рима, по случаю смерти Пушкина. Вотъ что̀ онъ пишетъ:

«Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что̀ скажетъ онъ, что̀ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что̀ меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу.... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе.... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!»

Рядомъ съ этими горячими строками, приведу нѣсколько словъ изъ письма поэта, адресованнаго къ Н. Д. Бѣлозерскому, въ то время, когда, совершивъ одну поѣздку въ чужіе края и почувствовавъ свое одиночество, Гоголь готовился снова оставить Россію (*):

«Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, а главное — моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской.»

---

(*) Полное письмо будетъ помѣщено въ своемъ мѣстѣ.

Н. Д. Бѣлозерскій, посѣщая бывшаго инспектора Гимназіи Князя Безбородко въ Нѣжинѣ, г. Бѣлоусова, видалъ у него студента Гоголя, который былъ хорошо принятъ въ домѣ своего начальника и часто приходилъ къ его племяннику, тоже студенту, г. Божко, для ученическихъ занятій. Онъ описываетъ будущаго поэта въ то время немножко сутуловатымъ и съ походкою, которую всего лучше выражаетъ слово *пѣтушкомъ*. Впослѣдствіи они встрѣтились, уже какъ старые знакомые, въ Петербургѣ, въ эпоху «Вечеровъ на Хухорѣ» и «Миргорода». Бѣлозерскій нашелъ Гоголя уже пріятелемъ Пушкина и Жуковскаго, у которыхъ онъ проживалъ иногда въ Царскомъ Селѣ. Это была самая цвѣтущая пора въ характерѣ поэта. Онъ писалъ все сцены изъ воспоминаній родины, трудился надъ «Исторіею Малороссіи» и любилъ проводить время въ кругу земляковъ. Тутъ-то чаще всего видѣли его такимъ оживленнымъ, какъ разсказываетъ г. Гаевскій, въ своихъ «Замѣткахъ для Біографіи Гоголя». Г. Прокоповичъ вспоминаетъ съ восхищеніемъ объ этой порѣ жизни своего друга. У него я видѣлъ портретъ Гоголя, рисованный и литографированный Венеціановымъ, и который, по словамъ владѣльца, можно назвать портретомъ автора «Тараса Бульбы».

Гоголь отличался тогда щеголеватостью своего костюма, которымъ впослѣдствіи началъ пренебрегать, но боялся холоду и носилъ зимою шинель, плотно запахнувъ ее и поднявъ воротникъ обѣими руками выше ушей. Въ то время перемѣнчивость въ настроеніи его души обнаруживалась въ скоромъ созиданіи и разрушеніи плановъ. Такъ однажды весною онъ объявилъ, что ѣдетъ въ Малороссію, и, дѣйствительно, совсѣмъ собрался въ дорогу. Приходятъ къ нему проститься и узнаютъ, что онъ переѣхалъ на дачу. Н. Д. Бѣлозерскій посѣтилъ его въ этомъ сельскомъ уединеніи. Гоголь занималъ отдѣльный домикъ съ мезониномъ, недалеко отъ Поклонной горы, на дачѣ Гинтера.

— Кто же у васъ внизу живетъ? спросилъ гость.

— Низъ я нанялъ другому жильцу, отвѣчалъ Гоголь.

— Гдѣ же вы его поймали?

— Онъ самъ явился ко мнѣ, по объявленію въ газетахъ. И еще какая странная случайность! Звонитъ ко мнѣ какой-то господинъ. Отпираютъ.

«— Вы публиковали въ газетахъ объ отдачѣ въ наемъ половины дачи?»

— Публиковалъ.

«— Нельзя ли мнѣ воспользоваться?...»

— Очень радъ. Не угодно ли садиться? Позвольте узнать вашу фамилію.

«— Половинкинъ.»

— Такъ и прекрасно! вотъ вамъ и половина дачи. — Тотчасъ безъ торгу и порѣшили.

Черезъ нѣсколько времени г. Бѣлозерскій опять посѣтилъ Гоголя на дачѣ и нашелъ въ ней одного г. Половинкина. Гоголь, вставши разъ очень рано и увидѣвъ на термометрѣ 8 град. тепла, уѣхалъ въ Малороссію, и съ такою поспѣшностью, что не сдѣлалъ даже никакихъ распоряженій касательно своего зимняго платья, оставленнаго въ комодѣ. Потомъ ужь онъ писалъ изъ Малороссіи, къ своему земляку Бѣлозерскому, чтобъ онъ съѣздилъ къ Половинкину и попросилъ его развѣсить платье на свѣжемъ воздухѣ. Бѣлозерскій отправился на дачу и нашелъ платье уже развѣшеннымъ.

Для полноты извѣстій о второмъ, цвѣтущемъ періодѣ жизни нашего поэта, мнѣ надобно возвратиться нѣсколько назадъ и разсказать о дальнѣйшей педагогической службѣ его. Состоя въ чинѣ титулярнаго совѣтника со дня вступленія въ должность старшаго учителя исторіи при Патріотическомъ Институтѣ, Гоголь, «въ награду отличныхъ трудовъ», былъ пожалованъ отъ Ея Величества, 9 марта 1834 года, брильянтовымъ перстнемъ. А между тѣмъ, при содѣйствіи своихъ покровителей и силою собственнаго авторитета, онъ проложилъ себѣ путь къ высшему посту.

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ знакомыхъ Гоголя утверждаютъ, что онъ обязанъ своими успѣхами по службѣ и въ жизни не однѣмъ дѣйствительнымъ заслугамъ своимъ, что онъ, при всѣхъ высокихъ свойствахъ своей души, не былъ чуждъ ни мелочности характера, ни даже хитрости, когда нужно было достигнуть какихъ нибудь матеріальныхъ выгодъ, что онъ въ своихъ ученыхъ статьяхъ прикидывался ревностнымъ жрецомъ науки, которымъ никогда не былъ, и дѣлалъ, вездѣ гдѣ могъ, намеки на свои глубокія познанія въ исторіи, которыхъ никогда

не имѣлъ ([1]); наконецъ, что онъ заставилъ говорить въ свою пользу такихъ людей, какъ Пушкинъ и Жуковскій, и съ помощью ихъ получилъ мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. ([2])

Какъ вѣрный повѣствователь всего, что мнѣ извѣстно о Гоголѣ, я не могъ умолчать объ этихъ мнѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что ихъ раздѣляютъ люди съ большимъ авторитетомъ. Но я боюсь, чтобъ въ этомъ указаніи на слабыя стороны, или, лучше сказать, на юношескіе грѣхи писателя, не стали подозрѣвать другого чувства, кромѣ желанія представить его такимъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно, — нарисовать его съ тѣми нравственными недостатками, которые, по собственному его признанію, онъ бралъ изъ себя и, отвергаясь ихъ, предавалъ на всенародное посмѣяніе въ своихъ жалкихъ герояхъ. ([3]) Я не довѣряю собственному сужденію о человѣкѣ, каковъ покойный Гоголь, и привожу мнѣнія о немъ современниковъ для того, чтобы читатели, сообразивъ все вмѣстѣ, могли взять тотъ средній голосъ, который во всякихъ спорахъ pro и contra чаще всего составляетъ истину. Но не могу не прибавить отъ себя, что «едва ли поэтъ нашъ былъ когда либо способенъ къ *хитрости* въ точ-

---

([1]) См. «Арабески», ч. I, стр. 67, 94—95.

([2]) Онъ былъ утвержденъ въ этой должности 1834 года, 24 іюля.

([3]) Никто изъ читателей моихъ не зналъ — говорилъ онъ — что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною. Во мнѣ не было какого нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую нибудь картинную наружность; но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ недостатковъ, каждаго понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ.... Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ.... По мѣрѣ того, какъ они стали (мнѣ) открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ.... Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ недостатковъ, моими собственными. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ чѣмъ ни попало».... и проч. (См. «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 143—144.)

номъ значенiи этого слова. Если Гоголь говорилъ о своихъ ученыхъ занятiяхъ и познанiяхъ, то, конечно, искренно вѣрилъ, что имѣетъ ихъ или скоро будетъ имѣть. Жуковскаго же и Пушкина не нужно было ему заставлять говорить о немъ: безъ сомнѣнiя, они сами обманывались, или, лучше сказать, обольщались его историческими взглядами, его глубокимъ пониманiемъ исторiи и его учеными статьями.» Высшаго мѣста онъ искалъ вовсе не изъ честолюбiя или корыстныхъ видовъ. Честолюбiе его было выше мелочного тщеславiя ступенью, занимаемою въ обществѣ, а матерiальныя выгоды никогда не составляли цѣли его жизни: онѣ были въ его глазахъ только средствами для осуществленiя плановъ, постоянно занимавшихъ его душу. Письма его къ М. А. Максимовичу о каѳедрѣ всеобщей исторiи въ Кiевскомъ университетѣ, которой онъ напрасно домогался, покажутъ, для чего ему нужно было получить мѣсто профессора. Встрѣтивъ въ этомъ исканiи препятствiя, онъ ограничился званiемъ адъюнкта въ столичномъ университетѣ. «Здѣсь онъ не переставалъ работать по мѣрѣ данныхъ ему Богомъ силъ, не переставалъ учиться и постоянно имѣлъ въ виду цѣль — сдѣлаться наконецъ ученымъ, хорошимъ профессоромъ, именно историкомъ. Но его художническая природа мѣшала постоянно той пассивной дѣятельности, которая нужна для обогащенiя себя свѣдѣнiями. Его пониманiе исторiи не могло обратиться въ спокойное преподаванiе. Тѣмъ не менѣе съ юныхъ лѣтъ Гоголь дѣлалъ постоянныя усилiя образовать себя, которыя тѣмъ болѣе имѣютъ въ себѣ заслуги, что для художника онѣ тяжеле, нежели для всякаго другого. Доказательствомъ этому служитъ его книга, находящаяся у его друга С. Т. А. и принадлежащая, очевидно, самой первой юности поэта. Въ этой книгѣ записывалъ онъ все для него нужное. Такiя записныя книги видали у него постоянно. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе заставлялъ онъ себя заниматься, изучать, работать. Коротко его знавшiе могутъ это засвидѣтельствовать. Быстрота соображенiя, генiальная отгадка смысла вещей и событiй мѣшаетъ также заниматься послѣдовательно. Человѣкъ, для котораго смыслъ событiя является выводомъ, часто тяжело добываемымъ долгими трудами, видитъ всю цѣну и необходимость для него этихъ трудовъ. Но для того, чей острый взоръ проникаетъ въ смыслъ событiя, не дожидаясь полной, окончательной ра-

боты, для того не составляетъ она той необходимости, какъ для медленно идущаго ума. Не хочу сказать, чтобы даръ прозрѣнія освобождалъ человѣка отъ труда; я хочу сказать только то, что этотъ даръ, предупреждая выводъ постепенный, мѣшаетъ послѣдовательности работы.» (¹) Вотъ почему Гоголь, желая служить какъ истинный гражданинъ своего отечества на поприщѣ преподаванія наукъ, далеко не достигъ своей цѣли, и когда въ концѣ 1835 года вышло постановленіе, по которому онъ долженъ былъ выдержать испытаніе на степень доктора философіи, если бы пожелалъ занять профессорскую должность, — онъ предпочелъ лучше оставить государственную службу и служить отечеству исключительно на поприщѣ писателя. (²)

О томъ, какъ онъ исполнялъ обязанности званія адъюнкта всеобщей исторіи и каково читалъ свои университетскія лекціи, мы имѣемъ прекрасный мемуаръ одного изъ его слушателей, г. Иваницкаго. (³)

«Гоголь читалъ исторію Среднихъ вѣковъ — говоритъ г. Иваницкій — для студентовъ 2-го курса филологическаго отдѣленія. Началъ онъ въ сентябрѣ 1834, а кончилъ въ концѣ 1835 года. На первую лекцію онъ явился въ сопровожденіи инспектора студентовъ. Это было въ 2 часа. Гоголь вошелъ въ аудиторію, раскланялся съ нами и, въ ожиданіи ректора, началъ о чемъ-то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи духа: вертѣлъ въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на насъ. Наконецъ подошелъ къ каѳедрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чемъ намѣренъ онъ читать сегодня лекцію. Въ продолженіе этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно всходилъ по ступенямъ каѳедры: сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ — на вторую, потомъ — на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать. Мнѣ кажется, однакожь, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а

(¹) Два мѣста въ этомъ оправданіи характера Гоголя, отмѣченныя кавычками, заимствованы мною, почти безъ всякой перемѣны, изъ письма ко мнѣ С. Т. А***.

(²) Онъ былъ уволенъ 1-го января 1836 года.

(³) «Отечественныя Записки» 1853 года, № 2.

просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзненное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, развивалась совершенно-логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ ужь на самой верхней ступенькѣ каѳедры и замѣтно одушевился. Вотъ въ эту-то минуту ему и начать бы лекцію, но вдругъ вошелъ ректоръ.... Гоголь долженъ былъ оставить на минуту свой постъ, который занялъ такъ ловко, и даже можно сказать, незамѣтно для самого себя. Ректоръ сказалъ ему нѣсколько привѣтствій, поздоровался со студентами и занялъ приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впалъ въ прежнее тревожное состояніе: опять лицо его поблѣднѣло и приняло болѣзненное выраженіе. Но медлить ужь было нельзя: онъ вошелъ на каѳедру и лекція началась....

«Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужь Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Не возможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова-въ-слово напечатана въ «Арабескахъ», кажется, подъ заглавіемъ: «О характерѣ Исторіи Среднихъ Вѣковъ». Ясно, что и въ такомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизусть предварительно-написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужь не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ, и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова.

«Лекція продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышелъ изъ аудиторіи, мы окружили его въ сборной залѣ и просили, чтобъ онъ далъ намъ эту лекцію въ рукописи. Гоголь сказалъ, что она у него набросана только въ чернѣ, но что современемъ онъ обработаетъ ее и дастъ намъ; а потомъ прибавилъ: на первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ Исторіи Среднихъ Вѣковъ; въ слѣдующій разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ вооружиться для этого анатомическимъ ножомъ.»

«Мы съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей лекціи. Гоголь пріѣхалъ довольно поздно и началъ ее фразой: «Азія была всегда какимъ-то народо-вержущимъ вулканомъ». Потомъ по-

говорилъ немного о великомъ переселеніи народовъ, но такъ вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не вѣрили сами себѣ, тотъ ли это Гоголь, который на прошлой недѣлѣ прочелъ такую блестящую лекцію? Наконецъ, указавъ намъ на кое-какіе курсы, гдѣ мы можемъ прочесть объ этомъ предметѣ, онъ раскланялся и уѣхалъ. Вся лекція продолжалась 20 минутъ. Слѣдующія лекціи были въ томъ же родѣ, такъ что мы совершенно наконецъ охладѣли къ Гоголю, и аудиторія его все больше и больше пустѣла.

«Но вотъ однажды — это было въ октябрѣ — ходимъ мы по сборной залѣ и ждемъ Гоголя. Вдругъ входятъ Пушкинъ и Жуковскій. Отъ швейцара, конечно, они ужь знали, что Гоголь еще не пріѣхалъ, и потому, обратясь къ намъ, спросили только, въ которой аудиторіи будетъ читать Гоголь? мы указали на аудиторію. Пушкинъ и Жуковскій заглянули въ нее, но не вошли, а остались въ сборной залѣ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ Гоголь, и мы вслѣдъ за тремя поэтами вошли въ аудиторію и сѣли по мѣстамъ. Гоголь вошелъ на каѳедру, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другаго, началъ читать взглядъ на исторію Аравитянъ. Лекція была блестящая, въ такомъ же родѣ, какъ и первая. Она вся изъ слова-въ-слово напечатана въ «Арабескахъ». Видно, что Гоголь зналъ заранѣе о намѣреніи поэтовъ пріѣхать къ нему на лекцію, и потому приготовился угостить ихъ поэтически. Послѣ лекціи Пушкинъ заговорилъ о чемъ-то съ Гоголемъ, но я слышалъ одно только слово: «увлекательно»....

«Всѣ слѣдующія лекціи Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событіе, ни одно лицо историческое не вызвало его на бесѣду живую и одушевленную.... Какими-то сонными глазами смотрѣлъ онъ на прошедшіе вѣка и отжившія племена. Безъ сомнѣнія, ему самому было скучно, и онъ видѣлъ, что скучно и его слушателямъ. Бывало, пріѣдетъ, поговоритъ съ полчаса съ каѳедры, уѣдетъ, да ужь и не показывается цѣлую недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять пріѣдетъ, и опять та же исторія. Такъ прошло время до мая.

«Наступилъ экзаменъ. Гоголь пріѣхалъ, подвязанный чернымъ платкомъ: не знаю ужь, зубы у него болѣли, что ли. Вопросы предлагалъ бывшій ректоръ И. П. Ш. Гоголь сидѣлъ

въ сторонѣ и ни во что не вступался. Мы слышали ужь тогда, что онъ оставляетъ Университетъ и ѣдетъ на Кавказъ. Послѣ экзамена мы окружили его и изъявили сожалѣніе, что должны разстаться съ нимъ. Гоголь отвѣчалъ, что здоровье его разстроено и что онъ долженъ перемѣнить климатъ.

«Теперь я ѣду на Кавказъ: мнѣ хочется застать тамъ еще свѣжую зелень; но я надѣюсь, господа, что мы когда нибудь еще встрѣтимся.

«Поѣздка эта, однакожь, не состоялась, не знаю почему.»

До сихъ поръ мы видѣли Гоголя-писателя то въ его сношеніяхъ съ журналистами, то въ хлопотахъ объ уничтоженіи неудавшейся поэмы, то въ фантастической поѣздкѣ за море, то на службѣ, то у его покровителей; но все это не болѣе, какъ видѣть человѣка внѣ дома. Войдемъ теперь въ его кабинетъ и посмотримъ, каковъ онъ у себя дома, посреди своихъ любимыхъ занятій, съ своими скрытыми отъ свѣта горестями и наслажденіями. Эта часть втораго періода его жизни довольно полно высказалась въ перепискѣ его съ извѣстнымъ писателемъ М. А. Максимовичемъ. Г. Максимовичъ, будучи сперва профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ, а потомъ профессоромъ русской словесности въ Университетѣ св. Владиміра, имѣлъ много слушателей, разсѣянныхъ теперь по всей Россіи. Его знаютъ не по однимъ его сочиненіямъ и изданіямъ, и потому письма къ нему Гоголя должны быть гораздо интереснѣе, нежели еслибъ они были обращены къ лицу, о которомъ читатель не составилъ себѣ никакого предварительнаго понятія.

Знакомство ихъ началось съ 1829 года, когда г. Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько малороссіянъ. По словамъ его, Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдался изъ круга собесѣдниковъ, и онъ не сохранилъ въ памяти даже наружности будущаго замѣчательнаго писателя. Потомъ уже, въ 1832 году, когда Гоголь проѣзжалъ черезъ Москву, г. Максимовичъ пріѣхалъ къ нему въ гостинницу, познакомиться съ авторомъ «Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки». Гоголь встрѣтилъ своего гостя, какъ стараго знакомаго, видѣвъ его три года тому назадъ не болѣе, какъ въ продолженіе двухъ часовъ, и г.

Максимовичу стоило большого труда не дать замѣтить поэту, что онъ совсѣмъ его не помнитъ. По словамъ г. Максимовича, Гоголь былъ тогда хорошенькимъ молодымъ человѣкомъ, въ шелковомъ архалукѣ вишневаго цвѣта. Оба они заняты были въ то время Малороссіею: Гоголь готовился писать исторію этой страны, а Максимовичъ собирался печатать свои «Украинскія народныя пѣсни» (*), и потому они нашли другъ друга очень интересными людьми. Немного времени провели они вмѣстѣ, но съ этой поры начинается рядъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, въ высшей степени замѣчательныхъ. (**)

Въ первомъ изъ нихъ, отъ 12 декабря 1832 года, дѣло идетъ о виньеткѣ къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ». Гоголь не можетъ отъискать какого-то художника «малоросса въ обоихъ смыслахъ», который, по его словамъ, «одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку», и жалѣетъ, что задержалъ этимъ издателя пѣсенъ.

«Я до сихъ поръ не пересталъ досадовать на судьбу — говоритъ онъ между прочимъ — столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покалякать о томъ и о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга.»

Уже однѣ эти строки показываютъ, что Гоголя нельзя было упрекнуть въ холодности къ друзьямъ, въ которой упрекаютъ его многіе. Обширный планъ литературной дѣятельности, начертанный имъ въ третьемъ періодѣ его существованія, поглотилъ всѣ его нравственныя силы, набросилъ на его лицо покровъ холодности и наложилъ печать молчанія на уста его; но были минуты, когда его душевный жаръ къ человѣку вообще и товарищамъ ранней молодости въ особенности обнаруживался во всей весенней свѣжести, и это, я увѣренъ, подтвердится впослѣдствіи множествомъ его писемъ.

Слѣдующее изъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, находящихся у меня въ рукахъ, писано черезъ семь мѣсяцевъ послѣ перваго, — именно 2 іюля 1833 года. Въ немъ Гоголь жалуется

(*) Онѣ вышли въ 1834 году.

(**) Подлинники этихъ писемъ составляютъ собственность М. А. Максимовича.

уже на изнурительный петербургскій климатъ, который прогналъ его впослѣдствіи за границу.

«Жаль мнѣ очень — говоритъ онъ — что вы хвораете. Бросьте въ самомъ дѣлѣ Москву да поѣзжайте въ Малороссію. Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махну отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудишь хорошенько. Ѣдемъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ. Если вы будете въ Кіевѣ, то отъищите эксъ-профессора Бѣлоусова (1): этотъ человѣкъ будетъ вамъ очень полезенъ во многомъ, и я желаю, чтобъ вы съ нимъ сошлись. Итакъ, вы поймаете еще въ Малороссіи осень — благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ букетомъ. Счастливы вы! А я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта. Душно; а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить. (2) Не знаю, напишу ли я что нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только. Но, однакожь, для «Денницы» (3) вашей употреблю всѣ силы разбудить мозгъ свой и разворушить (4) воображеніе. А до того, поручая васъ дѣятельности, молю Бога, да ниспошлетъ вамъ здоровье и силы, что̀ лучше всего на этомъ грѣшномъ мірѣ. Увѣдомьте пожалуста, какую пользу принесетъ вамъ московскій водопой и какимъ образомъ вы проводите на немъ день свой. Я слышалъ, что Дядьковскій отправился на Кавказъ. Онъ еще не возвратился? Если возвратился, то что̀ говоритъ о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ цѣлительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ моихъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ.

---

(1) Бывшій наставникъ Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

(2) И не удивительно: въ этомъ году Гоголь не жилъ на дачѣ. Въ началѣ письма онъ говоритъ, что «только что пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца.»

(3) Альманахъ, изданный М. Максимовичемъ въ Москвѣ, въ 1834 году.

(4) Малороссійское слово; по русски — расшевелить.

Хотѣлось бы мнѣ очень вмѣсто пера покалякать съ вами языкомъ, да этотъ годъ мнѣ никакъ нельзя отлучиться изъ Петербурга.... Итакъ, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будетъ подаркомъ ваша строка.»

Въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное. Можетъ быть, то были непріятности по службѣ или по предмету его литературныхъ занятій; но, судя по тону его рѣчи, едва ли не будетъ вѣрнѣе, если мы скажемъ, что то была

«Забота юности — любовь.»

Обратите вниманіе на строки, напечатанныя курсивомъ въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ изъ Петербурга, отъ 9 ноября:

«Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имѣю, чтó бы прислать вамъ въ вашу «Денницу». У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха. Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ дóсталъ одну мою старинную повѣсть (*), о которой я совсѣмъ было позабылъ и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю чтó вы хотите. Но не теперь: *еслибъ вы знали, какіе со мною происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережегъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся.* Теперь я принялся за исторію нашей Украины. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

«Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при тре-

(*) То была «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанная Смирдинымъ въ «Новосельѣ». *П. М.*

петной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя! пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними — прелесть. Я вамъ ихъ спишу... (*) не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да! я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, еслибъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. (**) Даже не историческія, даже циническія, онѣ все даютъ

---

(*) Это обѣщаніе было исполнено. У М. А. Максимовича хранится тетрадь пѣсенъ, переписанныхъ Гоголемъ собственноручно.

*Н. М.*

(**) Въ началѣ 1834 года Гоголь напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 34) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 3, стр. 523) слѣдующее объявленіе *Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ:*

«До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ, полезныхъ какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, бо́льшею частію неполныхъ и не указавшихъ до нынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ наконецъ навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало по малу вся страна получила новыя, въ замѣнъ прежнихъ, права, и наконецъ совершенно слилась въ одно съ Россіею. Около пяти лѣтъ собиралъ я

по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачають яснѣе и яснѣе прошедшую жизнь и прошедшихъ людей — — — велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухсотъ, и что̀ замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые.

«Прощайте, милый землякъ, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ.... (*) Лучше вычеркнуть....

«Пишите ко мнѣ.

«Вѣчно вашъ Н. Гоголь.»

Читатель теперь видитъ, что я не напрасно распространился о первоначальныхъ вліяніяхъ, которымъ подвергался Гоголь въ родной своей сферѣ: они были могущественны и дали его чувствамъ, мыслямъ и словамъ поэтическій строй, показавшійся столь оригинальнымъ всей Россіи. Письма его, при всей небрежности его языка и изложенія, обнаруживаютъ яснѣе, нежели печатныя сочиненія, изъ какого жерла лился потокъ его вдохновенія и у кого учился онъ дивному своему искусству одной строкой выражать цѣлый образъ. — — Итакъ, будемъ продолжать ихъ чтеніе.

Въ то время Кіевскій университетъ только что начиналъ организоваться. М. А. Максимовичъ желалъ поступить на каѳедру русской словесности, а къ Гоголю писалъ, чтобъ онъ искалъ для себя каѳедры всеобщей исторіи. (Вспомнимъ, что Гоголь тогда былъ еще старшимъ учителемъ исторіи въ Патріотиче-

---

съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова; но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ.»

*Н. М.*

(*) Далѣе двѣ съ половиною строки зачеркнуты нѣсколько разъ чернилами. *Н. М.*

скомъ институтѣ.) На это-то письмо Гоголь отвѣчалъ ему, не выставя числа (*):

«Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда! туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей. Да, я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: «можетъ быть, я не успѣю!» Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но несносный климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!... Если же исполнится, да ты надуешь, тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! Хорошо, еслибъ попалъ туда кто нибудь изъ извѣстныхъ людей, истинно просвѣщенныхъ и такъ же чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о стихахъ. (**) Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

«Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что беспрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше—прекрасныхъ. Впрочемъ, я нетерпѣливѣе тебя, и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой вѣрно у тебя нѣтъ.»

Въ числѣ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу есть письма довольно обыкновенныя; но и въ нихъ мѣстами вспыхиваетъ искра чувства, или ума, или юмора. Притомъ же изъ нихъ видны отношенія нашего поэта къ современнымъ писателямъ, взглядъ его на тогдашнія литературныя явленія, манера его обращаться съ людьми, и т. д. Поэтому я, оставляя въ сторонѣ

(*) Изъ отмѣтки г. Максимовича на письмѣ видно, однакожъ, что оно было писано въ 1833 году, а предъидущее и послѣдующее письма — оба съ означеніемъ чиселъ — опредѣляютъ для него промежутокъ между 9 ноября и концомъ года

(**) Для «Денницы.» *Н. М.*

занимательность или незанимательность ихъ для большинства читателей, помѣщу ихъ всѣ здѣсь, какъ матеріалы для исторіи русской литературы, выключивъ только мѣста, почему либо для кого нибудь щекотливыя.

*«Января 7.»* (1834, изъ С.-Петербурга.)

«Поздравляю тебя съ 1834 и отъ души благодарю тебя за «Денницу», которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не получалъ, потому что О*** заблагоразсудилъ кому-то отдать мой экземпляръ. Слышу, однакожь, что въ ней много хорошаго; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорилъ Жуковскій.

«Что жь ты не пишешь ни о чемъ? Охъ, эти земляки мнѣ! Что мы, братецъ, за лѣнтяи съ тобою! Однако, напередъ положимъ условіе: какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобы и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ русскіе Аѳины, Богоспасаемый нашъ городъ! Да! отчего до сихъ поръ не выходитъ ни одинъ изъ московскихъ журналовъ? Скажи Н***, что это нехорошо, если онъ вздумаетъ, по прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ, покамѣсть не додастъ старыхъ. Что́ за рыцарская честность! теперь она въ наши времена такъ же смѣшна, какъ и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый годъ на него сердились всѣ. Притомъ же для него хуже: онъ не нагонитъ и будетъ отставать вѣчно, какъ Полевой. Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣсенъ, вышедшихъ въ прошломъ году (довольно толстая книжка in-8)?... очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе.

«Какъ проводишь время и что̀ дѣлаешь въ Москвѣ, и что̀ другіе дѣлаютъ? вѣрно, есть что нибудь новое.

«Когда же погляжу я на пѣсни?

«Прощай.

«Твой Гоголь.»

*«Спб. Февраля 12.»* (1834.)

«Я получилъ только сегодня два твоихъ письма: одно отъ 26 января, другое отъ 8 февраля, — все это по милости О***, который изволитъ ихъ чортъ знаетъ сколько удерживать у себя. Въ

одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ. ([1]) Я думаю ѣхать. Дѣла, кажется, мои идутъ на ладъ. — — —

«Ты говоришь, что если залѣнишься, то тогда, набравши силы, въ Москву. А на что человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты разсмотри хорошенько характеръ земляковъ: они лѣнятся, но зато, если что задолбятъ въ свою голову, то на вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость: разъ начать — и все.... Типографія будетъ подъ бокомъ. Чего жь больше. А воздухъ! а гливы! а рогизъ! а соняшники! а паслинь! а цыбуля! ([2]) а *вино хлѣбное*, какъ говоритъ пріятель нашъ Ушаковъ. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, деренъ, вареники, борщъ, лопухъ.... Это просто роскошь! Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то пристало быть кельѣ ученаго. Запорожской Старины я до сихъ поръ нигдѣ не могу достать. ——— Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ. Экземпляра пѣсенъ галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель. — Пѣсенъ я тебѣ съ большою охотою прислалъ (бы), но у меня ихъ ужасная путаница; незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ же болѣе ста, зато извѣстныхъ — вѣроятно, около тыся(чи), изъ которыхъ бóльшую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ. — Ну, покамѣсть прощай! а тамъ придетъ время, что будемъ все это говорить, что теперь заставляемъ царапать наши руки въ Богоспасаемомъ нашемъ градѣ.

«Твой Гоголь.»

«Марта 12 Спб. 1834.

«Да это, впрочемъ, не слишкомъ хорошо, что ты не изволилъ писать ко мнѣ. Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни ґадки ([3]) о томъ. — А между тѣмъ я почти что не

([1]) Т. е. о Кіевѣ. Гоголь употребляетъ полонизмъ.

([2]) Все это лакомства малороссійскихъ простолюдиновъ, кромѣ воздуха и гливъ (баргамотъ). Гоголь вспомнилъ языкъ диканьскаго пасичника.

([3]) *Ни ґадки*, съ малороссійскаго, значитъ — ни помышленія.

*Н. М.*

на выѣздѣ уже. — Чтó жь, ѣдемъ или нѣтъ? влюбился же въ Москву. — — Слушай: вѣдь ты посуди самъ, по чистой совѣсти, каково мнѣ одному быть въ Кіевѣ. Земля и край вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнѣе, NB, для нездороваго человѣка, каковъ ты да я.

«Пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени и засѣли работать. Послушай: не бросай сего дѣла! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свѣтѣ. ——— Чтó жь, получу ли обѣщанныя пѣсни?

«Твой Гоголь.»

«Марта 26 (1834). Спб.

«Во первыхъ, твое дѣло не клеится какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ и Жуковскій хлопотали объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непремѣнно нужно ѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются ——— если ты самъ прибудешь лично и объявишь свой резонъ, что ты бы и радъ дескать, но твое здоровье.... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не преминутъ подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже. Пріѣзжай; я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что зѣвать не надобно; какъ разъ другой кто нибудь взлѣзетъ на твою каѳедру.

«Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишешь: посылаю пѣсни; а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареника и не всунулъ. А я справлялся около недѣли въ Почтамтѣ и у Смирдина, нѣтъ ли посылки ко мнѣ. — Вацлавъ (*), я тебѣ говорилъ, что отжиленъ у меня совершенно безбожно однимъ молодцомъ, взявшимъ на два часа и улизнувшимъ, какъ я узналъ, совершенно изъ города. — Поговоримъ объ объявленіи твоемъ: зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гульливыя, казацкія и любовныя? Развѣ казацкія не гульливыя и гульливыя не всѣ ли казацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова: казацкія. Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ одна половина любовная, другая гульливая. По мнѣ, раздѣленія

(*) Т. е. изданіе пѣсенъ Вацлава зъ Олескы. *Н. М.*

не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія. — Мнѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ — обрядныя. Много, если на три разряда: 1-й — историческія, 2-й — всѣ выражающія различные оттѣнки народнаго духа, и 3 — обрядныя. — Впрочемъ, какъ бы то ни было, раздѣленіе вещь послѣдняя. — Я радъ, что ты уже началъ печатать. Если бы я имѣлъ у себя списки твоихъ пѣсенъ, я бы прислужился тебѣ и, можетъ быть, даже нѣсколько помогъ. Но въ теперешнемъ состояніи не знаешь, за что взяться, Да и несносно ужасно дѣлать комментаріи не зная на что, а если и зная, то не будучи увѣренъ, кстати ли они будутъ и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь пѣсенъ, то хоть привези съ собою, — да пріѣзжай поскорѣй. Мы бы такъ славно все обстроили здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ, но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершенно вышло изъ головы. Прощай, до слѣдующей почты. Мысленно цалую тебя и молюсь о тебѣ, чтобы скорѣй тебя выпхнули въ Украйну.

«Твой Гоголь.»

«1834. Марта 29. Спб.

«Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ. Что ты пишешь про Цыха? (*) развѣ есть какое нибудь оффиціальное объ этомъ извѣстіе? — — — признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами. Эй, не зѣвай! садись скорѣе въ дилижансъ. Безъ твоего присутствія ничего не будетъ.

«Посылаю тебѣ за Нечая другой списокъ Нечая, который списанъ изъ галицкаго собранія. Видно, какъ много она терпѣла измѣненій. Каневскій перемѣненъ на Потоцкаго: даже самыя обстоятельства въ описаніи другія, исключая главнаго.

«Твой Г.»

(*) Это — лицо, получившее въ Кіевскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи, которой искалъ Гоголь. *П. М.*

«Апрѣля 7 (1834). Спб.

«Не безпокойся: дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. — — — Для окончательнаго дѣла тебѣ бы весьма не мѣшало бы предстать самому. — — — Но, впрочемъ, если тебѣ нельзя и состояніе твоего здоровья не дозволяетъ, то я въ такомъ случаѣ перестаю о томъ просить тебя, не смотря на то, что мнѣ очень бы хотѣлось видѣться съ тобою. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что если бы былъ въ состояніи, то весьма бы было нехудо. Но, какъ бы то ни было, прощай до слѣдующаго письма. Я очень радъ, что письмо мое тебя успокоитъ, и потому не хочу ничего посторонняго писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получилъ его какъ разъ въ пору. О полученіи его увѣдомь меня немедленно. Прощай; будь здоровъ! цалую тебя и поручаю тебя охраненію невидимыхъ и благихъ силъ.

«Твой Гоголь.»

«20 апрѣля (1834). Спб.

«Ну, я радъ отъ души и отъ сердца, что дѣло твое подтвердилось уже оффиціально. Теперь тебѣ точно не зачѣмъ уже ѣхать въ Петербургъ. Тебя только безпокоятъ дѣла московскія. Смѣлѣе съ ними: одно по боку, другому киселя дай, — и все кончено. Изъ необходимаго нужно выбирать необходимѣйшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себѣ. — Да, кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Б*** чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ. Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу—когда будешь писать къ Б***, намекни ему обо мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы дескать хорошо сдѣлали, еслибъ залучили въ Университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Г*** или Г*** къ романамъ Б*** — — — Тогда бы я скорѣе въ дорогу и, можетъ быть, еще бы засталъ тебя въ Москвѣ. —

«Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Изданіе хорошо. Примѣчанія съ большимъ тактомъ. О переводахъ я тебѣ замѣчу вотъ что: иногда нужно отдаляться отъ словъ подлинника нарочно для того, чтобы быть

къ нему ближе. Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ, малороссіянамъ, кажутся очень будутъ понятны для русскихъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ для русскихъ, потому что оно не въ духѣ русскаго языка. И тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его.—Этихъ замѣчаній, впрочемъ, ты не можешь еще принаровить къ приведенному тобою переводу, потому что онъ очень хорошъ; окончаніе его прекрасно.... Но, чтобы и къ нему сдѣлать придирку, вотъ тебѣ замѣчаніе на первый случай.... мотай на усъ:

«Ѳедора Безроднаго, атамана куреннаго, пострѣляли, порубили, только не поймали чуры.»

«Во первыхъ, *пострѣляли* не русское слово, оно не по русски спрягнулося и скомпоновалося и вмѣстѣ съ словомъ *порубили* на русскомъ слабѣе выражаетъ, нежели на нашемъ. Мнѣ кажется, вотъ какъ бы нужно было сказать:

«Куреннаго атамана Ѳедора Безроднаго они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.»

«Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я самъ, который теперь разсуждаю объ этомъ съ такимъ хладнокровнымъ безпристрастіемъ, врядъ ли бы уберегся отъ того, чтобы не влѣпить звонкаго словца въ русскую рѣчь, въ простодушной увѣренности, что его и другіе также поймутъ. Помни, что твой переводъ для русскихъ, и потому всѣ малороссійскіе обороты рѣчи и конструкція прочь! Вѣдь ты вѣрно не хочешь дѣлать подстрочнаго перевода? Да впрочемъ это было бы излишне, потому что онъ у тебя и безъ того приложенъ къ каждой пѣсни. Ты каждое слово такъ удачно и хорошо растолковалъ, что кладешь его въ ротъ всякому, кто захочетъ понять пѣсню. Я бы тебѣ много кой-чего хотѣлъ еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о томъ, что̀ можно переговорить гораздо съ бо́льшею ясностью и толкомъ. Да притомъ это такая длинная матерія: зацѣпи только—и пойдетъ тянуться; въ подобныхъ случаяхъ болѣе всего нужны толки съ другою головою, потому что вѣрно одна замѣтитъ то, что̀ другая пропуститъ. Какъ бы то ни было, я съ радостью ребенка держу въ рукахъ твой первый

листъ и говорю: «Вотъ все, что̀ осталось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ!» какъ выразился Дельвигъ. Я еще никому не успѣлъ показать его, но понесу къ Жуковскому и похвастаюсь Пушкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе. А между тѣмъ подгоняй свои типографскіе станки. Я тебѣ пришлю скоро кое-какія пѣсни, которыя, впрочемъ, войдутъ въ послѣдній развѣ только отдѣлъ твоего перваго тома. За *Пѣснями люду галичскаго* я послалъ въ Варшаву, и какъ только получу ихъ, то ту же минуту пришлю ихъ тебѣ. — — — О*** скажу, чтобы онъ скорѣе пристроилъ твоего Наума. (*) Эти дни, можетъ быть, не увижу его, потому что ты самъ знаешь, что за безалаберщина дѣется у людей на праздникахъ: они всѣ какъ шальные. По улицамъ мечутся шитые мундиры и трехъ-угольныя шляпы, а дома между тѣмъ никого. У Плетнева постараюсь тоже на этихъ дняхъ отобрать нужныя для тебя свѣдѣнія. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему: да будешь ты здоровъ и спокоенъ.

«Весь твой Гоголь.»

«Мая 28. (1834, изъ С. Петербурга.)

«Извини меня: точно, я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ. У меня тоже большой хламъ въ головѣ. Благодарю тебя за листъ пѣсенъ, который ты называешь шестымъ, и который, по моему счету, четвертый. О введеніи твоемъ ничего не могу сказать, потому что я не имѣю его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочитать въ Журналѣ Просвѣщенія, 4 N, статью мою о малороссійскихъ пѣсняхъ; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ, писанный мною очень давно. —

«Мои обстоятельства очень странны — — — признаюсь, я брошу все и откланяюсь.... Богъ съ ними совсѣмъ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ долы Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится. Ты знаешь Ц***? кто это Ц***? кажется, П*** его знаетъ. Нельзя ли какъ нибудь уговорить Ц***, чтобы онъ просился на каѳедру русской исторіи? —

«Ты извини меня, что я не толкую съ тобою ничего о пѣсняхъ. Право, душа не въ спокойномъ состояніи. Перо въ рукахъ моихъ какъ деревянная колода, между тѣмъ какъ мысли мои со-

(*) «Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ», изданная около того времени г. Максимовичемъ для простонароднаго чтенія.

стоятъ теперь изъ вихря. Когда увижусь съ тобою, то объ этой статьѣ потолкуемъ вдоволь; потому что, какъ бы ни было, а все-таки надѣюсь быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Прощай, да пиши ко мнѣ. Въ эти времена волненія письма все-таки сколько нибудь утѣшаютъ душу. Прощай.

«Твой Гоголь.»

«Маія 29. (1834, изъ Петербурга.)

«Только что я успѣлъ отправить къ тебѣ вчерашнее письмо мое, какъ вдругъ получилъ два твоихъ письма: одно еще отъ 10 мая, другое отъ 19 мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанію. С*** никуда не годится: онъ ихъ изволилъ продержать у себя больше недѣли. Благодарю, очень благодарю тебя за листки пѣсенъ. Я не пишу къ тебѣ никакихъ замѣчаній потому, что я ужасно не люблю печатныхъ или письменныхъ критикъ, т. е. не читать ихъ не люблю, но писать. Недавно С. С. получилъ отъ С*** экземпляръ пѣсней и адресовалъ ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія, такъ же, какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Чтожъ я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самое главное позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни С***, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья была уже отпечатана. Такъ какъ нескоро къ вамъ доходятъ петербургскія книги, то посылаю тебѣ особый отпечатанный листокъ, также и листокъ изъ исторіи Малороссіи, которой мнѣ зѣло не хотѣлось давать. Я слышалъ уже сужденія нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ, которые глядятъ на этотъ кусокъ, какъ на полную исторію Малороссіи, позабывъ, что еще впереди 80 главъ они будутъ читать, и что эта глава только фронтиспись. Я бы, впрочемъ, весьма желалъ видѣть твои замѣчанія, тѣмъ болѣе, что этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ. Кстати: ты просилъ меня сказать о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и вѣрно приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раз-

дѣленіе, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, чтó сдѣлалось уже нашимъ — и твоимъ и моимъ вмѣстѣ.

«Прощай! цалую тебя нѣсколько разъ.

«Твой Гоголь.»

«8 іюня (1834). Спб.

«Я получилъ твое письмо черезъ Щепкина, который меня очень обрадовалъ своимъ пріѣздомъ. Чтó тебѣ сказать о здоровьѣ?.... (*) мы, братецъ, съ тобой! Что же касается до моихъ обстоятельствъ, то я самъ, хоть убей, не могу понять ихъ. ——— Я имѣю чинъ коллежскаго ассесора, не новичекъ, потому что занимался довольно преподаваніемъ. ——— и при всемъ я не могу понять ——— Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно! потому что мнѣ нужно, очень нужно мое здоровье, — мое занятіе, мое упрямство требуетъ этого. — А между тѣмъ мнѣ не видать его. — Пѣсни твои идутъ чѣмъ дальше лучше. Да что ты не присылаешь мнѣ до сихъ поръ введенія? мнѣ очень хочется его видѣть. Кстати о введеніи: если ты встрѣтишь что нибудь новое въ моей статьѣ о пѣсняхъ, то можешь прибавить къ своему.... дескать вотъ что еще объ этомъ говоритъ Гоголь. Да что, вѣдь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова. — Прощай. Да хранятъ тебя небеса и пошлютъ крѣпость душѣ и тѣлу. Пора, пора вызвать мочь души и дѣйствовать крѣпко!

«Твой Гоголь.»

Слѣдующее письмо замѣчательно по признанію поэта въ чувствахъ, привязывающихъ его къ Петербургу. Обратите вниманіе на слова, напечатанныя курсивомъ. Гоголь рѣдко, даже и нѣ столько, обнаруживалъ передъ кѣмъ бы то ни было сердечныя дѣла свои. Люди, которыхъ дружба удерживала его на сѣверѣ, безъ сомнѣнія, были Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и П. А. Плетневъ. Въ его письмахъ мѣстами проглядываетъ, мимо вѣдома писавшаго, истинный языкъ этого тѣснаго кружка поклонниковъ прекраснаго, какъ въ этомъ согласится каждый, кто близко зналъ хоть одного изъ нихъ. Они благоухаютъ ароматами святилища, въ которое открытъ былъ доступъ украинскому барду....

(*) Здѣсь употреблено Гоголемъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называлъ «крѣпкими». *Н. М.*

10 іюня (1834, изъ С.-Петербурга).

«Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. ——— Еслибъ это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ пожалуй два раза въ недѣлю на два часа отдать себя екукѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что̀ я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что̀ дорого, *что̀ было мило моему сердцу*, люди, съ которыми сдружился и которыхъ алчетъ душа, все, что̀ привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивъ все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску. Нужно отдалять всѣми мѣрами то, что можетъ вызывать ее. И ты въ добавокъ хочешь еще, чтобъ самая должность была для меня тягостною. Если меня не будетъ занимать предметъ мой, тогда я буду несчастливъ. Я очень хорошо знаю свое сердце и потому то, что̀ для другого кажется своенравіемъ, то есть у меня слѣдствіе дальновидности. Но, впрочемъ, кажется, это не можетъ остановить ихъ. ——— Остановка вся за однимъ Б. Итакъ, я жду теперь отъ него рѣшенія и по немъ узнаю, велитъ ли мнѣ судьба ѣхать, или нѣтъ. О пѣсняхъ твоихъ постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько нибудь свою лѣнь, которая уже почуяла лѣто и становится деспотомъ.

«До слѣдующаго письма.

«Твой Гоголь.»

Далѣе Гоголь является настоящимъ малороссіяниномъ, горячо привязаннымъ къ товарищу по ближайшему къ его душѣ дѣлу, мечтательнымъ и вмѣстѣ шутливымъ. Едва возьметъ онъ, какъ будто невзначай, нѣсколько слишкомъ нѣжныхъ нотъ, говорящихъ звуками его сердца, уже спѣшитъ развлечь вниманіе своего слушателя умышленно грубымъ запорожскимъ комизмомъ и потомъ, самъ того не замѣчая, попадаетъ на идиллію и на торжественный лиризмъ. Для многихъ эти письма будутъ простая, будничная проза; мнѣ — въ нихъ на каждомъ шагу чудятся поэтическіе мотивы. Это пробы смычка, готовящагося импровизировать симфонію, которая неотступно грезится артисту.

27 іюня (1834, изъ Петербурга.)

«Итакъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавайся заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, непремѣнно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возьми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя не раннею осенью или зимою, но когда бы то ни было, а я все-таки буду. Я далъ себѣ слово и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не проби(ли) человѣческая сила и желаніе.

«Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь. — Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами—чортъ возьми!—если онѣ не служатъ теперь для тебя къ тому только, чтобы отемнить свои мы(сли). Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. ——— Лѣто ты непремѣнно долженъ въ Кіевѣ полѣниться. Жаль, что я не съ тобою теперь: я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу. Я бы тебя повезъ по Пслу, гдѣ бы мы лежали въ натурѣ (*), купались, а въ добавокъ бы еще женилъ тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но такъ и быть! пожди до лѣта слѣдующаго, а теперь прими совѣтъ и крѣпко держи его въ памяти. Книгъ я тебѣ въ Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобъ ты съ ними не разминулся, а посылаю прямо въ Кіевъ, гдѣ онѣ будутъ тебя ожидать. Какъ нарочно, эти книги нашлись у меня, и потому денегъ тебѣ за нихъ платить не нужно. ——— Но во всемъ этомъ ты можешь обойтись и безъ моихъ совѣтовъ. Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться, сколько можно, до упаду, хотя бываетъ и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что все на свѣтѣ трынъ-трава и.... (*) Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость

(*) Намекъ на извѣстныя привычки Ивана Никифоровича: «Извините, что я передъ вами въ натурѣ.» См. «Сочиненія Н. Гоголя», т. II, стр. 402.

(**) Опять крѣпкое, очень крѣпкое словцо! *Н. М.*

человѣческая. Чортъ в. зьми! я какъ воображу, что теперь на кіевскомъ рынкѣ цѣлые рядки вываливаютъ персикъ (sic), абрикосѣ, которое все тамъ ни почемъ, что кіево-печерскіе.... уже облизываютъ уста, помышляя о дѣланіи вина изъ доморощеннаго винограду, и что тополи ушпигуютъ скоро весь Кіевъ,—такъ, право, и разбираетъ ѣхать, бросивши все; но, впрочемъ, хорошо,что ты ѣдешь впередъ. Ты приготовишь тамъ все къ моему прибытію и пріищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ въ Кіевѣ, что, безъ сомнѣнія, и ты не замедлишь учинить съ своей стороны. Да, пріѣхавъ въ Кіевъ, ты долженъ непремѣнно познакомиться съ экс-профессоромъ Бѣлоусовымъ. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ, — на Подолѣ, кажется. Скажи ему, что я просилъ его тебя полюбить, какъ и меня. Онъ славный малой, и тебѣ будетъ пріятно сойтись съ нимъ.

«Да послушай: какъ только тебѣ выберет(ся) время, даже въ дорогѣ, то тотчасъ пиши ко мнѣ, меня все интересуетъ о тебѣ... самая дорога и проч. и проч....

«Смотри, пожалуста, не забывай писать мнѣ почаще; ты мнѣ дѣлаешься очень дорогъ и, долго не получая отъ тебя писемъ, я уже скучаю.

«Но да почіетъ надъ тобою благословеніе Божіе! Я твердо увѣренъ, что ты будешь счастливъ. Мнѣ пророчитъ мое сердце.

«Твой Гоголь.»

Удивляешься на каждомъ шагу, сколько любви было въ нашемъ поэтѣ къ человѣку, съ которымъ, по его собственнымъ словамъ, судьба столкнула его мелькомъ, на короткое время. Мать не могла бы напутствовать своего сына болѣе нѣжными благословеніями, и братъ не предохранялъ бы брата отъ разныхъ непріятностей съ большею заботливостью. Все слѣдующее письмо дышетъ идеально-нѣжною дружбою.

Спб. Іюль 1. (1834.)

«Итакъ, посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ, гдѣ, надѣюсь, онѣ тебя уже застанутъ, вмѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсенъ, которую въ разныя времена списывалас (sic). Она занимательна тѣмъ,что содержитъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребительныя пѣсни, но которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ. Я думаю, ты теперь можешь кое-чего открыть въ Кіевопечерской Лаврѣ, а для

чичероне возьми Бѣлоусова, о которомъ я тебѣ писалъ. Ты теперь въ такомъ спокойномъ, уютномъ и святомъ мѣстѣ, что трудъ и размышленіе къ тебѣ притекутъ сами. Умѣй только распорядить хорошо время, — отдавай все прогулкѣ. Моціонъ тебѣ необходимъ. — Наше солнце и нашъ воздухъ укрѣпятъ тебя, только занимайся всегда поутру, ввечеру и въ полдень. Боже тебя сохрани. Въ полдень лежи на солнцѣ, но голову держи въ тѣни; ввечеру гуляй или иди къ кому нибудь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это непремѣнно долженъ соблюсти: если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказѣ. Прощай, да пребываетъ съ тобою все хорошее. Опиши все до иголки, какъ ты найдешь Кіевъ, въ какомъ видѣ представится тебѣ твое новое житье; все это ты долженъ неукоснительно описать. Я же буду ожидать съ нетерпѣніемъ твоего отзыва. Да Бога ради, будь поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда непріятнымъ, смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ. (*)

«Прощай! Цалую тебя на новосельѣ и ожидаю твоего письма.

«Твой Гоголь.»

Слѣдующее письмо представляетъ матеріалъ для собирателя анекдотовъ о поэтической разсѣянности. Гоголь проситъ г. Максимовича замолвить слово попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа объ одномъ господинѣ, о которомъ тотъ впервые слышитъ, исчисляетъ достоинства этого господина, но не упоминаетъ его имени.

Спб. Іюля 18. (1834.)

«Я получилъ твои экземпляры пѣсенъ и по принадлежности роздалъ кому слѣдовало. Препровождаю къ тебѣ благодарность получателей. Жуковскій читалъ нѣкот(орыя): онѣ произвели эффектъ. ——— Я, однакожъ, все ожидалъ, что ты еще будешь писать ко мнѣ изъ Москвы. Мнѣ хотѣлось знать, какъ ты собрался въ дорогу, сѣлъ въ бричку и прочее. — Что-то ты теперь подѣлываешь въ Кіевѣ? А кстати, чтобы не позабыть: къ вамъ въ Кіевъ хочетъ ѣхать одинъ преинтереснѣй(шій) и прелюбезнѣйшій человѣкъ, который тебѣ понравится до нельзя, —

(*) Припоминаю читателю стихъ Пушкина —
«Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ....»
*Н. М.*

настоящій землякъ и человѣкъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда, сохранившій все то, что требуется для молодости, несмотря на то,что ему за сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора Гимназіи если нельзя въ Кіевѣ, то въ какомъ нибудь изъ другой (sic) Кіевскаго же округа. Въ началѣ онъ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, изъѣздилъ всю Русь, охотникъ страшный до степей (*) и Крыма и, наконецъ, служитъ здѣсь въ Почтовомъ Департаментѣ. Извѣсти только, есть ли какое нибудь вакантное мѣсто, и въ такомъ случаѣ замолвь словечко отъ себя Б***, не прямо, но косвенно, т. е. вотъ каки(мъ) образомъ: что ты знаешь-де человѣка весьма годнаго занять мѣсто и истинно достойнаго, но что не знаешь-де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ имѣетъ выгодное мѣсто и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ, что прежде онъ хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, то попробовать (sic), можетъ быть онъ согласится, тѣмъ болѣе, что тамъ близко его родина.— А съ своей стороны ты будешь очень доволенъ имъ. Познакомился ли ты съ Бѣлоусовымъ, какъ я тебѣ писалъ въ прежнемъ письмѣ? Онъ находится теперь при графѣ Л***. Да что ты не прислалъ мнѣ нотъ малороссійскихъ пѣсенъ? прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ голоса, а самыхъ-то голосовъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь ихъ. Каково у васъ лѣто? какъ ты проводишь его? Да пиши скорѣе. Что это! я уже около мѣсяца не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Это скучно. —

«Прощай

«Твой Гоголь.»

Естественно, г. Максимовичъ спросилъ у него: какъ же я долженъ назвать твоего protégé, котораго ты предлагаешь такъ расхвалить, если попечитель спроситъ его фамилію? Въ письмѣ отъ 14 августа того же 1834 года Гоголь сообщаетъ уже имя, отчество и фамилію человѣка, «съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда!» Но оно замѣчательно не въ этомъ отношеніи, какъ читатель и самъ увидитъ.

«Во первыхъ — пишетъ Гоголь — позволь тебѣ замѣтить, что ты страшный нюня! все идетъ какъ слѣдуетъ, а онъ еще и ки-

(*) Изъ его разсказовъ Гоголь заимствовалъ много красокъ для своего «Тараса Бульбы», напримѣръ: степные пожары и лебеди, летящіе въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки.

*Н. М.*

снетъ! Когда я ——— плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ трынъ-трава, а признаюсь, грусть хотѣла было сильно подступить ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пидплесня, что она задрала ноги. ——— Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ Малороссію, какъ здѣшній попечитель князь К*** предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ Университетѣ, обѣщая мнѣ чрезъ три мѣсяца экстраорд. профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ, я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ Университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту. Между тѣмъ, поживя здѣсь, я буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театръ здѣшній я ставлю пьесу (*), которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ подъ полы другую. Короче, въ эту зиму я столько обдѣлаю, если Богъ поможетъ, дѣлъ, что не буду раскаяваться въ томъ, что остался здѣсь этотъ годъ. Хотя душа сильно тоскуетъ за Украйной, но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что съ своей стороны употребилъ всѣ возможныя силы. ——— Какъ бы то ни было, но перебираюсь на слѣдующій годъ, и если вы не захотите принять къ себѣ въ Кіевъ, то въ отеческую берлогу, потому что мнѣ доктора велятъ напрямикъ убираться, да призна(юсь), и самому становится чѣмъ далѣ нестерпимѣе петербургскій воздухъ. Я тебѣ попрошу, пожалуста, развѣдывай, есть ли въ Кіевѣ продающіяся мѣста для дома, если можно, съ садикомъ и, если можно, гдѣ нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ видѣнъ изъ него, и если найдется, то увѣдоми меня; я не замедлю выслать тебѣ деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вмѣстѣ. Пожалуста напиши мнѣ обстоятельнѣе о Кіевѣ. Теперь ты, я ду-

(*) Дѣло идетъ о «Ревизорѣ». Другая пьеса, о которой онъ упоминаетъ дальше, вѣроятно — «Женитьба». *Н. М.*

маю, его совершенно разнюхалъ, каковъ онъ, и каковъ имѣетъ характеръ людъ, обитающій въ немъ: офицеры, поляки, ученый дрязгъ нашъ, перекупки и монахи. Тотъ пріятель нашъ, о которомъ я рекомендовалъ тебѣ, есть Семенъ Данил. Ш***: воспитыва(лся) въ здѣшнемъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ, былъ отправленъ учителемъ въ Θеодосію, послѣ въ другія мѣста въ Южной Россіи, въ какія, не помню,—а спросить его позабылъ, потомъ служилъ въ Таможняхъ,—наконецъ нахо(ди)тся у Б*** въ Почтовомъ Департаментѣ. Въ Нѣжинъ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что Гимназія имѣетъ особенныя права и постановленія — — — Спѣшу къ тебѣ кончить письмо, зане страхъ нѣкогда: сейчасъ ѣду въ Царское, гдѣ проживу двѣ нелѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ. Прощай!

«Твой Гоголь.»

Августа 23. (1 34, изъ С. Петербурга.)

«Пріятель нашъ Семенъ Данилов. Ш*** хочетъ или въ Каменецъ-Подольскую, или въ Винницкую Гимназію, и потому еще разъ пишу объ этомъ. Если эти мѣста не вакантны теперь, то, можетъ быть, тебѣ извѣстно, когда они будутъ вакантны, и въ такомъ случаѣ пожалуста не прозѣвай.—Пронюхай, что́ есть въ вашей библіотекѣ относящагося до нашего края; весьма бы было хорошо, еслибъ ты поручилъ кому нибудь составить имъ маленькій реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довол(ьно) замѣчательныхъ вещей. Исторія моя терпитъ ужасную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно новая. Есть ли что нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила.... Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ — — — лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами. На дняхъ С*** и Г*** перегрызлись какъ собаки; но, впрочемъ, есть надежда, что сіи достойные люди скоро помирятся. Наши всѣ почти разъѣхались: Пушкинъ въ деревнѣ, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья своей дочери. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго усмотрѣнія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 августа. Прощай. Пиши, что́ и какъ въ Кіевѣ.

«Твой Гоголь.»

Спб. Января 22-го 1835.

«Ну, братъ, я уже не знаю, что и думать о тебѣ. Какъ, ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какой нибудь календарь или конскій лечебникъ? Посылаю тебѣ сумбуръ, смѣсь всего, книгу, въ которой есть ли масло — суди самъ. (*) — За то ты долженъ непремѣнно описать все, что и какъ, начиная съ Университета и до послѣдней кіевской букашки. — Я думаю, что ты пропасть услышалъ новыхъ пѣсенъ. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и присылать. Да нѣтъ ли какихъ нибудь этакихъ старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтобъ не позабыть. Есть нѣкто мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: затѣялъ быть учителемъ въ Житомірской Гимназіи изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя ли его какъ нибудь перетащить въ Университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомірѣ. Онъ былъ послѣ и въ Московскомъ Университетѣ и тамъ получилъ канди(да)та. Узнай его покороче, Ты имъ будешь доволенъ. — Ну! весною увидимся; нарочно ѣду на Кіевъ для одного тебя.

«Что тебѣ сказать о здѣшнихъ происшествіяхъ? У насъ хорошаго, ей Богу, ничего нѣтъ. Вышла Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта», а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковскаго полныя сочиненія и выйдуть всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу. — Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9. — Авось либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы, — право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ нибудь хорошимъ. Но...

«Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть двѣ строчки?

«Твой Гоголь.»

Гоголь хвалится, что пишетъ исторію среднихъ вѣковъ, которой никогда не суждено было быть оконченною, и ни слова не говоритъ о «Тарасѣ Бульбѣ» и прочихъ миргородскихъ повѣстяхъ, которыя занимали его умъ въ это время. Впрочемъ, въ письмѣ отъ 23 августа 1834 года, онъ говоритъ, что «трудится

---

(*) Это были «Арабески». *Н. М.*

какъ лошадь надъ собственно своими вещами»: видно, это-то и были миргородскія повѣсти. Онъ до тѣхъ поръ строилъ и перестроивалъ свою «Исторію Малороссіи», пока изъ мертваго хлама лѣтописныхъ сказаній поднялся живой, буйно-энергическій образъ Тараса Бульбы. Эта размашистая фигура высказала яснѣе всевозможныхъ томовъ, какова была старинная жизнь Малороссіи и какъ понималъ ее Гоголь. Кажется, и самъ авторъ «Миргорода» сознаʌъ эту истину, потому что, напечатавъ «Тараса Бульбу», отложилъ попеченіе объ исторіи Малороссіи и уже никогда къ ней не возвращался.

Слѣдующее письмо выражаетъ ликующее состояніе его души по свершеніи долгаго и, по собственному его признанію, тяжелаго труда. Вѣроятно, такіе судьи, какъ Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и Плетневъ, не замедлили увѣнчать чело поэта свѣжими, вполнѣ заслуженными лаврами, и, подъ вліяніемъ восторженнаго сознанія своего успѣха, онъ, вѣроятно, дѣлалъ не разъ то, что́ совѣтуетъ въ этомъ письмѣ г. Максимовичу и что́ потомъ, въ каррикатурномъ видѣ, уступилъ Чичикову. Это будетъ письмо автора «Тараса Бульбы», еще не совсѣмъ отрѣшившагося отъ своего бурно-веселаго, заунывно-разгульнаго идеала. Уже одно его начало показываетъ, что авторъ только что воротился съ Запорожской Сѣчи.

Марта 22. (1835, изъ С. Петербурга.)

«Ой чи живы, чи здоровы,
«Вси родычи гарбузовы? (*)

«Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во первыхъ, потому, что не коротко, а во вторыхъ, потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

«Посылаю тебѣ «Миргородъ». Авось либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ (особенно ты) глядѣть на жизнь какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ. Пробовалъ ли ты когда ни-

(*) Изъ народной комической пѣсни:

Ходыть гарбузъ по городу,
Пытаецца свого роду....

*Н. М.*

будь, вставши по утру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ трепака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что̀ такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуетъ другой души, чтобы разсказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься съ старыми друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь пріѣхать въ Кіевъ, хотя мнѣ, впрочемъ, совсѣмъ не по дорогѣ. Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ все правовѣдцы, да притомъ отъ нихъ такъ пахнетъ семинаріей, что ужь слишкомъ. Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ; а что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни повышеній, ни честолюбія. Если бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я бы посовѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ. Ибо я знаю по опыту, что̀ значитъ имѣть при Университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка. Но прощай; напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны. Чувствуешь ли ты свое счастіе? знаешь ли ты его? Ты, свидѣтель ея рожденія, впиваешь ее, дышешь ею,—и послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не желаю видѣть, по крайней мѣрѣ на все продолженіе ея. Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни.

«Твой Гоголь.»

Казалось бы, теперь между авторомъ «Миргорода» и профессоромъ русской словесности должна была закипѣть вновь оживленная переписка; но случилось напротивъ. Гоголь написалъ еще только два письма къ г. Максимовичу (одно черезъ четыре мѣсяца, а другое черезъ четыре съ половиною года), и больше никогда ни слова, хотя до конца жизни оставался съ нимъ въ самыхъ дружеснихъ отношеніяхъ.

Вотъ его послѣднее письмо.

Полтава. Іюля, 20 дня. 1835.

«О тебѣ я потерялъ совершенно всѣ слухи. Не получая долго писемъ, я думалъ, что ты занятъ; къ тому же на ухо шепнула мнѣ лѣнь моя, что нечего и тебѣ докучать письмами, и я рѣшился лучше всего этого явиться къ тебѣ вдругъ въ Кіевъ. Но вышло не такъ: ѣхавшему вмѣстѣ со мною нужно было поспѣшать въ срокъ и никакъ нельзя было дѣлать разъѣздовъ, и Кіевъ былъ пропущенъ мимо. Теперь я живу въ предковской деревнѣ и черезъ три недѣли ѣду опять въ Петербургъ, — къ 13 или къ 14, впрочемъ, буду непремѣнно въ Кіевѣ, нарочно сдѣлавъ 300 верстъ кругу, и проживу два дни съ тобою. И тогда поговоримъ о томъ и о другомъ и о прочемъ. Больше, право, ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя; впрочемъ, ты вѣрно это и безъ моихъ объявленій знаешь. Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находитъ столбнякъ. А что, какъ ты? Я думаю, такъ движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебѣ Богъ за то возрастанія силъ и здоровья. Если будетъ тебѣ время, то отзовись еще. Письмо твое успѣетъ застать меня. Право, соскучилъ безъ тебя. Дай хоть руку твою увидѣть. Прощай.

«Твой Гоголь.»

О послѣднемъ письмѣ Гоголя къ г. Максимовичу я покамѣсть умолчу: оно относится къ третьему періоду жизни поэта и представляетъ его уже совсѣмъ инымъ человѣкомъ....

Гоголь исполнилъ обѣщаніе, данное земляку и другу въ письмѣ отъ 20 іюля 1835 года. Онъ посѣтилъ его въ Кіевѣ, на пути въ столицу, и прожилъ у него около пяти сутокъ. Г. Максимовичъ занималъ тогда квартиру въ домѣ Катеринича, на Печер-

кѣ. (*) Отсюда Гоголь отправлялся въ разныя прогулки по Кіеву и его окрестностямъ, въ сопровожденіи г. Максимовича или кого нибудь изъ товарищей по Нѣжинской Гимназіи, служившихъ въ Кіевѣ. На лаврской колокольнѣ, откуда открывается обширная панорама гористаго Кіева и его окрестностей, можно видѣть собственноручную его надпись. Онъ долго просиживалъ на горѣ у церкви Андрея Первозваннаго и разсматривалъ видъ на Подолъ и на днѣпровскіе луга. Въ то время въ немъ еще не было замѣтно мрачнаго сосредоточенія въ самомъ себѣ и сокрушенія о своихъ грѣхахъ и недостаткахъ; онъ былъ еще живой и даже немножко вѣтреный юноша. У г. Максимовича хранятся пѣсни, записанныя имъ въ Кіевѣ отъ его знакомыхъ и относящіяся къ нѣкоторымъ кіевскимъ мѣстностямъ. Безотчетная склонность его къ юмору, которой онъ только впослѣдствіи далъ опредѣленное направленіе, ни въ чемъ не находила столько пищи, какъ въ этомъ — весьма обширномъ — отдѣлѣ малороссійской народной поэзіи....

Здѣсь кстати сдѣлать аналогію между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни. Никто изъ современныхъ писателей русскихъ и иностранныхъ не бросалъ на жизнь такого грустнаго взгляда, какъ Гоголь. Самъ Байронъ слабѣе его чувствовалъ паденіе натуры человѣческой. Гордый своими достоинствами англичанинъ раздражался ничтожествомъ ближняго или общественными пороками. Гоголь, напротивъ, съ смиреніемъ христіанина, сознавалъ на своей душѣ ужасавшіе его отпечатки соприкосновеній съ людьми, которые его окружали, и страдалъ отъ своего дара измѣрять всю глубину бездны, въ которую онъ былъ повергнутъ. (**) Его сердечные вопли были вопли души, низринутой въ адъ съ высоты самообольщенія и очнувшейся посреди грѣховныхъ страшилищъ. Невозможно взять ноты болѣе грустной, какія онъ бралъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрите, съ какимъ дѣтскимъ увлеченіемъ предавался онъ самой безза-

(*) Недалеко отъ стараго Никольскаго монастыря съ одной и Царскаго сада съ другой стороны.

(**) Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ — говоритъ онъ въ своемъ «Завѣщаніи» — но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. *Страшна душевная чернота*, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть стоитъ предъ глазами. («Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 9.)

ботной веселости, даже и не въ первые періоды своей жизни,— даже и тогда, когда онъ смѣялся уже горькимъ смѣхомъ. То не было, однакожь, въ немъ признакомъ довольства жизнью и собою; онъ никогда не бывалъ доволенъ ни собой, ни другими вполнѣ; съ школьной скамейки онъ уже возставалъ противъ того, что̀ онъ называлъ тогда «корою земности и ничтожнаго самодоволія», которыя подавляли въ его ближнихъ «высокое назначеніе человѣка», и это безпокойное чувство было залогомъ постояннаго развитія его духа. То было инстинктивное побужденіе природы — вознаграждать утрату главнаго элемента жизни, сердечной веселости, смѣхомъ, проистекающимъ извнѣ человѣка и замѣняющимъ для нашего сердца только въ слабой степени тотъ животворный смѣхъ, которымъ смѣется ребенокъ, или неопытная дѣвушка, не вкусившая въ жизни еще никакой отравы. То была строгая необходимость отдыха и забытья для тяжко напряженной нравственной жизни.

Если мы предложимъ себѣ вопросъ: откуда въ Гоголѣ явился такой оригинальный строй духа; если мы пройдемъ вверхъ по теченію его жизни, станемъ разсматривать всѣ сильныя вліянія, которымъ онъ подвергался въ разные ея моменты, станемъ доискиваться, не встрѣчалъ ли онъ когда либо чего нибудь однороднаго съ тономъ и складомъ своего творчества: то ни его сближеніе съ такими поэтами, какъ Пушкинъ и Жуковскій, ни изученіе твореній Гомера, Шекспира, Шиллера и Вальтеръ-Скотта, отпечатлѣвшееся на его сочиненіяхъ, ни положеніе его въ школѣ, посреди немногихъ друзей и, такъ называемыхъ имъ, «существователей», ни домашняя жизнь въ Яновщинѣ, гдѣ онъ, по собственнымъ словамъ, былъ «окруженъ съ утра до вечера веселіемъ», ни внушенія отца, ни любовь матери, ни неизбѣжное баловство со стороны такихъ «кроткихъ, безхитростныхъ душъ», каковы были его Аѳанасій Иванычъ и Пульхерія Ивановна, — ничто это, по крайнему моему разумѣнію, не должно было назнаменовать въ его душѣ тотъ дивный путь, которымъ пошелъ его природный геній. Гораздо ранѣе разумнаго сознанія своихъ ощущеній подвергнулся онъ вліянію, которое дѣйствуетъ на поэтическую душу сильнѣе, нежели что либо впослѣдствіи, и даетъ ей неизмѣнное направленіе. То была народная поэзія племени, котораго нравственныя свойства въ такой полнотѣ отразила въ себѣ гоголева натура.

«Я думаю — говоритъ Вальтеръ-Скоттъ, описывая свое дѣтство — что дѣти получаютъ могущественныя и важныя для ихъ послѣдующей жизни побужденія, слушая такія вещи, которыхъ они не въ состояніи вполнѣ понимать» (*), и оправдываетъ это глубокомысленное замѣчаніе изложеніемъ весьма раннихъ вліяній, которымъ онъ былъ обязанъ господствующимъ направленіемъ своего генія.

Зная, какъ развивался въ дѣтствѣ шотландскій бардъ, зная, что́ всего прежде, всего рѣшительнѣе и всего могущественнѣе увлекало его поэтическую душу, и даже находя между нимъ и Гоголемъ много общаго въ энтузіазмѣ, съ которымъ тотъ и другой предавались изученію своей національной поэзіи, въ дѣтскомъ и въ юношескомъ возрастѣ (**), я не безъ основанія буду утверждать, что голоса украинскихъ пѣсенъ, поражавшія слухъ Гоголя еще въ колыбели, и содержаніе ихъ, рано сдѣлавшееся для него доступнымъ въ общемъ своемъ характерѣ, дали еще неподвижному зародышу его творчества характеръ трагической грусти и лирическаго смѣха, развившійся впослѣдствіи до такой поразительной силы. Ибо ни у одного народа пѣсня не выходитъ

(*) Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, by Lockhart. Paris, 1838; vol. I, p. 14.

(**) Вотъ какъ разсказываетъ Вальтеръ-Скоттъ въ своей автобіографіи о своей страсти къ народнымъ пѣснямъ:

«Въ числѣ важныхъ умственныхъ пріобрѣтеній этого времени (т. е. когда ему было тринадцать лѣтъ) было то, что я узналъ «Остатки Старинныхъ Стихотвореній» епископа Перси. Такъ какъ я съ самаго дѣтства пристрастился къ легендному складу идей, и только по скудости матеріаловъ и грубости тѣхъ, которые были у меня въ рукахъ, отрывался отъ легендъ къ другимъ умственнымъ удовольствіямъ, то можно вообразить, но нельзя описать, съ какимъ восторгомъ я увидѣлъ пьесы, подобныя тѣмъ, которыя были забавою моего дѣтства и все еще оставались втайнѣ Далидою моего воображенія.... Лѣтній день проходилъ для меня такъ быстро, что, несмотря на свѣжій аппетитъ тринадцати-лѣтняго возраста, я забылъ объ обѣдѣ; меня принялись искать съ безпокойствомъ и нашли пресыщающагося умственной моей трапезою.... Съ тѣхъ поръ я надоѣлъ своимъ школьнымъ товарищамъ и всѣмъ, кому была охота меня слушать, трагическими выдержками изъ балладъ епископа Перси. Я воспользовался первою возможностью скопить нѣсколько шиллинговъ, которые попадали въ мои руки не очень часто, чтобы пріобрѣсть собственный экземпляръ этой безцѣнной книги, и не думаю, чтобы какую либо книгу читалъ я въ половину такъ часто и съ такимъ увлеченіемъ.» (Ibid., vol. I, pp. 21—22.)

изъ такой мрачной душевной глубины, какъ у малороссіянъ, и ни одно племя на землѣ не способно, послѣ горькаго плача, послѣ разрывающаго сердце отчаянія, смѣяться такимъ всепобѣждающимъ смѣхомъ, какимъ смѣются они въ своихъ комическихъ и саркастическихъ пѣсняхъ. Переходъ отъ горести къ смѣху и отъ смѣха къ горю въ ихъ поэзіи и натурѣ такъ быстръ и такъ естественъ, что вся ихъ жизнь похожа на мрачную ткань, затканную блестящимъ шолкомъ, который, рисуя на одной сторонѣ яркіе цвѣты, тою же ниткою выражаетъ на оборотѣ по сіяющему полю траурные узоры. Отсюда происходитъ, что «подъ видимымъ смѣхомъ» у Гоголя всегда «скрываются незримыя, невѣдомыя міру слезы» (*), а по мрачной ткани его фантазіи вездѣ разсыпаны сверкающіе цвѣты восторга и яснаго, сердечнаго хохота.

Возвратясь осенью 1835 года въ Петербургъ, Гоголь почувствовалъ сильнѣе прежняго необходимость поправить свое здоровье въ тепломъ климатѣ и началъ готовиться къ путешествію на Кавказъ или въ другой подобный край заблаговременно. Второе изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» и постановка на сцену «Ревизора» доставили ему къ тому средства. Но кто бы могъ думать, что авторъ такой смѣшной (я не говорю: веселой) комедіи, какъ «Ревизоръ», страдалъ отъ нея не только во время ея представленія, но и задолго до него? Причины его страданій объяснить трудно. Довольно, впрочемъ, сказать, что онъ самъ ставилъ на сцену свою комедію и усиливался образовать для нея актеровъ — подвигъ, требующій усилій продолжительныхъ и авторитета непреложнаго. До какой степени удались ему его хлопоты, видно отчасти изъ «Письма къ одному литератору», напечатаннаго имъ впослѣдствіи (съ сокращеніями) въ приложеніяхъ къ «Ревизору».

«Ревизоръ съигранъ — говоритъ онъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно.... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно тягостное облекало меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое.»

Далѣе:

«Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ ми-

(*) «Мертвыя Души», стр. 254.

путнаго горделиваго расположенія, думалъ, что когда нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта? И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно. — Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, — и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. — — — Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣла меня тоска. — — — Я усталъ душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего.»

Это было писано 25 мая 1836 года. Прочитавъ этотъ отрывокъ, каждый почувствуетъ, до какой степени душевныя силы поэта были истощены стараніями выразить своею комедіею непонятное для ея исполнителей и непріятными столкновеніями съ людьми, которые не знали цѣны его таланту и не щадили его сердца. Имъ овладѣла тоска, которую долженъ былъ бы почувствовать каждый художникъ, обманувшійся въ своихъ гордыхъ надеждахъ, и тѣмъ сильнѣе она одолѣла его, что здоровье его было изнурено множествомъ написанныхъ имъ съ 1829 года сочиненій, трудами по службѣ и приготовленіями къ такимъ работамъ, какъ «Исторія Малороссіи» въ шести и «Исторія Среднихъ Вѣковъ» въ девяти томахъ. Ему необходимо было вырваться изъ своей сферы и искать спокойствія и исцѣленія вдали отъ отечества, среди нѣмыхъ для него племенъ, среди постороннихъ для него интересовъ, среди памятниковъ минувшаго времени, столь успокоительно говорящихъ поэтической душѣ (*), среди безсмертныхъ созданій кисти и рѣзца, среди вѣчной весны, которой онъ такъ жаждалъ, бывало, въ Петербургѣ, и о которой писалъ къ своему другу въ

(*) Вспомнимъ слова Гоголя въ письмѣ къ г. Максимовичу отъ 9 ноября 1833 года: «Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія.»

Кіевъ: «Дай мнѣ ее одну, одну,— и никого больше я не желаю видѣть!»

Такъ слѣдовало заключить о немъ изъ извѣстныхъ доселѣ внутреннихъ и внѣшнихъ его обстоятельствъ. Но, сообразивъ первыя стремленія къ общей пользѣ съ практическимъ направленіемъ его литературной дѣятельности, высказавшемся въ «Перепискѣ съ Друзьями» и въ самихъ «Мертвыхъ Душахъ», невольно остановишься на мысли, что приведенныя выше обстоятельства не могли бы еще подвинуть его на увольненіе отъ службы и переѣздъ за границу. Государственную службу Гоголь съ самой юности считалъ цѣлью своего существованія и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, перепробовалъ нѣсколько родовъ ея, ища поприща, на которомъ онъ могъ бы всего больше приносить пользы. Наконецъ наблюденія надъ самимъ собою, а можетъ быть, и внушенія Пушкина, убѣдили его, что настоящее его призваніе литература, и что только на этомъ поприщѣ онъ будетъ истинно полезенъ своему отечеству. «Ревизоръ», при всей неудовлетворительности постановки на сцену этой пьесы, показалъ ему, что̀ можетъ сдѣлать писатель, возгорѣвшійся любовью къ добру и сатирическимъ «гнѣвомъ» къ недостойному въ человѣкѣ. Съ первымъ наброскомъ «Мертвыхъ Душъ», читанныхъ Пушкину, въ головѣ его явилась неясная, но предчувствуемая силою вдохновенія, мысль цѣлаго созданія, которымъ «можно устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному» (*); почуявъ все величіе подобнаго подвига, онъ убѣдился окончательно, что поступитъ «честно», если перемѣнитъ службу государственную на службу Царю и Отечеству посредствомъ литературы. Но чтобы выносить въ душѣ идею задуманнаго созданія, ему было необходимо такое мѣсто, куда бы, какъ выражался онъ, «не доходили до него волненія». Такого мѣста онъ не имѣлъ въ Россіи. Здѣсь на него многіе имѣли права, которыхъ онъ не могъ и не желалъ отвергнуть. Онъ безпрестанно прикасался здѣсь къ мелкой ежедневной дѣйствительности, а ему нужно было провести много времени наединѣ съ Богомъ, съ природой и съ своей душой. Этого мало: сама Россія не могла представить его уму во всей громадности своего образа, пока онъ находился посреди соотечественниковъ. Онъ

(*) Слова Гоголя въ «Перепискѣ съ Друзьями», стр. 152.

долженъ былъ отойти отъ нея, чтобы обнять ее всю своимъ духовнымъ взоромъ, и чтобы, въ удаленіи отъ отечества, возгорѣться свѣжею къ нему любовью. Такимъ образомъ желаніе послужить вѣрою и правдою своему Царю и народу, а не какіе нибудь мелкіе эгоистическіе разсчеты заставили Гоголя выйти въ отставку и уѣхать изъ Россіи. Это можно сказать рѣшительно, основываясь на его письмахъ, на его душевныхъ признаніяхъ и на всѣхъ его поступкахъ до конца жизни. Онъ былъ примѣрный гражданинъ земли своей, отъ юности до смерти оставшійся вѣрнымъ одной благородной цѣли—приносить пользу обществу; ибо, что́ бы онъ ни предпринималъ, чѣмъ бы ни увлекался, мысль о службѣ Отечеству и верховному представителю Отечества, Царю, выражаясь его словами, «пребывала неотлучно въ головѣ его впереди всѣхъ его дѣлъ и занятій».

Я увѣренъ, что многимъ, знавшимъ Гоголя лично, покажутся странными эти слова. Они приведутъ въ недоумѣніе и тѣхъ, кто будетъ перечитывать заграничныя письма Гоголя, помѣщенныя далѣе въ моемъ «Опытѣ». Припоминая его обыкновенные разговоры, его саркастическія выходки и разные житейскіе дрязги, никто не скажетъ, чтобъ Гоголь въ своей поѣздкѣ за границу управлялся всего болѣе желаніемъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ не въ состояніи былъ показать себя на службѣ, то есть гражданиномъ земли своей; ибо онъ не любилъ обнаруживать даже и передъ близкими друзьями сокровеннѣйшихъ движеній души своей (*), и то, что́ для него было всего священнѣе, онъ всего глубже таилъ въ своемъ сердцѣ. Мало того: онъ почти всегда старался отклонить отъ своего тайника пытливый взоръ наблюдателя, посредствомъ одному ему свойственной проказливости. Поэтому-то многіе, передъ выѣздомъ его за границу, слышали отъ него только жалобы на сѣверный климатъ и на разныя непріятности въ сношеніяхъ съ холодными и тупыми людьми; нѣкоторые объясняли себѣ его удаленіе изъ Россіи неудачною привязанностью къ одной дѣвицѣ, — привязанностью, которая не могла бы ни къ чему привести его. Но никто ни прежде, ни послѣ его отъѣзда не могъ имѣть и въ по-

---

(*) Это было въ немъ врожденнымъ инстинктомъ. Вспомнимъ отвѣтъ его матери на извѣстіе о смерти отца. «Я сперва былъ пораженъ симъ извѣстіемъ, однакожъ *не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ;* оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія.»

мышленія, чтобы на этотъ разъ государственная служба, какъ всегда, стояла впереди всѣхъ его дѣйствій.

Есть люди — и ихъ довольно много — которые, не находя возможности согласить въ умѣ противоположные, по видимому, поступки Гоголя въ разныя эпохи его жизни, полагаютъ, что онъ только впослѣдствіи начерталъ себѣ извѣстный планъ поведенія, и увѣрялъ себя и другихъ, что онъ никогда не чувствовалъ и не дѣйствовалъ иначе. Но вѣдь это же самое говорятъ и относительно его религіозности, опираясь на нѣсколькихъ словахъ, вырывавшихся у него изъ устъ въ минуты беззаботной веселости. А между тѣмъ онъ смертью своею доказалъ, что онъ былъ не только истинный христіанинъ, но и покорнѣйшій сынъ Православной Церкви.

Какъ, однакожь, объяснить въ его характерѣ кажущіяся противорѣчія? Почему, напримѣръ, онъ, будучи глубоко цѣломудренъ въ душѣ, позволялъ себѣ иногда пѣсни и шутки вовсе не цѣломудренныя? почему, при своемъ уваженіи къ ученію Отцевъ Церкви, онъ иногда, въ припадкѣ веселости, какъ будто забывалъ о немъ? или какимъ образомъ, стоя на высотѣ христіанскаго смиренія, онъ точно подбиралъ себѣ кругъ друзей исключительно между богатыми и знатными?

Я затѣмъ предлагаю эти вопросы, что они сильно занимали меня, пока я не выяснилъ себѣ личности Гоголя; ибо я не всегда питалъ къ нему тѣ чувства, съ которыми теперь начертываю исторію его внѣшней и внутренней жизни. Сомнѣнія, недоумѣнія, негодованіе на кажущуюся пошлость его поступковъ, презрѣніе къ мнимой его надмѣнности и кичливости и другія тягостныя и непріятныя чувства, которыя возбуждалъ Гоголь въ разныя времена своей жизни въ истинныхъ своихъ почитателяхъ, были и моими чувствами; и чѣмъ больше я цѣнилъ талантъ его, тѣмъ сильнѣе возставалъ въ душѣ противъ того, что̀ я называлъ тогда темными сторонами его характера. Даже въ то время, когда надъ его могилой раздавались еще свѣжія сожалѣнія и высказаны были нѣсколькими его друзьями искреннія ихъ убѣжденія касательно его человѣческой личности, духъ сомнѣнія не оставилъ меня, и я, изображая, въ краткомъ очеркѣ, его дѣтство, не хотѣлъ перейти за черту того, что̀ относится собственно къ его таланту, или къ тому возрасту, въ которомъ все извинительно.

Но когда передо мной открылись всѣ матеріалы для его біографіи, которые читатель найдетъ въ этой книгѣ, и я вошелъ въ болѣе близкія отношенія съ душою поэта, мои сомнѣнія и недовѣрчивость къ искренности всѣхъ его поступковъ въ остальное десятилѣтіе его жизни начали уступать мѣсто теплому сочувствію къ его убѣжденіямъ и удивленію къ силѣ и ясности его души — точно какъ будто самъ онъ явился ко мнѣ съ другого свѣта и удостовѣрилъ меня во всемъ, положа руку на сердце.

Но убѣдитъ ли мое убѣжденіе читателя, еще незнакомаго со всѣми извѣстными мнѣ обстоятельствами жизни поэта? Нѣтъ; даже объясненія, которыя сдѣлалъ бы я ему теперь на предложенные выше вопросы, не могутъ быть приняты имъ такъ, какъ они составились въ умѣ моемъ. Необходимо самому читателю пройти до конца испытующимъ окомъ всѣ проявленія характера и души Гоголя, сколько сохранено ихъ отъ забвенія въ этомъ сборникѣ, и, по мѣрѣ своей способности, анализировать столь высокій и трудный предметъ, составить себѣ собственныя убѣжденія. Я въ этомъ случаѣ имѣю передъ нимъ только преимущество первенства. Я былъ уже въ этой необыкновенной галлереѣ, я привелъ въ ней кое-что въ порядокъ, чтобы каждый предметъ получилъ свою видимость; я оставилъ въ ней замѣтки кой-какихъ своихъ наблюденій и соображеній, которыя облегчатъ для него изученія предмета, и теперь предлагаю каждому войти въ эту галлерею и вынести изъ нея въ душѣ своей что̀ кто можетъ вынести.

## ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Гоголь заграницей. — Поѣздка изъ Лозанны въ Веве. — Вліяніе смерти Пушкина на дѣятельность Гоголя. — Жизнь въ Римѣ. — Переписка съ прежней ученицей. — Переводъ итальянской комедіи. — Письма къ М. С. Щепкину и П. А. Плетневу. — Болѣзненное состояніе Гоголя. — Шутливость въ характерѣ его. — Дорожныя приключенія. — Возвращеніе въ Россію. — Хлопоты по изданію «Мертвыхъ Душъ». — Семейныя заботы. — Гоголь опять въ Римѣ. — Письмо по поводу отрывка изъ «Мертвыхъ Душъ», поставленнаго на сцену. — Черты изъ душевной исповѣди. — Высочайшая милость. — Случай въ Прагѣ. — Еще нѣсколько признаній. — «Переписка съ друзьями». — Послѣдствія журнальныхъ отзывовъ. — Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ. — Стремленіе къ собственному совершенствованію. — Возвращеніе въ отечество. — Малороссійскія пѣсни, наиболѣе любимыя Гоголемъ. — Путешествіе Гоголя съ М. А. Максимовичемъ въ Малороссію на долгихъ, въ 1850 году. — Дорожныя приключенія и посѣщенія. — Какъ розно понимали Гоголя его знакомые. — Письмо къ П. А. Плетневу изъ Одессы. — Гоголь на родинѣ. — Собственное его мнѣніе о второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». — Возвращеніе въ Москву. — Общество Гоголя и его занятія. — Послѣднія письма. — Разговоръ съ О. М. Бодянскимъ. — Послѣдніе дни. — Сожженіе рукописи и смерть.

Съ выѣздомъ за границу начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по тѣмъ письмамъ, которыя находятся у меня въ рукахъ, явится читателю сперва дѣтски безпечнымъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ все болѣе и болѣе сумрачнымъ и наконецъ грозно-торжественнымъ.

Мы войдемъ въ этотъ періодъ его жизни посредствомъ одного изъ самыхъ веселыхъ его писемъ, въ которомъ онъ разсказываетъ одной изъ своихъ петербургскихъ ученицъ о своемъ путешествіи изъ Лозанны въ Веве.

«Веве. Октября 12-го 1836.

«Хотя вы, милостивая государыня ***, не изволили мнѣ описать вашего путешествія въ Антверпенъ и въ Брюссель, и хотя слѣдовало бы и съ моей стороны сдѣлать то же, но, несмотря на это, я рѣшаюсь описать вамъ путешествіе мое въ Веве, — во первыхъ, потому, что я очень благовоспитанный кавалеръ, а во вторыхъ, потому, что предметы такъ интересны, что мнѣ было бы грѣхъ не писать о нихъ. Простившись съ вами — что̀, какъ вы помните, было въ исходѣ перваго часа — я отправился въ Hôtel du Faucon. Обѣдало насъ три человѣка: я посреди; съ одной стороны почтенный старикъ французъ съ перевязанною рукою и орденомъ, а съ другой стороны — почтенная дама, жена его. Подали супъ съ вермишелями. Когда мы всѣ трое супъ откушали, подали намъ вотъ какія блюда: говядину отварную, котлеты бараньи, вареный картофель, шпинатъ со шпигованной телятиной и рыбу средней величины къ бѣлому соусу. Когда я откушалъ картофель, который я весьма люблю, особливо, когда онъ хорошо сваренъ, французъ, который сидѣлъ возлѣ меня, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

«— Милостивый государь....

«Или нѣтъ, я позабылъ: онъ не говорилъ: Милостивый государь; онъ сказалъ:

«— Monsieur, je vous servis этою говядиною. Это очень хорошая говядина.

«На что̀ я сказалъ:

«— Да, дѣйствительно это очень хорошая говядина.

«Потомъ, когда приняли говядину, я сказалъ:

«— Monsieur, позвольте васъ попотчивать бараньей котлеткой.

«На что̀ онъ сказалъ:

«— Съ большимъ удовольствіемъ. Я возьму котлетку, тѣмъ болѣе, что, кажется, хорошая котлетка.

«Потомъ приняли и котлетку, и поставили вотъ какія блюда: жаркое — цыпленка, потомъ другое жаркое — баранью ногу, потомъ поросенка, потомъ пирожное — компотъ съ грушами, потомъ другое пирожное — съ рисомъ и яблоками. Какъ только мнѣ перемѣнили тарелку и я ее вытеръ салфеткой, французъ, сосѣдъ мой, попотчивалъ меня цыпленкомъ, сказавъ:

«— Puis-je vous offrir цыпленка?

«На что̀ я сказалъ:

«— Je vous demande pardon, Monsieur, я не хочу цыпленка; я очень огорченъ, что не могу взять цыпленка; я лучше возьму кусокъ бараньей ноги, потому что я баранью ногу предпочитаю цыпленку.

«На что̀ онъ сказалъ, что онъ точно зналъ многихъ людей, которые предпочитали баранью ногу цыпленку.

«Потомъ, когда откушали жаркое, французъ, сосѣдъ мой, предложилъ мнѣ компотъ изъ грушъ, сказавъ:

«— Я вамъ совѣтую, Monsieur, взять этаго компота: это очень хорошій компотъ.

«— Да, сказалъ я, это точно очень хорошій компотъ. Но я ѣдалъ (продолжалъ я) компотъ, который приготовляли собственныя ручки княжны В*** Н*** Р*** и котораго можно назвать королемъ компотовъ и главнокомандующимъ всѣхъ пирожныхъ.

«На что̀ онъ сказалъ:

«— Я не ѣдалъ этого компота, но сужу по всему, что онъ долженъ быть хорошъ, ибо мой дѣдушка былъ тоже главнокомандующій.

«На что̀ я сказалъ:

«— Очень жалѣю, что не былъ знакомъ лично съ вашимъ дѣдушкою.

«На что̀ онъ сказалъ:

«— Не стоитъ благодарности.

«Потомъ приняли блюда и поставили десертъ. Но я, боясь опоздать къ дилижансу, попросилъ позволенія оставить столъ, на что̀ французъ, сосѣдъ мой, отвѣчалъ очень учтиво, что онъ не находитъ съ своей стороны никакого препятствія.

«Тогда я, взваливъ шинель на лѣвую руку, а въ правую взявъ дорожный портфель съ бѣлою бумагою и разною собственноручною дрянью, отправился на почту.

«Дорога отъ Фокона до почты вамъ совершенно извѣстна, и потому я не берусь ее описывать. Притомъ вы сами знаете, что предметовъ, которые бы слишкомъ поразили воображеніе, на ней очень, очень немного. Когда я пришелъ къ дилижансу, то увидѣлъ, къ крайнему своему изумленію, что внутри кареты все было почти занято. Оставалось одно только мѣсто въ срединѣ. Сидѣвшіе дамы и мужчины были люди очень почтенные,

но нѣсколько толсты, и потому я минуту предавался размышленію. «Хотя—подумалъ я—мнѣ здѣсь не будетъ холодно, если я усядусь посрединѣ; но, такъ какъ я человѣкъ субтильный и тщедушный, то весьма можетъ быть, что они изъ меня сдѣлаютъ лепешку, пока я доѣду до Веве. Это обстоятельство заставило меня взять мѣсто на верху кареты. Мѣсто мое было такъ широко и покойно, что я нашелъ приличнымъ положить вмѣстѣ съ собою и мои ноги, за что̀, къ величайшему моему изумленію, не взяли съ меня ничего и не прибавили платы, что̀ заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Такимъ образомъ помѣстясь лежа на каретѣ, я началъ разсматривать всѣ бывшіе по сторонамъ виды. Горы чрезвычайно хороши, и почти ни одной не было такой, которая бы шла внизъ, но всѣ вверхъ. Это меня такъ изумило, что я ужь и пересталъ смотрѣть на другіе виды. Но болѣе всего поразилъ меня гороховый фракъ сидѣвшаго со мной кондуктора. Я такъ углубился въ размышленіе, отчего одна половина его была темнѣе, а другая свѣтлѣе, что и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Веве. Мнѣ такъ понравилось мое мѣсто, что я хотѣлъ еще и больше полежать на верху кареты; но кондукторъ сказалъ, что пора сойти, на что̀ я сказалъ, что я готовъ съ большимъ удовольствіемъ.

«— Такъ пожалуйте мнѣ вашу ручку! сказалъ онъ.

«— Извольте, отвѣчалъ я.

«Съ кареты сходилъ я сначала лѣвою ногою, а потомъ правою; но, къ величайшему прискорбію вашему (потому что я знаю, что вы любите подробности), не помню, на которую спицу колеса ступилъ я ногою — на третью или на четвертую. Если хорошо припомнить всѣ обстоятельства, то, кажется, на третію; но опять если разсмотрѣть съ другой стороны, то представляется, какъ будто на четвертую. Впрочемъ, я вамъ совѣтую немедленно теперь же послать за кондукторомъ: онъ, вѣрно, долженъ знать; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что если онъ выспится, то позабудетъ.

«По сошествіи съ кареты, отправился я къ набережной встрѣчать пароходъ. Это путешествіе могло бы доставить очень много пользы, особенно для молодыхъ людей, и, вѣроятно, развило бы прекрасно ихъ способности, еслибъ не было слишкомъ коротко, ибо оно продолжалось никакъ не больше одной минуты съ половиною. Изъ пассажировъ, бывшихъ на пароходѣ, не

оказалось ни одной физіономіи русской, даже такой, на которой бы выстроенъ былъ хотя нѣмецкій городъ. Выгрузились три дамы, Богъ знаетъ какого происхожденія, два кельнера и три энглиша съ такими длинными ногами, что насилу могли выйти изъ лодки. Вышедши изъ лодки, они сказали «гошъ» и пошли искать table d'hôte. Потомъ я пошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ сначала сидѣлъ на одномъ диванѣ, потомъ пересѣлъ на другой, но нашелъ, что это все равно, — что если два равные дивана, то на нихъ рѣшительно сидѣть одинаково.

«Здѣсь окончивается путешествіе. Все прочее, что ни было, все было незамѣчательно. Какъ вы хотите, но отвѣтъ вы непремѣнно должны написать мнѣ. Если вы затрудняетесь, какимъ образомъ писать, то я вамъ могу дать небольшой образецъ. Вы можете написать въ такомъ духѣ:

«Милостивый государь, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ!

«Я имѣла честь получить почтеннѣйшее письмо ваше сего октября... такого-то числа. Не могу выразить вамъ, милостивый государь, всѣхъ чувствъ, которыя волновали мою душу. Я проливала слезы въ сердечномъ умиленіи. Гдѣ обрѣли вы высокое искусство говорить такъ понятно душѣ и сердцу? Стократъ, стократъ желала бы я имѣть искусное перо, подобное вашему, чтобы быть въ возможности изливать такими же словами признательную и растроганную благодарность.»

«Потомъ вы можете написать: «Покорная къ услугамъ», или: «Готовая ко услугамъ», или что нибудь подобное, и письмо — я васъ увѣряю — будетъ хорошо. За симъ позвольте мнѣ пожелать вамъ всего, что ни есть хорошаго на свѣтѣ, и остаться наипреданнѣйшимъ и наипокорнѣйшимъ слугою.

«Н. Гоголь.

«P. S. Еще одно, не въ шутку, весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу къ моей и упросите вашу маменьку пріѣхать сегодня же или завтра въ Веве, если не состоится ваша поѣздка въ Женеву. При свиданіи съ вами, я былъ глупъ какъ швейцарскій баранъ, — совершенно позабылъ вамъ сказать о прекрасныхъ видахъ, которые нужно вамъ непремѣнно видѣть. Вы были и въ Монтре и въ Шильонѣ, но не были близко. Я вамъ совѣтую непремѣнно сѣсть въ омнибусъ, въ которомъ

очень хорошо сидѣть и который отправляется изъ вашей гостинницы въ семь часовъ утра. Вы поспѣете сюда къ завтраку, и я васъ поведу садами, лѣсами; вокругъ насъ будутъ шумѣть ручьи и водопады; съ обѣихъ сторонъ горы, и нигдѣ почти вамъ не нужно будетъ подыматься на гору. Мы будемъ итти прекраснѣйшею долиною, которая — я знаю — вамъ очень понравится. Усталости вы не будете чувствовать. Вы знаете, что меня трудно расшевелить видомъ. Нужно, чтобы онъ былъ очень хорошъ. Здѣсь пообѣдаемъ, если вамъ будетъ угодно, въ часъ; или можете отправиться къ себѣ въ Лозанну. Во всякомъ случаѣ, если вамъ не противно будетъ, я опять провожу васъ до Лозанны.»

По хронологическому порядку, за этимъ письмомъ слѣдуетъ у меня первое письмо Гоголя изъ заграницы къ П. А. Плетневу. (*) Содержаніе его представляетъ такой разительный контрастъ съ веселою болтовнею разсѣяннаго путешественника, какъ сердечные крики поэта съ его комическими картинами. Это было письмо по случаю извѣстія о смерти Пушкина. (Оно уже извѣстно читателю.) «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ *нимъ*.... Невыразимая тоска!...»

Никто бы не разсказалъ мнѣ о состояніи души поэта въ то время такъ ясно, какъ онъ самъ въ этихъ немногихъ словахъ. «Боже! — восклицаетъ онъ, какъ человѣкъ, видящій гибель своего драгоцѣннѣйшаго достоянія — нынѣшній трудъ, внушенный имъ, его созданіе.... я не въ силахъ продолжать его....» Теперь, послѣ сожженія этого труда, мы отъ всей души сочувствуемъ ужасу и горю поэта. Это была истинно трагическая минута! Да, жизнь Гоголя, при всей скудости извѣстныхъ намъ доселѣ фактовъ, представляетъ поэму полнѣе, выше и поразительнѣе «Мертвыхъ Душъ». Даже тайна, скрывающая отъ всѣхъ многіе поступки Гоголя и цѣлые годы его жизни, исполнена большей торжественности, нежели та, которая распростерлась надъ уничтоженными созданіями его генія.

Въ упомянутомъ письмѣ Гоголь жалуется, что «былъ очень боленъ», что «начинаетъ немного поправляться», и говоритъ, что теперь только «установился на мѣстѣ», а то «все шатался въ

(*) Т. е. первое изъ тѣхъ, которыя я имѣю теперь. Впослѣдствіи, вѣроятно, отъищутся и другія.

дорогѣ». Изъ этого видно, что жизнь его въ Римѣ началась около половины марта 1837 года. Нѣкоторые изъ русскихъ художниковъ, коротко знавшіе Гоголя въ этомъ городѣ, говорятъ, что онъ былъ скрытенъ и молчаливъ въ высшей степени. «Бывало — разсказываетъ г. Гаевскій (*) со словъ этихъ художниковъ — отправится съ кѣмъ нибудь бродить по сожженнымъ лучами солнца полямъ обширной римской Кампаніи, пригласитъ своего спутника сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на пожелтѣвшую отъ зноя траву, послушать пѣнія птицъ, и, просидѣвъ или пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, тѣмъ же порядкомъ отправляется домой, не говоря ни слова. По временамъ только онъ предавался порывамъ неудержимой веселости и являлся такимъ, какъ представляютъ его себѣ, судя по произведеніямъ, всѣ незнавшіе его лично. Въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ умолку, острота слѣдовала за остротою, и веселый смѣхъ его слушателей не умолкалъ ни на минуту. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ, онъ особенно любилъ историческаго живописца А. И. Иванова, которому посвятилъ одно изъ писемъ въ своей «Перепискѣ», и который до сихъ поръ еще живетъ въ Римѣ, — гравера Ѳ. И. Іордана, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ «Завѣщаніи» (стр. 14 и 15), и покойнаго скульптора Ставассера.»

Но послушаемъ, что̀ говоритъ о своей римской жизни Гоголь, въ письмѣ г. Плетневу. Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, одно весьма важное и до сихъ поръ неизвѣстное обстоятельство: именно — что въ 1837 году сдѣлано было Гоголю отъ Царскихъ щедротъ единовременное пособіе въ 5,000 рублей ассигнаціями. Поэтъ осчастливленъ былъ столь великодушнымъ вниманіемъ къ его положенію «какъ нельзя больше», и этому-то празднику его души мы обязаны слѣдующимъ письмомъ, свѣтлымъ какъ итальянское небо.

«Римъ. Ноября 2-го 1847.

«Не сердитесь на меня, виновникъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ моей жизни, что въ письмахъ моихъ нѣтъ того, о чемъ любитъ изливаться молодая душа путешественника. Теперь на первый случай знайте обо мнѣ, что я счастливъ какъ

(*) Въ «Замѣткахъ для біографіи Гоголя.»

нельзя больше; добрый Государь нашъ (храни его за это Богъ), пожаловавши мнѣ 5000 руб., далъ мнѣ средство по крайней мѣрѣ полтора года прожить безбѣдно въ Италіи.

«Что за земля Италія! Никакимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искуства, — все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что̀ бы привязывало васъ къ какому нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ небу. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя, душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи эпопеи. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ ней нѣтъ? Я читаю ее, читаю..... и до сихъ поръ не могу добраться до конца; чтеніе мое безконечно. Я не знаю, гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка, для котораго пошлыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны. Это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ — и, при всемъ томъ, въ двѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ. Хотите — рисуйте, хотите — глядите.... не хотите ни того, ни другого — воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ. Проглянетъ солнце (а оно глядитъ каждый день) — и ничего уже болѣе не хочешь; кажется, ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастію. А если случится, что нѣтъ солнца (что̀ бываетъ такъ же рѣдко, какъ въ Петербургѣ солнце), то идите по церквамъ на каждомъ шагу: и въ каждой церкви чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство изумленія. Но небо, небо!... Вообразите, когда проходятъ два-три мѣсяца и оно отъ утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какой нибудь лоскуточекъ его!

«Но я разучился совсѣмъ писать письма; одно слово толкаетъ другое, я мараю, ставлю ошибки.... но когда нибудь вы увидите записки, въ которыхъ отразились, можетъ быть, вѣрно впечатлѣнія души моей, гдѣ она вылила признательныя движенія свои, которыхъ не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ, кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности.

«Тамъ и тѣ предметы, диво природы и искусства, къ которымъ издалека мы несемся пламенной душой, въ томъ видѣ, въ какомъ она приняла ихъ.» (*)

Подъ этимъ-то вѣчно-сіяющимъ небомъ, вдали отъ удовольствій свѣта, которыя сдѣлались теперь для поэта «пошлыми», въ этомъ городѣ-деревнѣ и деревнѣ-городѣ, на просторѣ и на досугѣ, Гоголь написалъ или докончилъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», въ которой отразилось спокойствіе, лежащее надъ «вѣчнымъ городомъ», и видѣнъ широкій ходъ эпопеи, забранный поэтомъ въ душу при безконечномъ чтеніи эпопеи Рима. Въ послѣдующихъ письмахъ онъ самъ кипящею своею рѣчью разскажетъ, почему онъ представлялъ ясно Русь только среди чужого населенія и непохожихъ на нее странъ. Онъ постигнулъ и объяснилъ друзьямъ эту тайну по возвращеніи въ Россію въ 1841 году, съ готовою для печати рукописью «Мертвыхъ Душъ». Но не будемъ заглядывать впередъ и прослѣдимъ заграничную жизнь его по его письмамъ къ разнымъ особамъ. Всего сильнѣе занялъ нашего поэта «вѣчный городъ», котораго грандіозный образъ представилъ онъ въ своемъ отрывкѣ, подъ заглавіемъ «Римъ». Слѣдующее письмо его можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ этому отрывку романа, начатаго, какъ видно, на слишкомъ высокій строй и потому оставленнаго безъ продолженія. Оно тѣмъ интереснѣе, что въ немъ ужь намѣчены мысли и картины, которыя потомъ развиты и обработаны окончательно въ отрывкѣ «Римъ».

---

(*) Гоголь тщательно переписалъ это письмо для печатанія, и оно было уже подписано цензоромъ; но, по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, печатаніе его было отмѣнено авторомъ.

«Римъ, мѣсяцъ апрѣль, годъ 2588 отъ основанія города. (*)

«Я получилъ сегодня ваше милое письмо, писанное вами отъ 10 февраля по здѣшнему счету. Оно такъ искренно, такъ показалось мнѣ полно чувства и въ немъ такъ отразилась душа ваша, что я рѣшился итти сегодня же въ одну изъ церквей римскихъ — тѣхъ прекрасныхъ церквей, которыя вы знаете, гдѣ дышетъ священный сумракъ и гдѣ солнце, съ вышины овальнаго купола, какъ Святой Духъ, какъ вдохновеніе, посѣщаетъ средину ихъ, гдѣ двѣ-три молящіяся на колѣняхъ фигуры не только не отвлекаютъ, но, кажется, даютъ еще крылья молитвѣ и размышленію. Я рѣшился тамъ помолиться за васъ. Хотя вашу ясную душу слышитъ и безъ меня Богъ и хотя немного толку въ моей грѣшной молитвѣ, но все-таки я молился; я исполнилъ этимъ движеніе души моей; я просилъ, чтобъ послали вамъ высшія силы прекрасныя небеса, солнце и ту живую, юную природу, которая достойна окружать васъ. Вы похожи теперь на картину, въ которой художникъ великій употребилъ всѣ свои силы на то, чтобы создать прекрасную фигуру, которую онъ помѣстилъ на первомъ планѣ. Потомъ ему надоѣло заняться прочимъ, второй планъ онъ напачкалъ какъ ни попало; или, лучше, далъ напачкать другимъ. Оттого вышло, что позади васъ находится чухонская природа. Я слышу отсюда всѣ ваши чувства, и, зная васъ хорошо, я зналъ, что вы должны быть полны Римомъ, что онъ живетъ еще свѣтлѣе въ вашихъ мысляхъ теперь, чѣмъ прежде.

«Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то удивительное въ немъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, гдѣ, по причинѣ холеры, я остался гораздо долѣе, нежели сколько думалъ, я не могъ дождаться часа, минуты ѣхать въ Римъ; и когда я получилъ въ Женевѣ вексель, который доставилъ мнѣ возможность ѣхать туда, я такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что еслибъ въ это время нашелся свидѣтель моей радости, то онъ бы принялъ меня за ужаснаго скрягу и сребролюбца. И когда я увидѣлъ наконецъ во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но

(*) Обыкновенно полагаютъ, что Римъ основанъ за 753 года до Р. Х. Если вычесть это число изъ 2588, то выйдетъ, что письмо было писано въ 1835 году, когда Гоголь находился еще въ Россіи; а между тѣмъ оно очевидно относится къ 1837 или къ 1838 году. *Н. М.*

нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде, чѣмъ я родился на свѣтъ. Опять то же небо, то все серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то синее, какъ любитъ оно показываться сквозь арки Колизея. Опять тѣ же кипарисы, эти зеленые обелиски, верхушки куполовидныхъ сосенъ, которыя кажутся иногда плавающими въ воздухѣ; тотъ же чистый воздухъ; та же ясная даль; тотъ же вѣчный куполъ, такъ величественно круглящійся въ воздухѣ. Нужно вамъ знать, что я пріѣхалъ совершенно одинъ, что въ Римѣ я не нашелъ никого изъ моихъ знакомыхъ. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренціи. Но я былъ такъ полонъ въ это время, и мнѣ казалось, что я въ такомъ многолюдномъ обществѣ, что я припоминалъ только, чего бы не забыть, и тотъ же часъ отправился дѣлать визиты всѣмъ своимъ друзьямъ. Былъ у Колизея, и мнѣ казалось, что онъ меня узналъ, потому что онъ, по своему обыкновенію, былъ величественно милъ и на этотъ разъ особенно разговорчивъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ рождались такія прекрасныя чувства: стало быть, онъ со мною говорилъ. Потомъ я отправился къ Петру и ко всѣмъ другимъ, и мнѣ казалось, они всѣ сдѣлались на этотъ разъ гораздо болѣе со мною разговорчивы. Въ первый разъ нашего знакомства они, казалось, были болѣе молчаливы, дичились и считали меня за форестьера.

«Кстати о форестьерахъ. Всю зиму, прекрасную, удивительную зиму, лучше во сто разъ петербургскаго лѣта — всю эту зиму я къ величайшему счастію не видалъ форестьеровъ; но теперь ихъ наѣхала вдругъ куча къ Пасхѣ. Что за несносный народъ! пріѣхалъ и сердится, что въ Римѣ нечистыя улицы, нѣтъ никакихъ совершенно развлеченій, много монаховъ, и повторяетъ вытверженныя еще въ прошломъ столѣтіи изъ календарей и старыхъ альманаховъ фразы, что итальянцы подлецы, обманщики и проч. и проч. Впрочемъ, они наказаны за глупость своей души уже тѣмъ, что не въ силахъ наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслію въ прекрасное и высокое, — не въ силахъ узнать Италію. Есть еще классъ людей, которые за фразами не лѣзутъ въ карманъ и говорятъ: «Какъ это величаво! какъ хорошо!» словомъ, превращаются очень легко въ восклицательный знакъ и выдаютъ себя за людей съ душою. Ихъ не терпитъ тоже моя душа, и я скорѣе готовъ простить, кто надѣваетъ на

себя маску набожности, лицемѣрія, услужливости для достиженія какой нибудь своей цѣли, нежели кто надѣваетъ на себя маску вдохновенія и поддѣльныхъ поэтическихъ чувствъ.

«Знаете, что̀ я вамъ скажу теперь о римскомъ народѣ? Я теперь занятъ желаніемъ узнать во глубинѣ весь его характеръ, слѣжу его во всемъ, читаю всѣ народныя произведенія, гдѣ только онъ отразился, и скажу, что, можетъ быть, это первый народъ въ мірѣ, который одаренъ до такой степени эстетическимъ чувствомъ, невольнымъ чувствомъ понимать то, что̀ понимается только пылкою природою, на которую холодный, разсчетливый, меркантильный европейскій умъ не набросилъ своей узды. Какъ показались мнѣ гадки нѣмцы послѣ итальянцевъ — нѣмцы со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ! Но объ этомъ я вамъ, кажется, уже писалъ. Я думаю, уже вы сами слышали очень многія черты остроумія римскаго народа — того остроумія, которымъ иногда славились древніе римляне, а еще болѣе — аттическій вкусъ грековъ. Ни одного происшествія здѣсь не случится безъ того, чтобъ не вышла какая нибудь острота и эпиграмма въ народѣ. Во время торжества и праздника по случаю избранія кардиналовъ, когда городъ былъ иллюминованъ три дня (да, кстати здѣсь сказать, что нашъ пріятель Мецофанти сдѣланъ тоже кардиналомъ и ходитъ въ красныхъ чулочкахъ), во время этого праздника было почти все дурное время; въ первые же дни карнавала дни были совершенно итальянскіе, — тѣ свѣтлые, безъ малѣйшаго облачка дни, которые вамъ такъ знакомы, когда на голубомъ полѣ неба сверкаютъ стѣны домовъ, всѣ въ солнцѣ, и такимъ блескомъ, какого не вынесетъ сѣверный глазъ; въ народѣ вышелъ вдругъ экспромтъ: I Dio vuol carnavale e non vuol cardinale.

«Знакомы ли были вы съ транстеверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые такъ горды своимъ чистымъ происхожденіемъ? Они одни себя считаютъ настоящими римлянами. Никогда еще транстеверянинъ не женился на иностранкѣ (а иностранкой называется всякая, кто только не въ городѣ ихъ), и никогда транстеверянка не выходила замужъ за иностранца. Случалось ли вамъ слышать языкъ ихъ, и читали ли вы знаменитую ихъ поэму: il Meo Pataeca, для которой рисунки дѣлалъ Пинелли? Но вамъ, вѣрно, не случалось читать сонетовъ нынѣшняго римскаго поэта Белли, которые, впрочемъ, нужно слы-

шать, когда онъ самъ читаетъ. Въ нихъ, въ этихъ сонетахъ, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и такъ вѣрно отражается въ нихъ жизнь нынѣшнихъ транстеверянъ, что вы будете смѣяться, и это тяжелое облако, которое налегаетъ часто на вашу голову, слетитъ прочь вмѣстѣ съ докучливой и несносной вашей головною болью. Они писаны in lingua romanescha; они не напечатаны, но я вамъ ихъ послѣ пришлю.

«Кстати мы начали говорить о литературѣ. Намъ извѣстна только одна эпическая литература итальянцевъ, то есть литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII вѣка у итальянцевъ обнаружилась сильная наклонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то нужно его изучать въ ихъ поэмахъ герои-комическихъ. Вообразите, что собраніе autori burleschi italiani состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что однѣ итальянскія типографіи могутъ печатать ихъ: во многихъ изъ нихъ есть нѣсколько нескромныхъ выраженій, которыхъ не всякому можно позволить читать. Я вамъ разскажу теперь объ одномъ праздникѣ, который не знаю, знаете ли вы, или нѣтъ. Это — торжество по случаю построенія Рима, юбилей рожденія, или именины этого чуднаго старца, видѣвшаго въ стогнахъ своихъ Ромула. Этотъ праздникъ, или, лучше сказать, собраніе академическое, былъ очень простъ; въ немъ не было ничего особеннаго. Но самый предметъ былъ такъ великъ, и душа такъ была настроена къ могучимъ впечатлѣніямъ, что все казалось въ немъ священнымъ; и стихи, которые читались на немъ небольшимъ числомъ римскихъ писателей, больше вашими друзьями аббатами, всѣ безъ изъятія казались прекрасными и величественными, какъ будто по звуку трубы воздвигали въ памяти моей древнія стѣны, храмы, колонны, и возносили все это подъ самую вершину небесъ. Прекрасно, прекрасно все, что было; но такъ ли оно прекрасно, какъ теперь? Мнѣ кажется, теперь... но по крайней мѣрѣ если бы мнѣ предложили, что бы я предпочелъ видѣть предъ собою — древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величіи, или Римъ нынѣшній въ его теперешнихъ разва-

линахъ, — я предпочелъ бы Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекрасенъ. Онъ прекрасенъ уже тѣмъ, что ему 2588-й годъ, что на одной половинѣ его дышетъ вѣкъ языческій, на другой — христіанскій, и тотъ и другой — огромнѣйшія двѣ мысли въ мірѣ.

«Но вы знаете, почему онъ прекрасенъ. Гдѣ вы встрѣтите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющемъ и дикими цвѣтами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежь деревъ, едва покрывшихся свѣжей, почти жолтой зеленью, и даже темные какъ воронье крыло кипарисы, и еще далѣе голубые, матовые какъ бирюза горы Фраскати и Албанскія и Тиволи. Что за воздухъ! Удивительная весна! Гляжу—не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Римъ; но обонянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имя я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться въ одинъ носъ, чтобы не было ничего больше — ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кромѣ одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно побольше благовонія и весны.

«Но я чуть было не позабылъ, что пора уже мнѣ отвѣчать на сдѣланные вами вопросы и порученія. Первый — поклониться первому аббату, котораго я встрѣчу на улицѣ — я исполнилъ, и вообразите, какая исторія! Вамъ нужно ее разсказать. Выхожу я изъ дому (Strada felice, № 126), иду я дорогою къ Monte pincio и у церкви Trinita готовъ спуститься лѣстницею внизъ; внизу — подымается на лѣстницу аббатъ. Я, припомнивъ ваше порученіе, снялъ шляпу и сдѣлалъ ему очень вѣжливый поклонъ. Аббатъ, какъ казалось, былъ тронутъ моею вѣжливостью и поклонился еще вѣжливѣе. Его черты мнѣ показались пріятными и исполненными чего-то благороднаго, такъ что я невольно остановился и посмотрѣлъ на него. Смотрю — аббатъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ меня очень учтиво, не имѣетъ ли онъ чести меня знать, и что онъ имѣетъ несчастную память позабывать. Тутъ я не утерпѣлъ, чтобъ не засмѣяться, и разсказалъ ему, что одна особа, проведшая лучшіе дни своей жизни въ Римѣ, такъ привержена къ нему въ мысляхъ, что просила меня

поклониться всему тому, что более всего говоритъ о Римѣ, и между прочимъ первому аббату, который мнѣ попадется, не разбирая, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы только былъ въ чулочкахъ, очень хорошо натянутыхъ на ноги, и что я радъ, что этотъ поклонъ достался ему. Мы оба посмѣялись и сказали въ въ одно время, что наше знакомство началось такъ странно, что стóитъ его продолжать. Я спросилъ его имя, и — вообразите — онъ поэтъ, пишетъ очень недурные стихи, и мы теперь съ нимъ очень подружились. Итакъ, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за это пріятное знакомство.

«Съ аббатомъ Lanci я не имѣлъ чести видѣться, а то бы, вѣрно, и ему отдалъ поклонъ.

«На вопросъ вашъ: «Здорова ли мейерова блуза пыльнаго цвѣта?» имѣю честь отвѣтствовать, что здорова. Я ее еще недавно видѣлъ вечеромъ на своемъ господинѣ, а господинъ былъ верхомъ на лошади, и такимъ образомъ пронеслись всѣ трое вихремъ по Monte pincio.

«Соломенная шляпа тоже, вѣроятно, здорова. На вопросъ же вашъ: «Боготворитъ ли онъ статуи»? имѣю честь доносить, что онъ, какъ кажется, предпочитаетъ имъ живыя творенія, — по крайней мѣрѣ онъ побольше попадается съ дамами въ шляпкахъ и лентахъ, нежели съ статуями, у которыхъ нѣтъ ни шляпокъ, ни лентъ, а одна запыленная драпировка, накинутая какъ ни попало. Впрочемъ, Мейеръ теперь въ модѣ, и княжна В*** Н***, которая подтрунивала надъ нимъ первая, говоритъ теперь, что Мейеръ совершенно не тотъ, какъ узнать его покороче, что въ немъ хорошаго очень много.

«Кустодъ Колизея тоже здоровъ, и англичанъ цѣлыми вязанками тащитъ на лѣстницу Колизея. Каждую ночь почти иллюминація.

«О свинкахъ вамъ ничего не могу сказать, потому что до сихъ поръ еще не видалъ ни одной. Кажется, всѣ римскія деревни рѣшились просвѣтить ихъ и отправили страшныя толпы. Народъ очень умный, но лежатъ совершенно безъ всякаго дѣла, и сомнѣваюсь, чтобы они могли что нибудь разсказать, прійдя домой, о римскихъ памятникахъ, а тѣмъ болѣе о живописи.

«Вы спрашиваете еще, правда ли, что К*** ѣдетъ въ Петербургъ. Это очень можетъ случиться, и нѣтъ ничего удивительнѣе, страннѣе, если бы онъ остался въ Италіи. Для этого нужно

имѣть душу художника. К*** можетъ нарисовать хорошо портретъ К***, но до художника ему далеко, какъ до небесной звѣзды.

«У англійскихъ скульпторовъ побываю непремѣнно, и очень вамъ благодаренъ за это порученіе: безъ васъ бы мнѣ не пришло въ голову.

«Трагедію Николини: «Антоніо Фоскарини», купилъ и завтра принимаюсь читать.

«Чтò касается до Madamigella Conti, о которой вы интересуетесь, то она теперь не ходитъ въ церковь Петра, ибо Madama Conti, узнавъ, что она много глядитъ на форестьеровъ, схватила ее въ охабку и увезла въ деревню Сабины, въ 18 или около миляхъ отъ Рима.

«Вотъ вамъ и все. Кажется, ничего не пропустилъ. Жаль мнѣ, и я золъ до нельзя на головную боль, которая продолжаетъ васъ мучить. Нѣтъ, вамъ нужно подальше изъ Петербурга. Здѣсь климатъ живетъ заоднó съ этой болѣзнью. Пишите ко мнѣ обо всемъ, чтó у васъ ни есть на душѣ и мысляхъ. Помните, что я вашъ старый другъ, и что я молюсь за васъ здѣсь, гдѣ молитва на своемъ мѣстѣ, то есть въ храмѣ. Будьте здоровы. О здоровьѣ только вашемъ молюсь я; что же до души вашей и сердца, я не молюсь о нихъ: я знаю, что они не перемѣнятся и останутся вѣчно такими же прекрасными.

«Очень жалѣю, что я не получилъ вашихъ писемъ, писанныхъ вами въ Веве. Получили ли вы два письма мои: одно къ вашей маменькѣ, другое къ вамъ, которое я писалъ черезъ К***? Кланяйтесь всѣмъ.»

Это письмо писано было къ той же особѣ, чтó и приведенное выше, изъ Веве, отъ 12 октября. Я имѣю шесть писемъ Гоголя къ ней, и всѣ они дышатъ особенною весеннею теплотою поэтической души его. Справедливо замѣтилъ г. С. А—въ въ своей статьѣ: «Нѣсколько словъ о Біографіи Гоголя (*), что Гоголь «съ разными людьми казался разнымъ человѣкомъ», и что «онъ соприкасался съ ними тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди». Въ перепискѣ съ своей ученицей онъ подбираетъ только самыя тонкія и чувствительныя струны своей души и съигрывается съ нею въ удивитель-

(*) «Московскія Вѣдомости» 1853 года, № 36.

ный ладъ. Не зная, кто была его корреспондентка, каждый составитъ себѣ ясное понятіе о высокихъ свойствахъ души ея. Гоголю нужны были искреннія бесѣды съ такими свѣжими натурами. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ ихъ внутренней и внѣшней жизни, и домогался отъ нихъ полной откровенности. Бесѣды съ ними давали живительную пищу его сердцу и открывали его уму новый міръ, замкнутый для его наблюдательности въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Вотъ почему онъ тратилъ столько времени на длинныя письма къ нимъ, въ которыхъ старался и смѣшить, и тронуть ихъ, и вознести ихъ мысли къ возвышенному и прекрасному. Въ то же время онъ увлекался понятнымъ каждому чувствомъ, которое я назову молодостью сердца, и которое заставляетъ насъ симпатизировать движеніямъ каждой прекрасной и юной души, прислушиваться къ ея трепету и впивать въ себя ея благоуханіе. Чувство это долговѣчнѣе всѣхъ въ нашемъ сердцѣ; но ни въ комъ оно не сохраняется въ такой свѣжести до конца жизни, какъ въ истинныхъ поэтахъ, такъ что поэзія и сердечная молодость могутъ взаимно быть признаками одна другой въ каждой высокой личности, и одна безъ другой никогда не существуютъ. Отсюда можно вывести объясненіе, почему Гоголь, въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, когда, говоря словами упомянутаго выше автора, «его христіанство становилось все чище и строже, высокое значеніе цѣли писателя яснѣе и судъ надъ собою суровѣе», — почему Гоголь не измѣнился нисколько въ своихъ отношеніяхъ къ нѣсколькимъ избраннымъ своего сердца и жаждалъ ихъ бесѣды и откровенности такъ же сильно, какъ и

«Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ.»

Симпатія къ тому, что̀ молодо, что̀ свѣжо, что̀ не тронуто нравственною порчею и обѣщаетъ въ будущемъ роскошные цвѣты и плоды, сохранилась въ немъ до конца жизни. Въ то время, когда многіе привыкли называть его молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ, онъ былъ любимъ въ нѣсколькихъ дѣтскихъ кружкахъ, онъ владѣлъ искреннею привязанностью другого рода дѣтей, простосердечныхъ поселянъ, у себя на родинѣ, и пользовался самою нѣжною дружбою нѣсколькихъ весьма достойныхъ матерей семействъ и христіански-образованныхъ дѣвицъ. Даже на смертномъ одрѣ своемъ, когда весь міръ сдѣлался для него

«закрытъ и нѣмъ», когда онъ видѣлъ въ своемъ воображеніи только Бога и передъ нимъ свою душу, — даже и тогда представленіе святости дѣтства, этого дивнаго возраста, передъ которымъ открыто такое обширное поприще *возможности* совершенства, не оставило ума его, и онъ написалъ дрожащею рукою на лоскуткѣ бумаги:

«Аще не будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное.»

Но зачѣмъ вспоминать о смерти, раскрывая передъ читателемъ самую цвѣтущую пору жизни поэта? Забудемъ на время, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, и дадимъ его слову увлечь наше воображеніе въ его Италію и въ его звучащій гармоніею внутренній міръ. Въ слѣдующихъ двухъ письмахъ изъ Рима онъ явится живой передъ нами, съ своей мечтательностью, съ своей обычной легкой грустью, этимъ волшебнымъ покровомъ, возвышающимъ для насъ прелесть ума его, и съ своей вѣчной улыбкой, бросающей мягкій отсвѣтъ на самыя суровыя его истины, явится фантастическимъ и благоговѣйнымъ, сует-нымъ и торжественнымъ, кроткимъ въ душѣ и безпощаднымъ въ своей насмѣшкѣ.

«Римъ, 7 ноября 1838.

«Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною очень исправно чрезъ Mr Паве. Я вамъ за него очень много благодаренъ. Вы мнѣ живо напоминаете все — и вашъ Петербургъ и мой Римъ, то есть мои первыя впечатлѣнія и ваши первыя впечатлѣнія. Помните, во время первыхъ дней нашихъ въ Римѣ, когда съ Нибіемъ въ рукахъ, и проч. и проч... То время уже далеко, уже другія впечатлѣнія объемлютъ мою душу, уже весьма часто прохожу я мимо тѣхъ памятниковъ и сѣдыхъ, дряхлыхъ чудесъ, передъ которыми зѣвалъ по нѣскольку безмолвныхъ часовъ. Уже не съ готовымъ удивленіемъ новичка и чужестранца ищу ихъ.... Но до сихъ поръ какъ прекрасное сновидѣніе посѣщаетъ меня иногда воспоминаніе обо всемъ этомъ, и я тогда жажду повторить этотъ сонъ: спѣшу увидѣть вновь, что̀ видѣлъ прежде, и на минуту становлюсь опять новичкомъ. Опять мои чувства живы. Вы разбудили ихъ вашимъ письмомъ, вы ихъ пріятно разбудили. Я люблю очень читать ваши письма. Хотя въ нихъ падежи бываютъ большіе либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и

иногда такъ выражена счастливо, что я завидую вамъ. Уже два мѣста, два цѣлыхъ періода я укралъ изъ нихъ, — какіе именно, я вамъ не скажу, потому что намѣренъ совершенно завладѣть ими.... Потому еще я люблю ваши письма, что въ нихъ мало того, что̀ бываетъ обыкновенно въ петербургскихъ письмахъ.

«Но обратимся къ первому пункту вашего письма. Вы мнѣ показались теперь очень привязанными къ Германіи. Конечно, не спорю, иногда находятъ минуты, когда хотѣлось бы изъ среды табачнаго дыма и нѣмецкой кухни улетѣть на луну, сидя на фантастическомъ плащѣ нѣмецкаго студента, какъ кажется, выразились вы. Но я сомнѣваюсь, та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я, по крайней мѣрѣ, въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приблизимся къ ней близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ, какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякіе знаютъ дорогу. Вы, кажется, теперь стараетесь отъискивать эту дорогу. Ахъ, Марья Петровна, что̀ это вы дѣлаете? Я не узнаю васъ. Не вы ли еще такъ недавно преслѣдовали все то, что̀ иногда неугомонно бродитъ въ нашемъ воображеніи и увлекаетъ его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать — и доказать формально, на бумагѣ, ясно — что первое занятіе человѣка на землѣ есть свинки? (*) Или эти свинки не такъ толсты, огромны и жирны въ Петербургѣ, какъ вы думали? Но, мнѣ кажется, этихъ животныхъ въ Петербургѣ (увы!) достаточно. Тамъ же есть и чухонцы, которые особенно славятся смотрѣніемъ за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и вѣрная истина. Трудно, трудно удержать средину, трудно

(*) Намекъ на матеріальную жизнь, которой лучшими представителями Гоголь почиталъ животныхъ, названныхъ въ этомъ письмѣ. Во время прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками среди античныхъ улицъ, говорящихъ о высокихъ идеалахъ искусства, и смѣяться надъ попираніемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ, мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему. *Н. М.*

изгнать воображеніе и любимую прекрасную мечту, когда они существуютъ въ головѣ нашей, — трудно вдругъ и совершенно обратиться къ настоящей прозѣ; но труднѣе всего согласить эти два разнородные предмета вмѣстѣ — жить вдругъ и въ томъ и въ другомъ мірѣ. Знаете ли? сказать ли вамъ откровенно? я вашъ старый другъ, я объ васъ забочусь; мысли мои поминутно ворочаются около васъ; вы мнѣ дороги по всему; наша дружба очень, очень древняя. Мнѣ стало очень грустно, когда я читалъ письмо ваше. Я мыслилъ: будетъ ли счастлива моя пріятельница Марья Петровна? И когда я представилъ себѣ этотъ холодный, прозаическій, мелкій чувствами и характерами міръ, который окружаетъ Марью Петровну, — облако сомнѣнія отуманило мнѣ очи. Клянусь, мнѣ было грустно; но я вспомнилъ, что у Марьи Петровны есть черты римскаго характера, есть что-то твердое и сильное, есть какая-то воля и рѣшительность на великія вещи, и во мнѣ вдругъ поселилась увѣренность насчетъ васъ; я сталъ покойнѣе. Я радъ очень, что Петербургъ для васъ становится сносенъ; по крайней мѣрѣ вы находите теперь развлеченія, которыя васъ занимаютъ. Ваше описаніе желѣзной дороги и поѣздки по ней очень живо; стало быть вамъ очень весело, стало быть вы были довольны, и, признаюсь, сказать вамъ нужно втайнѣ и по секрету, я крѣпко завидовалъ вамъ. Все-таки сердце у меня русское. Хотя при видѣ, то есть при мысли о Петербургѣ, морозъ проходитъ по моей кожѣ и кожа моя проникается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою, но хотѣлось бы мнѣ сильно прокатиться по желѣзной дорогѣ и услышать это смѣшеніе словъ и рѣчей нашего вавилонскаго народонаселенія въ вагонахъ. Здѣсь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь бы, можетъ быть, я бы разсердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россію, къ которой гнѣвное расположеніе мое начинаетъ уже ослабѣвать, а безъ гнѣва — вы знаете — немного можно сказать: только разсердившись говорится правда. Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что̀ обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что̀ мнѣ говорили, было не то, что̀ обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ, натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что̀ во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нуж-

но; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ. Но въ сторону все прочее; поговоримъ о нашемъ любезномъ Римѣ. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о немъ до сихъ поръ. Вы читаете теперь исторію Мишле; это страшный вздоръ; это совершенно то, чтó у насъ Полевой. Но, къ счастью, вы не читали Полевого. Мишле какъ попугай повторяетъ Нибура; обокралъ оттуда и оттуда, у того и другого, умничаетъ не кстати, разсуждаетъ Богъ знаетъ какъ, и модный педантъ, какъ всѣ французы. Вы спрашиваете насчетъ новооткрытыхъ мозаикъ въ катакомбахъ, чудесныхъ, какъ говорятъ газеты; однакожъ, вовсе нѣтъ. Отъискали мозаикъ и очень много, но всѣ очень повреждены; даже не знаютъ до сихъ поръ, къ какому времени отнести. Антикваріи раздѣлились на двѣ партіи: одни относятъ къ временамъ христіанства, другіе — къ язычеству. Но найдена у Porta maggiore гробница булочника, которую (какъ объявляетъ самъ булочникъ въ надписи, имъ же сдѣланной) онъ воздвигъ себѣ и своей женѣ. Монументъ очень великъ (булочникъ былъ очень тщеславенъ). На немъ барельефъ; на барельефѣ изображено печеніе хлѣба, гдѣ супруга его мѣситъ тѣсто. Прошлый годъ.... но, можетъ быть, вы слышали объ этомъ?... нашелъ одинъ спекуляторъ, который взялся рыть, съ тѣмъ, чтобы найденными вещами дѣлиться пополамъ съ правительствомъ, а остальныя ему продавать. Онъ вырылъ нѣсколько гробницъ, множество золотыхъ и бронзовыхъ вещей; въ числѣ ихъ статуи четыре, скульптуры перваго и лучшаго вкуса. Они раздѣлились. Нашедшій взялъ на свою долю мало, но самыхъ отличныхъ. Правительство взяло много, но достоинствомъ хуже. Остальныя правительство оцѣнило и готовилось заплатить 5000 скуди; но когда пришло дѣло до платежа, сколько ни рылось оно по своимъ старымъ карманамъ, ничего не могло найти, кромѣ нѣсколькихъ медзопаоловъ, говорятъ, очень истертыхъ, и нашедшій продалъ почти все въ Англію, а лучшую изъ статуй купилъ король баварскій за нѣсколько сотъ тысячь и перевезъ въ Мюнхенъ.

«Но довольно о старинѣ. Въ Римѣ завелось очень много новостей. Здѣсь происходятъ совершенные романы, и совершенно во вкусѣ среднихъ вѣковъ Италіи. Первый романъ... но героини его вамъ извѣстны. Это ваши пріятельницы, дѣвицы Конти, которыя, какъ вамъ извѣстно, очень плотны и толсты, и потому не любятъ ходить alla moda, и которыя всегда жаловались на

самовластіе своей матушки, не пускавшей ихъ всякій день въ церковь Св. Петра, когда очень много форестьеровъ. Эти дѣвицы Конти влюбились страшнымъ образомъ въ двухъ жандармовъ; но такъ какъ, по причинѣ того же самаго самовластнаго правленія своей матушки, онѣ не могли видѣть часто своихъ любовниковъ, то (средство, какъ вы увидите, очень оригинальное) онѣ рѣшились задавать матушкѣ каждый день въ извѣстное время добрый пріемъ опіума и въ продолженіе того времени, какъ матушка спала, впускали къ себѣ своихъ жандармовъ. Одинъ разъ, когда матушка еще не успѣла совершенно вздремнуть, одна изъ этихъ героинь — которая именно, не помню — сгарая нетерпѣніемъ видѣть своего жандарма, полѣзла къ ней подъ подушку доставать ключи. Мать проснулась и съ этихъ поръ усилила присмотръ, а дочки рѣшились усилить пріемъ опіума. Старуха никакъ не могла понять, отчего у ней кружится голова. Пріемы опіума, видно, были довольно велики. Она уже давно подозрѣвала, что дочери что-то съ ней дѣлаютъ, и рѣшилась одинъ разъ прикинуться спящею. Дочери вели преспокойно въ своей комнатѣ бесѣду съ своими любовниками, какъ вдругъ стучатъ въ дверь, и голосъ матери приказываетъ имъ отворить. Дочери спрятали ихъ какъ могли; но, по разстроенному и испуганному ихъ виду, мать догадалась, что въ комнатѣ что нибудь есть, начала искать, искать, и вытащила изъ шкафа обоихъ жандармовъ. Выгнавъ жандармовъ, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убѣжали въ монастырь. Оттуда онѣ написали письмо къ одному монсиньору, ихъ опекуну, жалуясь на деспотизмъ своей матери и требуя, чтобъ ихъ выдали замужъ за жандармовъ. Монсиньоръ изъявилъ свое разрѣшеніе, и теперь обѣ Конти — супруги, — живутъ и питаются рѣшительно одною любовью, потому что у жандармовъ нѣтъ ни копейки, а мать съ своей стороны не хочетъ дать ни меццобайока.

«Другой романъ. Одинъ изъ фамиліи Доріевъ влюбился до безумія въ одну дѣвушку сироту, хорошей, впрочемъ, фамиліи, а главное — прекрасную собою. Все дѣло было между ними улажено, и черезъ недѣлю свадьба, какъ вдругъ Дорія получаетъ извѣстія, заставляющія его ѣхать въ Геную. Онъ проситъ свою невѣсту переѣхать на время въ монастырь, потому что онъ не желалъ бы ее видѣть до тѣхъ поръ въ свѣтѣ. Уѣзжаетъ въ Геную, — оттуда пишетъ письмо довольно страстное; жалуется на

обстоятельства, которыя заставляютъ его пробыть немного долѣе; описываетъ ей великолѣпіе своего генуэзскаго дворца и пріуготовленія, которыя онъ дѣлаетъ къ принятію ея. Изъ Генуи Дорія поѣхалъ въ Парижъ и оттуда написалъ письмо, менѣе страстное, а наконецъ увѣдомилъ ее, что свадьба не можетъ между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этотъ союзъ. Бѣдная невѣста не сказала ни слова на это, никакихъ укоризнъ, но черезъ пять дней умерла. Тѣло ея было выставлено въ одной изъ римскихъ церквей. Она и мертвая была прекрасна.

«Третій романъ тоже съ Доріемъ, другимъ. Но не хочу болѣе сплетничать. Вы знаете о немъ, безъ сомнѣнія, изъ газетъ, потому что онъ былъ публикованъ. Въ Римѣ шумно, болѣе, нежели сколько бы желалось. Форестьеровъ гибель. Русскихъ, энглишей, французовъ — хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Римъ мнѣ кажется теперь похожимъ на домъ, въ которомъ мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и въ который теперь пріѣзжаемъ, и находимъ, что домъ проданъ; изъ оконъ выглядываютъ какія-то глупыя лица хозяевъ.... словомъ, грустно. Пишите ко мнѣ, не забывайте вашего обѣщанія. Пишите ко мнѣ не тогда, когда вамъ будетъ весело, но тогда, когда вамъ сдѣлается скучно, или, лучше, когда душа ваша пожелаетъ съ кѣмъ нибудь раздѣлиться, когда вы почувствуете потребность передать именно кому нибудь мысли. Будь онѣ самыя сокровенныя, пишите ихъ смѣло: я ихъ сохраню, какъ секретъ. Еще одна просьба къ вамъ, и я васъ прошу, чтобы вы попросили отъ меня вашу маменьку: будьте такъ добры, навѣстите когда нибудь моихъ сестеръ въ Патріотическомъ Институтѣ. Вы этимъ сдѣлаете имъ большое благодѣяніе. Можетъ быть, онѣ украдутъ что нибудь изъ вашихъ прекрасныхъ качествъ; а то можетъ доставить имъ много радости въ жизни. Мнѣ часто становится грустно при мысли, что у нихъ никого нѣтъ изъ родныхъ близко. Если жь вамъ не будетъ времени и вы будете заняты, то отправьте имъ это письмо, которое я при семъ прилагаю.»

Май 30. 1839. Римъ.

«Я получилъ ваше письмо и, распечатавъ, долго не вѣрилъ, ваше ли это письмо, вы ли пишете ко мнѣ. Какъ вы перемѣни-

лись! Уже годъ, какъ я не получалъ отъ васъ писемъ, и вы въ этотъ одинъ годъ такъ выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрѣлость и быстрый ходъ! Даже почеркъ письма вашего измѣнился; даже русскій языкъ и падежи васъ слушаются. Я вижу теперь, это справедливо, что дѣвушка на 18-мъ году въ одинъ годъ проходитъ тотъ курсъ, который нашему брату едва дается въ нѣсколько лѣтъ. Вы писали ваше письмо, какъ сами говорите, подъ вліяніемъ записокъ Александрова, или Дуровой, которыя вы въ то время читали. Ваши сужденія объ этой книгѣ оригинальны и вмѣстѣ тонки и вѣрны. Ваши мысли тѣ же, какія я зналъ въ васъ и встрѣчалъ прежде. То же въ нихъ своеобразное выраженіе вашего характера, и я бы угадалъ ихъ, зная хорошо васъ, еще прежде, чѣмъ вы бы ихъ сказали. Но онѣ получили здѣсь такую зрѣлую оболочку, такую точность, такъ выразились ясно, отчетливо, что я вижу: это и вы и не вы вмѣстѣ. Если бы ваше письмо пришло нѣсколькими мѣсяцами раньше, я бы съ готовностію и живою, многорѣчивою охотою пустился бы соглашаться съ вами и поперечить вамъ, и судить, и спорить обо всѣхъ тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы пишете; но чувствую, что теперь буду и тупъ, и вялъ, и глупъ. Мысли не лѣзутъ вовсе изъ моей головы; другія, совершенно непризванныя, являются на мѣсто призываемыхъ. Увы! я пишу къ вамъ тоже подъ вліяніемъ книги, которую теперь читаю, но другой и какъ противоположной вашей! Печальны и грустно-краснорѣчивы ея страницы. Я провожу теперь безсонныя ночи у одра больного, умирающаго моего друга Іосифа Віельгорскаго. Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали, можетъ быть, даже видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его сильнаго, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ характера, ни необыкновеннаго, основательнаго ума его. И все это — добыча неумолимой смерти. И не спасутъ его ни молодыя лѣта, ни права на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрасную и полезную. Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновеніе развеселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ. Итакъ, не вините меня, если я глупъ и не умѣю къ вамъ написать письмо такъ же умно, какъ вы написали ко мнѣ. Бѣдный мой Іосифъ одинъ единственно прекрасный и возвышенно

благородный изъ вашихъ петербургскихъ молодыхъ людей, и тотъ.... Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошаго на землѣ! Едва только оно успѣетъ показаться — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что прекрасное, тотчасъ же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы. «Оно на краткій мигъ», шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ. «Оно дается для того, чтобы крушилась по немъ душа.» Кстати о прекрасномъ. Когда я думалъ объ васъ (я объ васъ часто думалъ и особенно о вашей будущей судьбѣ), я думалъ, кому-то вы достанетесь. Постигнетъ ли *онъ* васъ и доставитъ ли вамъ счастіе, котораго вы такъ достойны. Я перебиралъ всѣхъ молодыхъ людей нашихъ петербургскихъ. Тотъ просто глупъ; другой поймалъ какъ-то несчастную крупицу ума, и зато уже хочетъ выказать ее всему свѣту, и выказать за цѣлый мѣшокъ ума; тотъ ни глупъ, ни уменъ, но бездушенъ, какъ и самъ Петербургъ. Одинъ былъ человѣкъ, на которомъ я остановилъ взглядъ, и этотъ человѣкъ готовится не существовать болѣе въ мірѣ.

«Вы извините, что я пустился быть вашей свахой, что называется иначе: кума. Мое мысленное сватовство, какъ вы видите, неудачно.... Я вамъ все говорю; я не хитрю съ вами, не таю отъ васъ моихъ мыслей. Дѣлайте и вы такъ со мною. Зачѣмъ вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ здоровьѣ, о его подробномъ то есть состояніи? я бы вамъ далъ совѣтъ очень не хуже докторскаго. Знайте же: ваша болѣзнь излечима совершенно, и со мною согласны всѣ тѣ, которымъ я давалъ идею о вашей болѣзни. Вы должны лечиться холодною водою въ Грефенбергѣ. Слышали ли вы о чудесахъ, производимыхъ тамъ медикомъ, воспитаннымъ одною натурою, безъ помощи медицинскихъ академій и проч. и проч.? Я одинъ изъ числа самыхъ невѣрующихъ, какъ вы сами знаете, и всегда сомнительно качалъ головою, когда слышалъ, какъ вы внимали вздорамъ Фишера или глотали ваши гомеопатическіе порошки и аллопатическія гадости въ видѣ микстуръ. Но, клянусь, я самъ своими глазами видѣлъ такія чудеса. Нѣтъ, я умоляю вашу маменьку всѣми силами небесными испытать это средство. Холодной водой лечатъ всѣ болѣзни, кромѣ грудныхъ, но болѣе всего лечатъ болѣзни вашего рода. ——— Если ваша болѣзнь даже просто

только головной ревматизмъ, то ревматизмы цѣлятся удивительно. Словомъ, послушайте слова истины и поѣзжайте.

«Кстати о здоровьѣ и болѣзняхъ, если о нихъ уже мы заговорили. Говорятъ, для больного нѣтъ бóльшаго наслажденія, какъ встрѣтиться тоже съ больнымъ и наговориться съ нимъ досыта о своихъ болѣзняхъ. Они говорятъ объ этомъ съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ говорятъ только обжоры о съѣденныхъ ими блюдахъ. Итакъ, вслѣдствіе этого, скажу вамъ о своемъ тоже здоровьѣ. Здоровье мое non vale un fico (*), какъ говорятъ итальянцы, — хуже нынѣшней русской литературы, о которой вы мнѣ доставили въ вашемъ письмѣ извѣстія. Лѣтомъ ѣду въ Маріенбадъ на одинъ мѣсяцъ. Вы не повѣрите, какъ грустно оставить на одинъ мѣсяцъ Римъ и мои ясныя, мои чистыя небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту Германію, гадкую, запачканную и закопченную табачищемъ ... Но я позабылъ, что вы ее такъ любите, и чуть было не сказалъ еще нѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ. Впрочемъ, совершенно не понимаю вашей страсти. Или, можетъ быть, для этого нужно жить въ Петербургѣ, чтобы почувствовать, что Германія хороша. И какъ вамъ не совѣстно! Вы, которыя такъ восхищались въ вашемъ письмѣ Шекспиромъ, этимъ глубокимъ, яснымъ, отражающимъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, весь огромный міръ и все, что́ составляетъ человѣка, и вы, читая его, можете въ то же время думать о нѣмецкой дымной путаницѣ. И можете ли сказать, что всякій нѣмецъ есть Шиллеръ? Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть: «Невскій Проспектъ». По мнѣ, Германія есть не что̀ иное, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините, маленькую неопрятность этого выраженія. Что̀жь дѣлать, если предметъ самъ неопрятенъ, несмотря на то, что нѣмцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужаснымъ образомъ и, можетъ быть, даже имѣете маленькое желаніе поджарить меня за это на медленномъ огнѣ. Но полно! больше не буду васъ сердить.

---

(*) Т. е. не стóитъ фиги. *Н. М.*

«Вы меня очень заинтересовали новымъ романомъ, который вы читали, и который вамъ понравился. Я вѣрю, что онъ долженъ быть очень хорошъ, ибо всѣ ваши сужденія въ этомъ вашемъ послѣднемъ письмѣ такъ основательны, что я никакъ не смѣю имъ не вѣрить (отсюда исключается словъ нѣсколько о нѣмцахъ). Я говорю о романѣ Миклашевичевой (*), о которомъ вы пишете. Онъ точно рѣдкость у насъ на Руси. Порядочный романъ.... что-то очень.... (**) У меня на языкѣ вертѣлось вставить здѣсь одно слово, которое чрезвычайно просилось на языкъ, но лучше повоздержаться. Не все то можно, что хочется, особливо въ письмѣ; ибо есть много такихъ почтенныхъ людей, которые чрезвычайно любятъ (можетъ быть, даже изъ любви къ просвѣщенію) читать чужія письма и доставлять такимъ образомъ невинное утѣшеніе добродушной душѣ своей, а иногда выводить даже изъ этого невинныя сплетни. Въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, еще теплятся слѣды восторга, чувствованнаго вами при представленіи «Гамлета». Вы имъ полны. Впечатлѣнія ваши живы и сильны. Такъ они и должны быть. Вы его смотрѣли въ первый разъ, и актеръ, исполнявшій роль его, долженъ былъ вамъ нравиться безусловно, совершенно. Таковъ законъ, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потомъ вы будете тоже восхищаться, но будете болѣе находить большихъ промаховъ въ актерѣ. Каратыгинъ есть одинъ изъ тѣхъ актеровъ, который вдругъ и съ перваго раза влечетъ къ себѣ, схватываетъ васъ въ охапку насильно и уноситъ съ собой, такъ что вы не имѣете даже времени очнуться и притти въ себя. Эти роли совершенно въ его родѣ. Но бо́льшая часть ролей, созданныхъ Шекспиромъ, и въ томъ числѣ Гамлетъ, требуютъ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ недостаетъ въ Каратыгинѣ. Вы можете это увидать только послѣ, по долгомъ соображеніи и долгомъ изученіи характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ, и потому я не хочу говорить вамъ объ этомъ. Лучше, если вы дойдете къ этому сами.

«Вы спрашиваете меня о новостяхъ: что происходитъ новаго среди вѣчныхъ древностей? Все прекрасно, чудесно. Больше ничего не могу сказать. Цвѣтутъ розы, темнѣютъ кипарисы, ослѣпительно сіяетъ синій небесный сводъ, убраны по празд-

(*) Онъ не былъ напечатанъ.
(**) Здѣсь слова два вырвано облаткою. *Н. М.*

ничному всѣ развалины и вашъ другъ Колизей. Но вы все это знаете и безъ моихъ словъ. Картина Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоитъ на томъ же, на чемъ стояла. Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ разъ Италію, и, дохнувъ холоднымъ дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою. Бруни какъ будто бы прихватило петербургскимъ морозомъ; по крайней мѣрѣ кисть его скользитъ лѣниво, а не работаетъ. Объ аббатѣ Ланси не имѣю никакого свѣдѣнія.

«Вы пишете и спрашиваете, когда я буду. Это задача для меня самого, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрѣшать. Притомъ же вы подали совѣтъ моему двоюродному брату такой, который и мнѣ можетъ пригодиться. Прощайте. Будьте здоровы. Не оставьте совершенно безъ вниманія поданный мною вамъ совѣтъ насчетъ здоровья вашего: я имѣю хорошее предчувствіе, — и не сердитесь за глупость письма моего. Право, если бы вы знали положеніе души моей, — о, вы бы извинили меня! Прощайте. Напишите скорѣе вашъ отвѣтъ и адресуйте его въ Маріенбадъ, poste restante.»

Гоголь исполнилъ свое намѣреніе полечиться на водахъ и совершилъ по этому случаю путешествіе въ Венецію, откуда написалъ письмо къ актеру Щепкину о комедіи Джіовани Жиро: «Дядька въ затруднительномъ положеніи» (l'Ajo nell' Imbarazzo), переведенной имъ съ итальянскаго. Въ немъ Гоголь является художникомъ, страстно привязаннымъ къ своему искусству, какъ это читатель увидитъ самъ. Вотъ оно: (*)

«Ну, Михаилъ Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу! половина заклада выиграна. Комедія готова. Въ нѣсколько дней русскіе наши художники перевели. И какъ я поступилъ добросовѣстно! Всю отъ начала до конца выправилъ, перемаралъ и переписалъ собственною рукою. — Въ афишкѣ вы должны выставить два заглавія: русское и итальянское. Можете даже прибавить тотчасъ послѣ фамиліи автора: «перваго итальянскаго комика нашего времени». Первое дѣйствіе ея прилагаю при письмѣ вашемъ, второе будетъ въ письмѣ къ С. Т., а за третьимъ отправитесь къ П.; велите ее тотчасъ переписать, какъ слѣдуетъ,

(*) Письмо это заимствовано мною изъ № 2 «Московскихъ Вѣдомостей» 1853 года. Точная дата его не означена. Подлинникъ принадлежитъ, вѣроятно, г. Щепкину.

съ надлежащими пробѣлами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листковъ: другого экземпляра нѣтъ, черновой исчезъ. Комедія должна имѣть успѣхъ; по крайней мѣрѣ, въ итальянскихъ театрахъ и во Франціи она имѣла успѣхъ блестящій. Вы, какъ человѣкъ, имѣющій тонкое чутье, тотчасъ постигнете комическое положеніе вашей роли. Нечего вамъ и говорить, что ваша роль — самъ дядька, находящійся въ затруднительномъ положеніи. Роль ажитаціи сильной. Человѣкъ, который совершенно потерялъ голову! Тутъ сколько есть комическихъ и истинныхъ сторонъ. Я видѣлъ въ ней актера съ большимъ талантомъ, который между прочимъ далеко ниже васъ. Онъ былъ прекрасенъ, и такъ въ немъ все было натурально и истинно. Слышенъ былъ человѣкъ, не рожденный для интриги, а попавшій невольно въ оную, — и сколько натурально комическаго! Этотъ гувернеръ, котораго я назвалъ дядькой, потому что первое кажется не совсѣмъ точно, да и не русское, долженъ быть одѣтъ весь въ черномъ, какъ одѣваются въ Италіи донынѣ всѣ эти люди: аббаты, ученые и проч., въ черномъ фракѣ не совсѣмъ по модѣ, а такъ, какъ у стариковъ, въ черныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, въ черномъ суконномъ жилетѣ, застегнутомъ плотно снизу до верху, и въ черной пуховой шляпѣ, трехъ-угольной, — не той, что́ носятъ у насъ, а въ той, въ какой нарисованъ блудный сынъ, пасущій стада, то есть съ пригнутыми немного полями на три стороны. — Два молодые маркиза точно также должны быть одѣты въ черныхъ фракахъ, только помоднѣе, и шляпы, вмѣсто трехъ-угольныхъ, круглыя, черныя пуховыя или шолковыя, какъ носимъ мы всѣ грѣшные люди; черные чулки, башмаки и панталоны короткіе. Вотъ все, что́ вамъ нужно замѣтить о костюмахъ. Прочія лица одѣты, какъ ходитъ весь свѣтъ.

«Но о самихъ роляхъ нужно кое-что: роль Джильды лучше всего, если вы дадите которой нибудь изъ вашихъ дочерей. Вы можете тогда болѣе дать ее почувствовать во всѣхъ ея тонкостяхъ. Если же кому другому, то, ради Бога, слишкомъ хорошей актрисѣ. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если жь притворяется, то это притворное у ней становится уже истиннымъ. Она произноситъ свои монологи, которые, говоритъ, набрала изъ романовъ, съ одушевленіемъ истиннымъ, а когда въ

самомъ дѣлѣ проснулось въ ней чувство матери, тутъ она не глядитъ ни на что и вся женщина. Ея движенія просты и развязны, а въ минуты одушевленія картинны; она становится какъ-то вдругъ выше обыкновенной женщины, что удивительно хорошо исполняютъ итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видѣлъ, была свѣжая, молодая, проста и очаровательна во всѣхъ своихъ движеніяхъ, забывалась и одушевлялась какъ природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, какъ будто нужна воспитанная свѣжимъ воздухомъ деревни и степей.

«Играющему роль Пиппето никакъ не нужно сказывать, что Пиппето немного приглуповатъ: онъ тотчасъ будетъ выполнять съ претензіями. Онъ долженъ выполнить ее совершенно невинно, какъ роль молодого, довольно неопытнаго человѣка; а глупость явится сама собою, такъ, какъ у многихъ людей, которыхъ вовсе никто не называетъ глупыми.

«Больше, кажется, не нужно говорить ничего... Да! маркиза дайте какому нибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая: бѣшеный, взбалмошный старикъ, неслушающій никакихъ резоновъ. Я думаю, коли нѣтъ другого, отдайте Мочалову; его же имя имѣетъ магическое дѣйствіе на московскую публику. Да не судите по первому впечатлѣнію и прочитайте нѣсколько разъ эту пьесу, — непремѣнно нѣсколько разъ. Вы увидите, что она очень мила и будетъ имѣть успѣхъ.»

Вѣроятно, къ этому же году относится слѣдующее письмо его, на которомъ не означенъ годъ. Оно было адресовано къ П. А. Плетневу.

«30 октября. Римъ.

«Здраствуйте, безцѣнный Петръ Александровичъ! Напишите мнѣ хоть одну строчку. Я не имѣю никакихъ, совершенно никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Пишу къ вамъ потому, что я васъ видѣлъ третьяго-дня во снѣ въ такомъ необыкновенномъ и грустномъ положеніи, что испугался и не могу быть спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не услышу чего нибудь о васъ.

«Увѣдомьте меня также, какъ мое дѣло. Можно ли мнѣ подняться на то мѣсто въ Римѣ, о которомъ я писалъ къ вамъ? Мнѣ нужно теперь знать это, и тѣмъ болѣе теперь. Я заболѣлъ жестоко, и, Боже, какъ заболѣлъ! Я самъ виноватъ. Я обрадовался

моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешеств(iя), и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почуя просыпающееся вдохновенiе, которое давно уже спало во мнѣ. Я перешелъ черезъ край и за напряженiе не вовремя, когда мнѣ нужно было отдохновенiе, заплатилъ страшно. Не хочу вамъ говорить и разсказывать, какъ была опасна болѣзнь моя. Гемороидъ мнѣ бросился на грудь, и нервическое раздраженiе, котораго я въ жизнь никогда не зналъ, произошло во мнѣ такое, что я не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять. Уже медики было махнули рукой; но одно лекарство меня спасло неожиданно. Я велѣлъ себя положить ветурину въ дорожную коляску. Дорога спасла меня. Три дни, которые я провелъ въ дорогѣ, меня нѣсколько возстановили. Но я самъ не знаю, вышелъ ли я еще совершенно изъ опасности. Малѣйшее какое нибудь движенiе, незначащее усилiе, и со мной дѣлается не знаю что. Страшно, просто страшно. Я боюсь. И такъ было хорошо началось дѣло. Я началъ такую вещь, какой вѣрно у меня до сихъ поръ не было, — и теперь изъ подъ самыхъ облаковъ да въ грязь.

«Медику натурально простительно меня успокоивать и говорить, что это совершенно пройдетъ, и что мнѣ нужно только успокоить(ся). Но мнѣ весьма простительно тоже не вѣрить этому, и мое положенiе вовсе не такого рода, чтобы оставаться, тѣмъ болѣе, что вотъ мѣсяцъ, и я ничуть не лучше. Еслибъ я зналъ, что изъ меня уже рѣшительно ничего не можетъ быть (страшнѣе чего, конечно, ничего не можетъ быть на свѣтѣ), тогда бы, натурально, дѣло кончено. У меня нѣтъ никакой охоты увеличивать всемiрное населенiе своею жалкою фигурою и за жизнь свою я не далъ бы гроша и не сталъ бы изъ за нея биться. Но, клянусь, мое положенiе слишкомъ, если даже не черезчуръ. Больной, разстроенный душой и тѣломъ и никакихъ средствъ... Увѣдомьте меня. Можетъ быть, можно какъ нибудь узнать одно изъ этихъ двухъ словъ: да или нѣтъ?

«Но, клянусь, мнѣ также, если даже не больше, теперь хочется имѣть извѣстiя о васъ самихъ. Послѣ видѣннаго мною сна я не могу успокоиться о васъ. Теперь въ моемъ больномъ, грустномъ, часто лишенномъ надежды душевномъ состоянiи у меня единствен(но), что доставляетъ мнѣ похожее на радость, это — перебирать въ мысляхъ моихъ немногихъ, но любящихъ, прекрасныхъ друзей, вычислять всѣ случаи въ жизни, гдѣ друж-

ба ихъ обнаруживалась ко мнѣ, и сердце у меня тогда такъ начинаетъ сильно биться, какъ можетъ только у ребенка, который не изумляется отъ радости, но остается какъ будто перепуганъ радостью. Знаю, что это происходитъ отъ моего нервическаго разстройства и что движеніе потрясаетъ меня, но все какъ это сладко! И я тогда едва дышу. Прощайте. Цалую васъ сильно, и дай Богъ, чтобъ ничего съ вами не было

«Вашъ Гоголь.»

«Римъ. Via Felice. № 126.»

Въ этой-то Via Felice (счастливая улица) поэтъ нашъ велъ такую несчастную жизнь! «Изъ подъ самихъ облаковъ да въ грязь». Слабое тѣло его не выносило порывовъ духа: это былъ сильный аэростатъ изъ тонкой и бренной ткани. Общество, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство и первые юношескіе годы, заключая въ себѣ много пищи для его таланта, все, однако же, не могло вполнѣ организовать поэта съ такимъ огромнымъ запасомъ природныхъ началъ творчества, какимъ одаренъ былъ Гоголь. Достигнувъ той эпохи умственнаго развитія, когда передъ поэтомъ открывается самый обширный горизонтъ духовнаго міра, онъ долженъ былъ дѣлать надъ собой усилія сверхъестественныя, чтобы создать выраженіе для отвлеченныхъ рѣчей своихъ, и изнемогалъ подъ бременемъ непомѣрнаго труда. Потому-то умственное «напряженіе», производящее въ другомъ только усталость и отвращеніе къ работѣ, въ немъ разрушало почти въ конецъ хилый организмъ и рождало одно сожалѣніе о той высотѣ, на которой онъ не въ силахъ былъ удержаться.

«А такъ было хорошо началось дѣло.... Я началъ такую вещь, какой вѣрно до сихъ поръ у меня не было!» Сколько художнической любви къ своему дѣлу въ этихъ словахъ!... Онъ былъ чистый художникъ, чуждый всего, что не входитъ въ область поэтическаго созерцанія; для него существовало только искусство, онъ дѣйствовалъ и организовался только по внушенію простой религіи и нравственности, напечатлѣнныхъ въ его умѣ и сердцѣ еще въ родительскомъ домѣ. Дѣтская свѣжесть и впечатлительность чувствъ осталась въ немъ до самой смерти, вмѣстѣ съ какой-то наивностью въ поступкахъ и словахъ. Онъ до того былъ погруженъ въ свои созданія, что не принималъ никакого участія въ томъ, въ чемъ не чуялъ пищи для своего твор-

чества. Отъ этого въ его письмахъ, рядомъ съ зрѣлыми мыслями мужа, встрѣчаются несообразныя съ обстоятельствами требованія ребенка, неумѣстная и непонятная для другихъ раздражительность, или убѣжденія, начисто расходящіяся съ дѣйствительнымъ состояніемъ вещей. Онъ самъ чувствовалъ свои недостатки и въ удаленіи отъ людей старался перевоспитать свою душу. Какъ искренно желалъ онъ сдѣлаться лучшимъ, видно изъ печатнаго его признанія въ томъ, что онъ считалъ въ себѣ оскорбительнымъ или непріятнымъ для ближнихъ. На 4 странцѣ его «Завѣщанія» мы читаемъ:

«Вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. Отчасти это происходило оттого, что я избѣгалъ встрѣчь и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ произносить мнѣ не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. Отчасти же это происходило и отъ мелочного самолюбія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди и считаютъ себя вправѣ глядѣть спѣсиво на другихъ.»

Къ сожалѣнію, я не имѣю въ своихъ рукахъ писемъ его къ Жуковскому и еще къ двумъ-тремъ лицамъ, съ которыми онъ переписывался, живя за границею, и потому долженъ сдѣлать новый пробѣлъ въ его біографіи, который надѣюсь наполнить въ свое время. Теперь, чтобъ показать отношенія Гоголя къ Жуковскому, разскажу одинъ характеристическій анекдотъ, въ которомъ Гоголь является такимъ же баловнемъ маститаго поэта, какимъ былъ въ свое время и Пушкинъ. Когда Жуковскій жилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Гоголь прогостилъ у него довольно долго. Однажды — это было въ присутствіи графа А. К. Т***— Гоголь пришелъ въ кабинетъ Жуковскаго и, разговаривая съ своимъ другомъ, обратилъ вниманіе на карманные часы съ золотой цѣпочкой, висѣвшіе на стѣнѣ.

— Чьи это часы? спросилъ онъ.

— Мои, отвѣчалъ Жуковскій.

— Ахъ, часы Жуковскаго! никогда съ ними не разстанусь!

Съ этими словами, Гоголь надѣлъ цѣпочку на шею, положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій, восхищаясь его проказливостью, долженъ былъ отказаться отъ своей собственности.

Написавъ слово «проказливость», я вспомнилъ, какъ хорошо писалъ ко мнѣ однажды С. Т. А*** объ этой чертѣ характера Гоголя въ болѣе обширномъ смыслѣ. Съ его позволенія, я приведу здѣсь отрывокъ изъ письма его:

«Въ натурѣ Гоголя была проказливость, шутка: онъ любилъ спроказить, подшутить, любилъ пуфъ. Онъ былъ не лгунъ, а выдумщикъ, и всегда готовъ былъ сочинить цѣлую сказку, чтобъ отдѣлаться какъ нибудь отъ скучныхъ или непріятныхъ вопросовъ. По тѣмъ же причинамъ, онъ часто давалъ обѣщанія, которыя и не думалъ исполнять. Изъ множества примѣровъ, я разскажу вамъ два.

«Гоголь вздумалъ попробовать, можно ли путешествовать въ чужихъ краяхъ, не имѣя паспорта, и выдумалъ слѣдующую штуку. Когда надобно было предъявлять гдѣ нибудь паспорты, Гоголь отбиралъ ихъ отъ пассажировъ и очень обязательно принималъ на себя хлопоты представить, кому слѣдуетъ. Собственнаго паспорта онъ не отдавалъ, а оставлялъ у себя въ карманѣ. Когда помѣченные паспорты возвращали Гоголю, онъ принималъ ихъ, разсматривалъ и вдругъ восклицалъ: «Да гдѣ же мой паспортъ? Я вамъ его отдалъ вмѣстѣ съ другими!» Начинали искать, но паспорта не находили. Тотъ, кто ихъ записывалъ, совѣстился, извинялся, а Гоголь мастерски разыгрывалъ сконфуженнаго путешественника. Между тѣмъ надобно было ѣхать, и Гоголь уѣзжалъ съ незаписаннымъ паспортомъ. Разумѣется, онъ разнообразилъ свои выдумки. Дѣло только въ томъ, что я и другіе видѣли его паспортъ возвратившимся изъ за границы почти бѣлымъ; а извѣстно, какъ бываютъ измараны замѣтками заграничные паспорты.

«Вотъ другой случай. Гоголь ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву въ дилижансѣ и сидѣлъ въ одномъ купе съ моимъ знакомымъ, прекраснымъ человѣкомъ, П. И. П***. Замѣтя, что товарищъ очень обрадовался сосѣдству извѣстнаго писателя, онъ увѣрилъ его, что онъ не Гоголь, а *Гогель,* прикинулся смиреннымъ простачкомъ, и П*** оставилъ сосѣда въ покоѣ. Пріѣхавъ въ Москву, П*** немедленно посѣтилъ насъ. Рѣчь зашла о Гоголѣ, и петербургскій гость изъявилъ горячее желаніе его ви-

дѣть. Я сказалъ, что это очень немудрено, потому что Гоголь бываетъ у насъ почти каждый день. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Гоголь, своей тогда еще живой и бодрою походкой. Я познакомилъ его съ моимъ гостемъ, и что же? П*** узнаетъ въ Гоголѣ своего сосѣда Гогеля! Мы не могли удержаться отъ смѣха, но П*** осердился. Онъ былъ правъ: за что Гоголь дурачилъ его трое сутокъ? Между тѣмъ Гоголь сдѣлалъ это рѣшительно для того, чтобы избавиться отъ докучныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ обыкновенно писателю: «Что вы теперь пишете? когда подарите насъ новымъ произведеніемъ? для чего вы не напишете того-то?» и проч. и проч. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который такъ любилъ уединеніе дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу и онъ, поднявъ воротникъ шинели выше своей головы (это была любимая его поза), всю дорогу читалъ потихоньку Шекспира или предавался своимъ творческимъ фантазіямъ.»

Дорожныя приключенія Гоголя — еслибъ собрать ихъ побольше — представили бы очень занимательное чтеніе, потому что Гоголь во всемъ, что съ нимъ случалось, выказывалъ часть своего оригинальнаго и разнообразнаго характера. Напримѣръ, однажды, остановясь во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ гостинницѣ Der weisse Schwan, онъ вздумалъ ѣхать куда-то далѣе и, чтобы не встрѣтить остановки по случаю отправки вещей, велѣлъ наканунѣ отъѣзда гаускнехту (то, что у насъ въ трактирахъ половой) уложить всѣ вещи въ чемоданъ, когда еще онъ будетъ спать, и отправить туда-то. Утромъ, на другой день послѣ этого распоряженія, посѣтилъ Гоголя графъ А. Т***, и Гоголь принялъ своего гостя въ самомъ странномъ нарядѣ — въ простынѣ и одѣялѣ. Гаускнехтъ исполнилъ приказаніе поэта съ такимъ усердіемъ, что не оставилъ ему даже во что одѣться. Но Гоголь, кажется, былъ доволенъ своимъ положеніемъ и цѣлый день принималъ гостей въ своей пестрой мантіи, до тѣхъ поръ, пока знакомые собрали для него полный костюмъ и дали ему возможность уѣхать изъ Франкфурта.

Обратимся къ его перепискѣ.

Послѣднее письмо, писанное имъ къ М. А. Максимовичу, носитъ уже московскую дату. Въ то время г. Максимовичъ надѣялся основать въ Кіевѣ родъ періодическаго изданія, подъ заглавіемъ «Кіевлянинъ», и просилъ Гоголя украсить это изданіе

своимъ именемъ. Отвѣчая на эту просьбу, поэтъ нашъ высказалъ своему старинному другу жалкое разстройство своего здоровья и глубокую скорбь объ утратѣ лучшей поры жизни и лучшихъ душевныхъ силъ. Вотъ его письмо:

«Москва. Январь (1840).

«Письмо твое металось и мыкалось по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, и наконецъ нашло меня здѣсь. Очень радъ, что увидѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что не могу исполнить твоей просьбы. П*** слилъ пулю, сказавши тебѣ, что у меня есть много написаннаго. У меня есть, это правда, романъ, изъ котораго я не хочу ничего объявлять до времени его появленія въ свѣтъ; притомъ отрывокъ не будетъ имѣть большой цѣны въ твоемъ сборникѣ, а цѣльнаго ничего нѣтъ, ни даже маленькой повѣсти. Я уже хотѣлъ было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылѣзло изъ нея. Она у меня одеревянѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состояніи дѣлать,—не въ состояніи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Еслибъ ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь. Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія (sic) здѣсь. — О! много, много пропало, много уплыло. Напиши мнѣ, что́ ты дѣлаешь и что́ хочешь дѣлать потомъ, когда сбросишь съ плечь все то, что́ тяжело лежало на нихъ. Пріѣзжай когда нибудь хоть подъ закатъ дней въ Римъ, на мою могилу, если не станетъ уже меня въ живыхъ. Боже, какая земля! и какъ тамъ свѣжо душѣ!... Прощай, душа! обнимаю тебя. Пиши на имя Погодина.

«Твой Гоголь.»

Коротенькое письмо его къ ученицѣ, съ которою онъ переписывался, живя за границею, покажетъ еще яснѣе, въ какомъ болѣзненномъ расположеніи духа былъ онъ въ это время.

«Хотя нѣсколько строкъ напишу къ вамъ. А не хотѣлъ, — право, не хотѣлъ браться за перо. Изъ этой ли снѣжной берлоги выставлять носъ и еще писать? Медвѣди обыкновенно заворачиваютъ свой носъ поглубже въ шубу и спятъ. Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ *родномъ омутѣ*, куда я не знаю за что попалъ. Съ того времени,

какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что́ ужасно — что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли, и если вамъ нуженъ теперь болванъ, для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ. Вы на меня можете надѣть и шляпку и все, что́ хотите, и можете сметать съ меня пыль, мести у меня подъ носомъ, и я не чихну, и даже не фыркну, не пошевелюсь.»

Съ возвращеніемъ въ Россію, начинаются хлопоты Гоголя объ изданіи его поэмы. Тутъ онъ является въ высшей степени нетерпѣливымъ и раздражительнымъ, посылаетъ къ своимъ повѣреннымъ письмо за письмомъ и въ каждомъ выражаетъ новыя жалобы и новыя безпокойства. Въ изнуреніи отъ долгихъ ожиданій и тайной скорби, Гоголь ужь самъ готовъ отложить печатаніе задушевнаго труда своего, находя, что уже прошло къ тому время, и что его твореніе еще не совсѣмъ обработано. Онъ ограничивается желаніемъ представить его на судъ публики, состоящей изъ пяти преданныхъ ему друзей, и готовъ снова уѣхать въ Римъ и снова приняться за отдѣлку своего великаго созданія. Но лучше заставимъ его самого говорить объ этомъ.

«Февраля 6-го (1840, изъ Москвы.)

«Изъ письма Прокоповича я узналъ между прочимъ, что вы хотите рукопись отдать ***; отсовѣтуйте это дѣлать. *** былъ всегда противъ меня, хотя я совершенно не знаю, чѣмъ возбудилъ его нерасположеніе. Оно, казалось, началось со временъ Ревизора. Иначе дѣйствовать при тепереш(нихъ) обстоятель-(ствахъ) тоже, кажется, нельзя: и потому прекратите это дѣло. Я вижу, не судьба моему творенью явиться теперь. Да къ тому прошло и время. Я умѣю покориться. Я попробую еще выносить нужду, бѣдность, терпѣть. А ваше великодушное участье не потеряло чрезъ то ни мало цѣны; скажите это всѣмъ: Александрѣ Осиповнѣ, (*) графу В***, кн. О***, князу В***. Я умчу это движенье душъ ихъ въ нѣдрѣ моего признательнаго сердца

(*) Вѣроятно, г-жѣ См. *Н. М.*

всюду, куда бы ни завлекла меня моя скитающаяся судьба. Оно будетъ вѣчно свѣжить меня и пробуждать любовь къ прекраснымъ сокровищамъ, хранящимся въ Россіи. Нѣтъ, отчаянье не взойдетъ въ мою душу. Непостижимъ вышній произволъ для человѣка, и то, что̀ кажется намъ гибелью, есть уже наше спасенье. Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего. И теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить. О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненья; но что̀ жь дѣлать! У меня больше никакихъ не оставалось средствъ. Я думалъ, что устрою здѣсь дѣла и могу возвратиться; вышло не такъ.

«Но я твердъ. Пересиливаю сколько могу и себя и болѣзнь свою. Неотразима вѣра моя въ свѣтлое будущее, и невѣдомая сила говоритъ мнѣ, что дадутся мнѣ средства окончить трудъ мой. — Передайте мою признательность, мою сильную признательность всѣмъ. Успокойте ихъ, скажите имъ, что они уже много сдѣлали для меня. Клянусь, это знаетъ и чувствуетъ одно только мое сердце. Ихъ великодушіе, можетъ быть, мнѣ понадобится еще впереди. Ради Бога, успокойте ихъ, а рукопись возвратите мнѣ. Но прежде—самое главное—прочтите ее вмѣстѣ, т. е. впятеромъ, и пусть каждый изъ васъ тутъ же карандашемъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки напишетъ свои замѣчанія, отмѣтитъ всѣ погрѣшности и несообразности. Грѣхъ будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ. Мнѣ все должно говорить. Мнѣ больше, нежели кому другому, нужно указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять все это. Пусть всѣ эти лоскуточки они передадутъ вамъ, а вы ихъ немедленно препроводите ко мнѣ. — Эту небольшую записку вручите Александрѣ Осиповнѣ. Да хранитъ васъ всѣхъ небо! Оно сохранитъ васъ за благородную прелесть вашихъ душъ.

«Вѣчно вашъ Гоголь.

«*P. S.* Будетъ ли въ «Современникѣ» мѣсто для статьи около семи печатныхъ листовъ, и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки—выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т. е. къ празднику. Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте!»

Это письмо было написано сгоряча, но потомъ удержано у себя Гоголемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго посланія:

«Февраля 17 (1840, изъ Москвы).

«Я получилъ ваше увѣдомленіе о томъ, что дѣло идетъ на-ладъ. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, но я еще не получилъ рукописи, хотя три дни уже прошло послѣ полученья вашего письма. Я———не смѣю еще предаваться надеждѣ, пока вовсе не окончится дѣло. Дай Богъ, чтобъ оно было хорошо.— Я уже ко всему приготовился и чуть не послалъ было къ вамъ письма, которое нарочно прилагаю вамъ при семъ. Вы можете во всякомъ случаѣ прочесть его всѣмъ, къ кому оно имѣетъ отношеніе. — — —

«Добрый Графъ В*** ! какъ я понимаю его душу. Но изъявить какимъ бы то ни было образомъ чувства мои было бы смѣшно и глупо съ моей стороны. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, чтó я долженъ чувствовать. Хорошо бы было, еслибъ на дняхъ я получилъ мою поэму. Время уходитъ. Въ другомъ письмѣ моемъ вы начитаете просьбу о позволеніи въѣхать въ вашъ «Современникъ». Извините, что такъ дурно пишу; перо подчинено ножницами, а не ножикомъ, который неизвѣстно куда запропастился. Отдайте прилагаемое письмо Мар. Петр. Б***. Обнимаю васъ.

«Вашъ Гоголь.»

Извиненіе Гоголя въ томъ, что онъ пишетъ небрежнымъ почеркомъ, показалось мнѣ сперва очень страннымъ. Онъ вообще не отличался каллиграфическимъ искусствомъ, и всѣ письма его (кромѣ одного или двухъ, которыя онъ переписалъ по особеннымъ причинамъ набѣло) писаны крайне небрежно, чѣмъ бы перо ни было очинено, ножикомъ или ножницами. Но потомъ смыслъ этихъ словъ объяснился для меня какъ нельзя удовлетворительнѣе. Трудясь надъ своимъ перевоспитаніемъ, онъ не оставилъ безъ вниманія и своего почерка. Послѣднія письма его къ П. А. Плетневу обнаруживаютъ явное подражаніе почерку прописей и даже попытку на щеголеватость буквъ. Не скажу, чтобъ онъ много успѣлъ въ каллиграфіи, но нѣкоторыя изъ его предсмертныхъ писемъ до такой степени отличаются отъ писемъ прежней эпохи, что если бы не было посте-

пеннаго перехода къ нимъ отъ его обыкновенныхъ каракулекъ, то можно было бы принять ихъ за чужія рукописи.

Ничего, впрочемъ, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что такой высокій литературный талантъ такъ медленно подвигался впередъ въ искусствѣ, можно сказать, общедоступномъ. Въ письмахъ Гоголя сохранено много разсказовъ о томъ, какъ ему трудно бывало заставить себя дѣлать то, что онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность, но къ чему не загоралась въ немъ искра произвольнаго увлеченія. Вообще, у него была тугая натура, и многое въ его сочиненіяхъ доставалось ему съ большимъ трудомъ. Когда онъ говоритъ, что ломалъ надъ чѣмъ нибудь голову, это надобно понимать въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ близкихъ къ нему людей подсматривали, что онъ дѣлаетъ, запершись у себя въ комнатѣ и принявшись за работу. Это были самыя странныя, самыя смѣшныя и жалкія гимнастическія упражненія. Онъ размахивалъ руками, упирался кулаками въ бока, вертѣлся на всѣ стороны, схватывалъ себя за волосы, взъерошивалъ ихъ самымъ дикимъ образомъ и выдѣлывалъ необыкновенныя гримасы. Отъ этого-то онъ иначе не принимался за трудную работу, какъ запершись накрѣпко въ своемъ кабинетѣ, къ которому отданъ былъ слугѣ приказъ — не допускать никого и близко.

Я не для смѣхотворства привожу подобныя преданія о землякѣ своемъ. Въ его трудныхъ усиліяхъ надъ самимъ собою выражается «желѣзная сила души», о которой онъ писалъ къ М. А. Максимовичу (*), и этотъ «тяжелый и сильный характеръ», который онъ изобразилъ въ Остапѣ Бульбѣ. (**) Въ то же самое время становится понятнѣе, какимъ образомъ Гоголь изъ цвѣтущаго юноши такъ быстро обратился въ болѣзненнаго старца, и отчего только подъ животворнымъ небомъ Италіи онъ получалъ употребленіе всѣхъ физическихъ и нрав-

(*) См. выше письмо отъ 12 февраля 1834 года: «А на что человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду. Ты разсмотри хорошенько характеръ земляковъ: они лѣнятся, но за то, если что задолбятъ въ свою голову, то на вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость. Разъ начать, и все!»

(**) «Онъ (Андрій, противопоставленный Гоголемъ старшему брату) учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ.» — «Сочиненія Н. Гоголя», т. II, стр. 84.

ственныхъ силъ своихъ. То, что казалось въ немъ прихотью избалованнаго ребенка, было слѣдствіе строгой необходимости; иначе Гоголь не былъ бы Гоголемъ.

Но обращаюсь къ его перепискѣ по поводу изданія первой части «Мертвыхъ Душъ».

Вотъ что писалъ онъ, въ порывѣ раздраженнаго нетерпѣнія, къ одному изъ своихъ знатныхъ пріятелей, не означивъ, въ разсѣянности, а можетъ быть, по какой нибудь другой причинѣ, ни года, ни числа, ни города, изъ котораго писано письмо.

«——— Все мое имущество и состояніе заключено въ трудѣ моемъ. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ сколько могъ свои болѣзненныя неудачи, въ надеждѣ, что, когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенные соотечественники преклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій русскій принести своей отчизнѣ ——— И между тѣмъ никто не хочетъ взглянуть на мое положеніе, никому нѣтъ нужды, что я нахожусь въ послѣдней крайности, ——— и что такимъ образомъ я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необходимое для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы не будете тронуты моимъ положеніемъ? Неужели и вы откажете мнѣ въ вашемъ покровительствѣ? ——— Почему знать, можетъ быть, несмотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства. — И ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги ——— скажетъ въ то же время, что вы были равнодушны къ созданьямъ русскаго слова и не тронулись положеньемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями писателя, немогшаго найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ. Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы будете великодушны ———»

Въ письмѣ къ другому пріятелю изъ высшаго круга онъ еще сильнѣе выражаетъ болѣзненность своего нетерпѣнія, усиленнаго, конечно, не дѣйствительнымъ ходомъ вещей, а равнодушіемъ къ поэту, существовавшимъ только въ его воображеніи.

«Къ величайшему сожалѣнію, мнѣ не удалось быть у васъ въ бытность вашего сіятельства въ Москвѣ. Одинъ разъ Ч*** Але-

ксандр. Дм., съ которымъ мы условились ѣхать вмѣстѣ, не заѣхалъ за мною по причинѣ какого-то помѣшательства, а потомъ овладѣла мною моя обыкновенная періодическая болѣзнь, во время которой я остаюсь почти въ неподвижномъ состояніи въ своей комнатѣ иногда въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль. Впрочемъ, какъ я разсудилъ потомъ, пріѣздъ мой къ вамъ былъ бы лишнимъ. Дѣло мое уже вамъ извѣстно. Я знаю, душа у васъ благородна, и вы вѣрно будете руководствоваться однимъ глубокимъ чувствомъ справедливости: дѣло мое право, и вы никогда не захотите обидѣть человѣка, который въ чистомъ порывѣ души сидѣлъ нѣсколько лѣтъ за своимъ трудомъ, для него пожертвовалъ всѣмъ, терпѣлъ и перенесъ много нужды и горя и который ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему. Итакъ, и теперь я не прилагаю къ вамъ никакихъ просьбъ моихъ; но если дѣло уже кончено, моя рукопись послана ко мнѣ и вы были моимъ справедливымъ и вмѣстѣ великодушнымъ заступникомъ, то много, много благодарю васъ. Вы не можете взвѣсить всей моей благодарности къ вамъ; но если бы вы снизошли въ глубину моей души, если бы увидѣли тамъ всѣ томленія, тогда бы вы поняли, какъ велика (моя) благодарность. Это чувство всегда глубже всѣхъ другихъ я чувствовалъ въ моемъ сердцѣ, а теперь болѣе нежели когда либо.» — — —

Дата и городъ не означены.

Перечитывая эти письма, значительно мною сокращенныя, удивляешься простодушію поэта и его незнанію самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ въ сношеніяхъ съ людьми такого рода, по такому дѣлу и при такихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ могъ бы научить его каждый, кто сколько нибудь обращался съ людьми по части прозаическихъ сношеній, и даже поправить въ его письмахъ языкъ (*), который не былъ у него слабѣе и въ то время, когда онъ сидѣлъ еще на школьной скамейкѣ. Но письма его не теряютъ отъ того нисколько своего интереса. Напротивъ, въ нихъ отражается Гоголь полнѣе, нежели въ письмахъ къ короткимъ друзьямъ своимъ, въ которыхъ онъ обнаруживаетъ только то, что желаетъ обнаружить, и въ которыхъ рядомъ съ

(*) Напримѣръ, въ фразѣ: «по причинѣ какого-то помѣшательства». Гоголь, очевидно, хотѣлъ сказать: «по причинѣ какой-то помѣхи.»

его хорошими свойствами, отличающими его отъ другихъ людей, не высказываются передъ нами его недостатки, ставящіе его ниже многихъ изъ меньшихъ его братій.

Не думаю, однакожь, чтобы эти недостатки понижали Гоголя хотя однимъ градусомъ во мнѣніи истинно благородно мыслящаго человѣка. Нѣтъ, зная ничтожество его въ жизни практической, неловкости въ сношеніяхъ съ людьми, мелочныя причуды характера или какіе бы то ни было нравственные недостатки, мы тѣмъ больше должны почитать пламень его таланта. Глядя такимъ образомъ на поэта, мы не оскорбимъ его памяти своимъ любопытствомъ, доискивающимся его лучшихъ поступковъ или мыслей и самыхъ пошлыхъ его слабостей съ одинаковымъ вниманіемъ. Да и получится ли полный, живой образъ человѣка, если мы соберемъ только доблестныя его черты, утаивъ отъ читателей все мелочное, все грязное и отталкивающее? Жизнь наша — какъ бы мы ни были совершенны — никогда не складывается изъ одного высокаго прекраснаго, и въ нравственномъ мірѣ все имѣетъ свое разумное назначеніе. Часто какой нибудь порокъ, какая нибудь слабость характера, не имѣя для души сама по себѣ ничего привлекательнаго, дѣлаетъ свое дѣло въ общей механикѣ духовной дѣятельности и нерѣдко — замѣтнымъ для наблюдателя образомъ — служитъ стимуломъ къ стремленію человѣка впередъ или очистительнымъ средствомъ для его грѣховной натуры. Тема эта обширная, не вмѣстимая въ предѣлы небольшого отступленія, и потому, прерывая цѣпь мыслей, ведущую далеко въ сторону отъ предмета моей бесѣды съ читателемъ, я обращаюсь снова къ письмамъ Гоголя, которыя говорятъ довольно ясно сами за себя. Въ слѣдующемъ письмѣ высказывается въ дивномъ смѣшеніи слабость и сила одной и той же души.

17 марта (1840). Москва.

«Вотъ уже вновь прошло три недѣли послѣ письма вашего, въ которомъ вы извѣстили меня о совершенномъ окончаніи дѣла, — а рукописи нѣтъ какъ нѣтъ. Уже постоянно каждыя двѣ недѣли я посылаю каждый день (sic) освѣдомиться на почту, въ Университетъ, и во всѣ мѣста, куда бы только она могла быть адресована, — и нигдѣ никакихъ слуховъ. Боже, какъ истомили, какъ измучили меня всѣ эти ожиданья и тревоги! А время ухо-

дить, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе вижу возможности успѣть съ ея печатаньемъ. Увѣдомьте меня, ради Бога, что случилось, чтобы я хотя по крайней мѣрѣ зналъ, что она не пропала на почтѣ, и чтобы зналъ, что мнѣ предпринять.

«Я силился написать для «Современника» статью, во многихъ отношеніяхъ современную, мучилъ себя, терзалъ всякій день и не могъ ничего написать, кромѣ трехъ безпутныхъ страницъ, которыя тотъ же часъ истребилъ. Но, какъ бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посылаю вамъ повѣсть мою «Портретъ». Она была напечатана въ «Арабескахъ»; но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣчаній. Вы, можетъ быть, даже увидите, что она болѣе чѣмъ какая другая, соотвѣтствуетъ скромному направленію вашего журнала. Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся, шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая: это—благоуханье цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ нему дороги: съ нея довольно славнаго имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руку и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію. Вы говорите, что я бы могъ достославно подвизаться на журнальномъ поприщѣ, но что у меня для этого нѣтъ терпѣнья. Нѣтъ! у меня нѣтъ для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналистъ такъ же не могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, какъ не могутъ соединить(ся) теоретикъ и практикъ. — Притомъ, каждый писатель уже означенъ своеобразнымъ выраженіемъ таланта, и потому никакъ нельзя для нихъ вывести общаго правила. Одному данъ умъ быстрый схватывать мгновенно всѣ предметы міра въ минуту ихъ представленія. Другой можетъ сказать свое слово только глубоко обдумавъ; иначе его слово будетъ глупѣе всякаго обыкновеннаго слова, произнесеннаго самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ (если только будетъ конецъ ея непостижимому странствію).

Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего, и оторваться отъ него на минуту есть уже мое несчастіе. Здѣсь, во время пребыванія моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отдѣльно отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, потомучто заняться чѣмъ нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло напротивъ; я даже не въ силахъ собрать себя.

«Притомъ уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ предо мною. Притомъ здѣсь, кромѣ могущихъ смутить меня внѣшнихъ причинъ, я чувствую физическое препятствіе писать. Голова моя страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ, и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совершенно; малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое странное сгущеніе всего, какъ будто бы она хотѣла треснуть. Въ Римѣ я писалъ предъ открытымъ окномъ, обвѣваемый благотворнымъ и чудотворнымъ для меня воздухомъ. Но вы сами въ душѣ вашей можете чувствовать, какъ сильно могу я иногда страдать въ то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остывъ и угаснувъ для всѣхъ волненій и страстей міра, я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе выше всѣхъ мірскихъ несчастій. — Участіе ваше мнѣ дорого: не оставьте письма моего безъ отвѣта, напишите сейчасъ вашу строчку.

«Повѣсти не раздѣляйте на два нумера, но помѣстите ее всю въ одной книжкѣ и отпечатайте для меня десятокъ экземпляровъ. Скажите, какъ вы нашли ее (мнѣ нужно говорить откровенно). Если встрѣтите погрѣшности въ слогѣ, поправьте. Я не въ силахъ былъ прочесть ее теперь внимательно. Голова моя глупа, душа неспокойна. Боже, думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ пріѣздъ мой въ Россію!

«Посылаю вамъ отдѣльныя брошюры статьи, напечатанной въ «Москвитянинѣ» ; разошлите по адресамъ. Остальные дайте, кому найдете приличнымъ, а не то — Прокоповичу.»

Немного раньше этого времени, Гоголь писалъ о себѣ изъ Москвы къ своей ученицѣ, о которой было говорено выше. Какъ непохоже это письмо на его прежнія письма къ ней! Но для біографіи оно тѣмъ не менѣе интересно.

«Мнѣ Плетневъ сдѣлалъ за васъ выговоръ, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше письмо. Но я вамъ писалъ. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка; но другого я ничего не въ силахъ былъ тогда сдѣлать: я былъ тогда боленъ и слишкомъ разстроенъ. Но господинъ, съ которымъ я послалъ ее въ Петербургъ, вѣроятно, гдѣ нибудь плотно пообѣдавши, выронилъ ее на улицѣ и не посмѣлъ предстать къ вамъ съ извиненіемъ. Иначе я не могу себѣ изъяснить, почему вы ея не получили. Я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими странными припадками, какихъ никогда со мной еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершенно сомнамбулистическое состояніе. И нужно же, въ довершеніе всего этого, когда и безъ того болѣзнь моя была невыносима, получить еще непріятности, которыя и въ здоровомъ состояніи человѣка бываютъ потрясающи. Сколько присутствія духа мнѣ нужно было собрать въ себѣ, чтобы устоять! И я устоялъ; я крѣплюсь, сколько могу ; выѣзжаю даже изъ дому, не жалуюсь и никому не показываю, что я боленъ, хотя часто, часто бываетъ не подъ силу. Теперь я вижу, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать къ вамъ, что почти не нужно было моего личнаго присутствія: и безъ меня вѣрно бы все такъ же было ; а главное — чтó хуже всего — я не въ силахъ здѣсь заниматься трудомъ, который для меня есть все. Зато съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю весны! Но, однакожъ, до отъѣзда моего я буду у васъ, буду веселѣе, лучше,

нежели былъ у васъ въ прошломъ году, — не такъ безтолковъ, не такъ страненъ, не такъ глупъ. Но покамѣсть я все еще нездоровъ. Меня томитъ и душитъ все, и самый воздухъ. Я былъ такъ здоровъ, когда ѣхалъ въ Россію; думалъ, что теперь удастся прожить въ ней побольше, узнать тѣ стороны ея, которыя были доселѣ мнѣ не такъ коротко знакомы. Все пошло какъ кривое колесо, по словамъ пословицы. Скажите вашей маменькѣ, что мнѣ было передано ея участіе, изъявленное ею въ письмѣ къ одной пріятельницѣ, что оно было мнѣ очень кстати: оно пролило какое-то тихое утѣшеніе въ мои трудныя минуты. Оно мнѣ показалось чѣмъ-то похожимъ на свѣтлое предвѣстіе яснаго будущаго. Я очень, очень много благодаренъ за него. Можетъ быть, самое длинное письмо ко мнѣ не было бы мнѣ такъ утѣшительно тогда, какъ тѣ коротенькія слова. Итакъ, вотъ вамъ покамѣсть извѣстіе обо мнѣ и о припадкахъ моей болѣзни, вѣроятно, не похожей на вашу, если только вы до сихъ поръ хвораете, отъ чего да избавитъ васъ Богъ. Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу васъ застать не за Жанъ-Поль-Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются только въ здоровомъ расположеніи духа. Но эту пѣсню, я думаю, вы слышите часто и безъ меня. Я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ: приходило ли вамъ когда нибудь желаніе, непреодолимое, сильное желаніе читать Евангеліе? Я не разумѣю то желаніе, которое похоже на долгъ и которое всякій положилъ себѣ имѣть, — нѣтъ, сердечный порывъ.... Но оставляю неоконченною мною рѣчь. Есть чувства, о которыхъ не слѣдуетъ говорить, и произносить о нихъ что нибудь уже значитъ профанировать ихъ.

«Посовѣтуйте вашему брату В. П. не оставлять живописи. У него есть рѣшительный талантъ. Талантъ есть Божій даръ, и горе тому, кто пренебрежетъ имъ. Посовѣтуйте ему непремѣнно сдѣлать копіи съ Каналета, находящагося въ Эрмитажѣ, а потомъ и съ Клодъ-Лоррена, если будетъ возможность. Эти двѣ противоположности сильно разовьютъ его и введутъ его во многія тайны искусства. Извините, что я рѣшаюсь перенесть строки письма моего съ этой почтительной четвертушки на сію коротку и дружескую осьмушку. Впрочемъ, мы съ вами, кажется, очень коротки, то есть я разумѣю — оба невысокаго роста.

Надобно вамъ сказать, что начало письма этого писалось совершенно въ другомъ расположеніи духа и начато было уже недѣлю назадъ. Теперь, сегодня я получилъ письмо отъ Плетнева, съ извѣстіемъ, что дѣло мое идетъ, кажется, лучше. Дай Богъ. Но я уже былъ ко всему приготовленъ — и къ удачѣ и къ неудачѣ, благодаря Провидѣнію, ниспославшему мнѣ чудную силу и твердость. Прощайте; будьте здоровы. Я молюсь душевно, да снизойдетъ вамъ въ душу святая, ясная тишина. Перецалуйте все ваше семейство, всѣхъ; а говорить имъ, что я ихъ люблю, я почитаю лишнимъ.

«Весь вашъ Гоголь.»

Еще и еще одна жалоба бѣднаго поэта.

«27 марта (1840, изъ Москвы).

«Голова моя совершенно пошла кругомъ. Вчера я получилъ письмо отъ Прокоповича, которымъ онъ увѣдомляетъ меня, что вы послали рукопись еще четвертаго марта, въ среду на первой недѣлѣ поста. Ради Бога, увѣдомьте, съ кѣмъ вы послали ее, и точно ли она была принята на почту и кѣмъ. Боже, какая странная участь! Думалъ ли я, что буду такимъ образомъ оставленъ безъ всего! Время ушло, и я безъ копѣйки, безъ состоянія выплатить самые необходимые долги, которыхъ не выплатить безчестно, безъ возможности собрать сколько нибудь на дорогу. Непостижимое стеченье бѣдъ! Я не знаю даже, гдѣ отъискивать слѣды моей рукописи. Разрѣшите хотя это по крайней мѣрѣ, чтобы я зналъ навѣрное, пропала ли она, или нѣтъ.

«Весь вашъ
«Н. Гоголь.»

Наконецъ Гоголь получилъ рукопись.

Окончивъ хлопоты по предмету изданія первой части «Мертвыхъ Душъ», Гоголь поспѣшилъ на покой въ свой «тихій уголъ, въ Римъ». Но прежде онъ позаботился, какъ умѣлъ, о спокойствіи своей матери. Письмо его, по этому случаю, къ Н. Д. Бѣлозерскому исполнено трогательнаго интереса (*); но я долженъ былъ выключить изъ него нѣкоторыя подробности, неважныя для читателя.

(*) Подлинникъ хранится у Н. Д. Бѣлозерскаго.

(Апрѣля 12, 1842, изъ Москвы.)

«Благодарю васъ, добрый другъ мой Николай Даниловичъ, за ваше письмо. Я его вовсе не ожидалъ. Объ васъ я нигдѣ не могъ узнать — чтó вы и гдѣ вы. Словомъ, ваше письмо меня обрадовало. Все въ немъ относившееся до васъ было прочтено съ участіемъ; но въ этомъ вы не сомнѣваетесь. Благодарю васъ также за выписку о раздачѣ земель. (*) Мнѣ бы очень хотѣлось обнять васъ, но нѣтъ для этóго мнѣ возможности. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, а главное — моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта. Или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской. Вы въ письмѣ вашемъ сказали, хотя вскользь и хотя не иначе, какъ на условіяхъ, что, можетъ быть, когда нибудь побываете въ моей родинѣ, то есть въ деревнѣ. Теперь я буду васъ просить объ этомъ серьёзно. Ради Бога, если случиться вамъ быть въ Полтавѣ, пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню Васильевку, въ тридцати-пяти верстахъ отъ Полтавы. Вы мнѣ сдѣлаете великую услугу и благодѣяніе. Вотъ въ чемъ дѣло: разсмотрите ее и положеніе, въ какомъ она находится, и напишите объ этомъ мнѣ, а также и чѣмъ можно поправить обстоятельства. Дѣла запущены мною. ——— Вы человѣкъ умный и знающій: вы замѣтите тотчасъ то, чего я самъ никакъ не замѣчу, ибо я, признаюсь, теперь едва даже могу замѣтить, что существую. Сдѣлайте мнѣ эту милость. Въ Полтавѣ вы узнаете, гдѣ наша деревня и какъ до нея доѣхать, отъ Ивана Васильевича Капниста, который живетъ постоянно въ Полтавѣ. Маменька нѣсколько разъ слышала объ васъ отъ меня и будетъ рада вамъ несказанно. Сестры мои, изъ которыхъ двѣ на дняхъ вышли изъ института и вамъ нѣсколько знакомы, предобрыя дѣвушки и еще, безъ сомнѣнія, не успѣли выучиться ничему

(**) Раздача земель въ южной Россіи началась въ началѣ 1764 года, по плану о заселеніи Новороссійскаго края, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы земли не были раздаваемы свыше 12,000 десятинъ одному лицу, и проч. Г. Бѣлозерскій доставилъ Гоголю записку, подъ заглавіемъ: «Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ южной Россіи», составленную Н. Д. Мизко. *Н. М.*

дурному. Вы поживите денька два или три, чтò васъ заставятъ сдѣлать непремѣнно. Если вы не хотите дать виду или вамъ покажется неловкимъ показать маменькѣ, что вы ревизуете имѣніе, то скажите, пожалуй, что я васъ просилъ особенно изслѣдовать почву земли и годность ея для саду, а маменька знаетъ, что я всегда хотѣлъ развести садъ. Это ее обрадуетъ, какъ знакъ, что я, безъ сомнѣнія, собираюсь самъ пожить скоро въ деревнѣ. А потомъ, между прочимъ, рѣчь и о хозяйствѣ и о любопытствѣ вашемъ все видѣть, чтó все очень натурально, а я, между прочимъ, отъ себя предувѣдомилъ маменьку, что вы большой охотникъ до саду и большой охотникъ хозяйничать и знатокъ. Итакъ, не откажите въ этой просьбѣ, которою вы не можете себѣ представить, какъ меня обяжете. Вамъ вѣрно выберется время по уборкѣ хлѣба и окончаніи работъ, прекраснымъ сентябремъ, осенью, или, еще лучше, прежде. Впрочемъ, какъ вамъ удобнѣе. ——— Я не извиняюсь передъ вами въ томъ, что налагаю на васъ такую коммиссію. Я знаю ваше доброе сердце и дружбу нашу. Прощайте, мой добрый другъ Николай Даниловичъ. Увѣдомляйте меня подробнѣе о вашей жизни и о томъ, чтò дѣлается съ вами. Я буду васъ также увѣдомлять. Одно письмо ваше я могу еще получить въ Москвѣ; адресуйте на имя профессора Михаила Петровича Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ, въ собственномъ домѣ. Обнимаю васъ и вашего братца и всѣхъ вашихъ добрыхъ знакомыхъ, если только они цѣнятъ и любятъ васъ.

«Вашъ Гоголь.»

Опять Гоголь въ Римѣ, и снова проза жизни отвлекаетъ его мысли отъ предметовъ его творчества — тяжкое, но необходимое условіе каждаго таланта. Вотъ его письмо къ П. А. Плетневу, отъ 2 ноября 1852 года.

«Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбой, другъ души моей Петръ Александровичъ! Узнайте, чтó дѣлаютъ экземпляры «Мертвыхъ Душъ», назначенные мною къ представленію Г***, Г*** и Н***, и оставленные мною для этого у гр. В***. Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ обыкновенно что нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень-очень было бы нужно. Я сижу на совершенномъ безденежьи. Всѣ выручаемыя деньги за продажу книги идутъ до сихъ поръ на

уплату долговъ моихъ. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, какъ вы знаете, кромѣ меня, есть кое-какія довольно сильныя обязанности. Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не вслѣдствіе какого нибудь великодушія, а вслѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня. Конечно, я не имѣю никакого права, основываясь на этихъ причинахъ, ждать вспоможенія, но прошу, чтобы меня не исключили изъ круга другихъ писателей, которымъ изъявляется царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участіе. Теперь другая просьба, также корыстолюбивая. Вы вѣрно будете писать разборъ «Мертвыхъ Душъ»; по крайней мѣрѣ мнѣ бъ этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше, чѣмъ когда либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно, и постарайтесь отъискать во мнѣ побольше недостатковъ, хотя бы даже они вамъ самимъ казались неважными. Не думайте, чтобъ это могло повредить мнѣ въ общемъ мнѣніи. Я не хочу мгновеннаго мнѣнія. Напротивъ, я бы желалъ теперь отъ души, чтобъ мнѣ указали сколько можно болѣе моихъ слабыхъ сторонъ. Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно признаться въ своихъ проступкахъ предъ всѣмъ свѣтомъ. Безъ этого сознанья не можетъ быть исправленья. Но вы меня поймете, вы поймете, что есть годы, когда разумное безстрастіе воцаряется въ душу, и когда возгласы, шевелящіе юность и честолюбіе, не имѣютъ власти надъ душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать никакими наружными знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни. Прощайте; не забывайте и пишите.

«Вашъ Гоголь.

«Мой адресъ: Via Felice, № 126. 3 piano.»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же лицу представлены довольно интересныя мелочи изъ матеріальнаго быта Гоголя.

«Римъ, 28 ноября (1842).

«Въ догонку за первымъ моимъ письмомъ, пишу къ вамъ другое. Если вы еще не употребляли вашего участія и заботъ относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дѣло можно оставить. Во первыхъ, уже потому, что съ моей стороны какъ-то неприлично это все же нѣсколько корыстное исканье; а во вторыхъ, зачѣмъ тормошить бѣднаго В***, которому, можетъ быть, вовсе неловко. Я же пока занялъ денегъ у Языкова, которому прислали. А въ началѣ будущего года авось Богъ дастъ мнѣ извоpотиться, очиститься отъ долговъ вовсе и получить кое-что для себя. И потому, вмѣсто прежней моей просьбы, исполните вотъ какую просьбу. До меня дошли слухи, что изъ «Мертвыхъ Душъ» таскаютъ цѣлыми страницами на театръ. Я едва могъ вѣрить. Ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ не водится, чтобы кто осмѣлился, не испрося позволенія у автора, перетаскивать его сочиненія на сцену. (А я тысячи имѣю, какъ нарочно, причинъ не желать, чтобы изъ «Мертвыхъ Душъ» что либо было переведено на сцену.) Сдѣлайте милость, постарайтесь какъ нибудь увидѣться съ Г*** и объясните ему, что я не давалъ никакого позволенія этому корсару, котораго я даже не знаю и имени! Это очень нужно сдѣлать, потому что въ выходящемъ изданіи моихъ сочиненій (*) есть нѣсколько драматическихъ отрывковъ, которые какъ разъ могутъ очутиться на сценѣ, тогда какъ на нихъ законное право имѣетъ одинъ только Щепкинъ. Сдѣлайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидѣтель, что находящееся у Щепкина письмо, которымъ я передаю ему право на постановку этихъ пьесъ на сцену, писано именно мною и есть неподдѣльное. Что я, въ самомъ дѣлѣ, за беззащитное лицо, котораго можно обижать всякому? Ради Бога, вступитесь за это дѣло: оно слишкомъ близко моему сердцу. Прощайте. Я слышалъ, что въ «Современникѣ» есть очень дѣльная статья о «Мертвыхъ Душахъ». (**) Нельзя ли какимъ нибудь образомъ

(*) Въ четырехъ томахъ. Спб. 1842.

(**) Гоголь не зналъ, что эта статья принадлежитъ самому г. Плетневу. Имѣя нѣсколько закоренѣлыхъ антагонистовъ между пишущею

переслать мнѣ ее: я бы страшно хотѣлъ прочесть. ——— С***, говорятъ, во Флоренціи и хочетъ быть въ Римѣ. Прощайте; цѣлую васъ тысячу разъ и обнимаю. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ вѣстей. Прокоповичъ пишетъ, что изданіе моихъ сочиненій приходитъ къ концу: не найдете ли средства послать по выходѣ одинъ экземпляръ мнѣ ———»

П. А. Плетневъ писалъ къ директору Императорскихъ Театровъ о томъ, что́ такъ непріятно было для Гоголя, и получилъ отъ него, отъ 11 декабря 1842 года, отвѣтъ, что дѣйствительно сцены изъ «Мертвыхъ Душъ» поступили въ Санктпетербургскую Дирекцію отъ режиссёра Куликова, а въ Московскую — отъ актера Самарина, и были играны въ ихъ бенефисы, но что не удержались больше на репертуарѣ. При этомъ онъ прибавляетъ:

«Самъ не могу я къ нему писать, потому что на дняхъ дана была его комедія «Женитьба», и ежели бы пришлось упомянуть объ ней, то, къ сожалѣнію, ничего не могъ бы сообщить ему удовлетворительнаго.»

Гоголь остался неизмѣннымъ къ прежнимъ друзьямъ своимъ, но уже не могъ удѣлять много времени на письма къ нимъ. Его занимали новые душевные вопросы, для разрѣшенія которыхъ онъ не щадилъ ни труда, ни времени. Въ прочихъ своихъ сношеніяхъ съ людьми онъ замѣтно старался быть какъ можно кротче, какъ это покажетъ слѣдующее письмо его къ одной изъ любимѣйшихъ женщинъ, къ которой онъ, бывало, писалъ такъ много и такъ охотно.

«Римъ. Ноября 2-го 1842.

«Я къ вамъ пишу, и это потребность души. Не думайте, чтобъ я былъ лѣнивъ. Это правда, мнѣ тяжело бываетъ приняться за письмо; но когда я чувствую душевную потребность, тогда я не

братіею, г. Плетневъ не хотѣлъ вводить ихъ въ искушеніе, искать въ своей обширной критической статьѣ однихъ недостатковъ и подписалъ подъ нею буквы *С. Ш.* и городъ *Житомиръ*. Этими буквами онъ намекнулъ нѣкоторымъ изъ нихъ на человѣка, о которомъ Гоголь писалъ, что съ нимъ никогда не бываетъ скучно, никогда! и который служилъ тогда въ Житомирѣ. Въ литературныхъ кружкахъ статью прочитали безъ предубѣжденія, и въ самыхъ непріязненныхъ къ г. Плетневу журналахъ отозвались о ней съ большими похвалами. А статья-то написана была тѣмъ, въ комъ они не хотѣли признавать ни изящнаго вкуса, ни утонченнаго ума. *Н. М.*

откладываю. Послѣдніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, при разставаніи съ вами, я замѣтилъ, что душа ваша сильнѣе развилась и глубже чувствуетъ, чѣмъ когда либо прежде, и потому вы теперь не имѣете никакого права не быть со мной вполнѣ откровенны и не передавать мнѣ всего. Вспомните, что вы пишете вашему искреннѣйшему другу, который въ силахъ оцѣнить и понять васъ, и который награжденъ отъ Бога даромъ живо чувствовать въ собственной душѣ радости и горе, чувствуемыя другими, чтó другіе чувствуютъ только вслѣдствіе одного тяжелаго опыта. Прежде всего извѣстите меня о состояніи вашего здоровья и помогло ли вамъ холодное леченіе; потомъ извѣстите меня о состояніи души вашей: чтò вы думаете теперь и чувствуете, и какъ все, чтó ни есть вокругъ васъ, вамъ кажется. Это первая половина вашего письма. Теперь слѣдуетъ вторая. Извѣстите меня обо мнѣ: записывайте все, чтó когда либо вамъ случится услышать обо мнѣ, — всѣ мнѣнія и толки обо мнѣ и объ моихъ сочиненіяхъ, и особенно, когда бранятъ и осуждаютъ меня. Послѣднее мнѣ слишкомъ нужно знать. Хула и осужденія для меня слишкомъ полезны. Послѣ нихъ мнѣ всегда открывался яснѣе какой нибудь мой недостатокъ, дотолѣ мною не замѣченный; а увидѣть свой недостатокъ — это уже много значитъ: это значитъ — почти исправить его. Итакъ, не позабудьте записывать все. Просите также вашихъ братцевъ — въ ту же минуту, какъ только они услышатъ какое нибудь сужденіе обо мнѣ, справедливое или несправедливое, дѣльное или ничтожное, въ ту же минуту его на лоскуточекъ бумажки, покамѣсть оно еще не простыло, и этотъ лоскуточекъ вложите въ ваше письмо. Не скрывайте отъ меня также имени того, который произнесъ его; знайте, что я не въ силахъ ни на кого въ мірѣ теперь разсердиться, и скорѣй обниму его, чѣмъ разсержусь. Прощайте. Жму сильно вашу руку. Обнимите за меня всѣхъ вашихъ и попросите вашу маменьку, ради нашей старой дружбы, приписывать иногда отъ себя хоть нѣсколько строчекъ ко мнѣ, хотя на французскомъ языкѣ.»

О заграничной жизни Гоголя въ 1843 году я знаю только изъ письма его къ Н. Д. Бѣлозерскому, что онъ проживалъ въ Дюссельдорфѣ (у Жуковскаго) и занимался продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». Это письмо замѣчательно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Гоголь допытывался у своихъ корреспонде-

товъ различныхъ мелочей практической жизни, изъ которыхъ потомъ строилъ свой громадный «дворецъ», какъ называетъ онъ продолженіе своего сочиненія. Надобно полагать, что онъ писалъ множество подобныхъ писемъ къ кому только могъ. Помѣщаю это письмо здѣсь безъ сокращеній. (*)

«Августа 30. Дюссельдорфъ. 1843.

«Мнѣ хочется знать, что съ вами дѣлается, мой добрый Николай Даниловичъ. Отвѣчайте мнѣ на всѣ слѣдующіе вопросы. Я ихъ всѣхъ занумеровываю, потому, что у людей есть всегда охота увиливать и не отвѣчать на все. 1) Какъ ваше здоровье и всѣхъ васъ, то есть вашего брата и проч.? 2) Отправляете ли вы донынѣ судейскую вашу должность, и что удалось вамъ въ ней сдѣлать хорошаго и полезнаго? 3) На сколько вообще уѣздный судья можетъ сдѣлать добраго и на сколько дурнаго? 4) Какъ идетъ ваше хозяйство? 5) Сколько получаете доходовъ за уплатой всякихъ повинностей? 6) Какія главныя и доходливыя статьи вашего хозяйства? 7) Что вамъ удалось или вашему брату сдѣлать хорошаго по этой части во все продолженіе вашей жизни въ деревнѣ? 8) Каковы ваши сосѣди и кто замѣчательнѣе вообще изъ березинскаго дворянства и чѣмъ? 9) Чѣмъ каждый среди нихъ полезенъ себѣ и другимъ и чѣмъ вреденъ себѣ или другимъ? 10) Что говорятъ у васъ о «Мертвыхъ Душахъ» и о моихъ сочиненіяхъ (экземпляра я вамъ не послалъ потому, что съ трудомъ даже получилъ для себя)? — Не пренебрегайте въ этомъ дѣлѣ ни чьимъ мнѣніемъ и кто какъ ни говоритъ, напишите мнѣ, хотя бы это были совершенныя глупости. Итакъ, вотъ вамъ запросы! Ихъ всѣхъ числомъ десять. Я ихъ нарочно записалъ у себя въ книгѣ, чтобы вы котораго нибудь изъ нихъ не пропустили. Хоть коротко, но на каждый вы должны отвѣчать понумерно. Прощайте. Будьте здоровы и не забывайте меня.

«Душевно васъ любящій Гоголь.

«Адресъ мой: Dusseldorf, Poste restante».

Сбоку:

«Напишите о нашихъ общихъ знакомыхъ, съ кѣмъ вамъ когда либо случилось встрѣтиться и видѣться.»

На облаткѣ летящая птичка, съ надписью: Sans crainte.

---

(*) Подлинникъ хранится у Н. Д. Бѣлозерскаго.

Впрочемъ, вотъ еще одно письмо изъ Дюссельдорфа, отъ 6 октября 1843 года, къ П. А. Плетневу. Оно относится къ денежнымъ обстоятельствамъ Гоголя въ Россіи и изображаетъ его намъ во время послѣдняго пребыванія его въ Петербургѣ. Въ это время, въ 1841 году, онъ прожилъ у П. А. Плетнева нѣсколько дней и былъ до такой степени страненъ въ своемъ обращеніи съ нимъ, что даже самъ это замѣтилъ, и вспомнилъ черезъ три года.

«Началомъ письма уже просьба. Шевыревъ изъ Москвы извѣстилъ меня — — — что Прокоповичу предстоитъ тяжба (*) (Прокоповичъ не далъ мнѣ до сихъ поръ никакого обстоятельнаго увѣдомленія о положеніи дѣлъ моихъ), и потому я прошу васъ помочь, сколько можно, вашимъ участіемъ, если точно дѣло въ плохомъ положеніи. Денегъ я не получаю ни откуда; вырученныя за М. Д. пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось въ — — — типографію, взявшую страшно дорого за напечатаніе; и притомъ продажа книгъ идетъ, какъ видно, тупо. Если придется къ тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоитъ никакой возможности на пропитаніе тщедушныхъ дней моихъ. И потому, что́ можно сдѣлать — сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспомоществованіе. — — — Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому. — — — Впрочемъ, вы сдѣлаете что́ только будетъ въ вашей возможности, потому что видите сами мое положеніе, и потому, что раздѣляете его душевно. Важность всего этого тѣмъ болѣе значительна, что нескоро придется мнѣ выдать что нибудь въ свѣтъ. Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе подвигаемъ дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отчего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая

(*) Н. Я. Прокоповичъ былъ повѣреннымъ Гоголя по части печатанія его сочиненій. *Н. М.*

обо мнѣ, говоритъ: «Ну, чтобы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, если бы захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ «Мертвыя Души», онъ бы могъ доставить себѣ двадцать тысячь годового дохода.» А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, стоитъ почти пяти-лѣтней работы, стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ кровью и потомъ. Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого еще нескоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе, душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій. Признайтесь: не показался ли я вамъ страннымъ въ наше послѣднее свиданіе, неоткровеннымъ и несообщительнымъ, — словомъ, страннымъ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ: захлопотанный собою, занятый мыслію объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всѣми слѣдовало вознестись, — иначе какъ разъ очутиться въ ихъ власти,— занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ: это принадлежности безмятежной души. А моей душѣ еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотѣлъ говорить, но потому молчу, что не умѣю говорить, и не нашелъ бы словъ даже, какъ разсказать то, что̀ захотѣлъ бы разсказать. Но я заговорился, кажется.... Впрочемъ, это слово изъ моей душевной исповѣди. А душевная исповѣдь должна быть доступна всегда сердцу близкаго намъ друга. Прощайте. Обнимаю васъ и цалую отъ всей души. Что́ можно сдѣлать по моему дѣлу, вы сдѣлаете, а чего не сдѣлаете, того вѣрно уже нельзя было сдѣлать. Мнѣ жаль, что удержался я въ началѣ: совѣстно навьючить васъ моими дѣлами. Мнѣ бы слѣдовало просто быть нахальну — взвалить на васъ однихъ изданіе моихъ сочиненій, не путаясь ни во что самому и не затѣвая отъ себя ничего, а особливо въ то время, когда мнѣ вовсе было не до того и когда все свернулъ и скомкалъ впопыхахъ. Вы бы, конечно, сказали: «вотъ навалилъ обузу», и выбранили бы только сначала, а потомъ все-таки бы дѣло сдѣлали; а съ Прокоповичемъ не мудрено, что случилась, какъ съ новымъ человѣкомъ,

такая исторія, которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не знаю въ настоящемъ видѣ. — Еще разъ обнимаю. Прощайте.

Приписка на сторонѣ:

«Получили ли «Матео Фальконе» отъ Жуковскаго? Я интересуюсь знать о немъ; хоть это и не мое дитя, но я его воспринималъ отъ купели и торопилъ къ появленію въ свѣтъ. Вы замѣтили, я думаю, что онъ переписанъ моею рукою.»

Это черта совершенно художническая: артистъ, изъ любви къ искусству, принимаетъ на себя смиренный трудъ переписчика, для того только, чтобы поскорѣе сдѣлать доступнымъ для другихъ произведеніе, которое его восхитило.

1844 годъ остается совершеннымъ пробѣломъ въ моемъ «Опытѣ». Ни одного письма, относящагося къ этому году жизни Гоголя, я не имѣю, а разсказы людей, не знакомыхъ близко съ поэтомъ — если бы мнѣ и удалось собрать ихъ — объяснили бы намъ въ немъ немногое, такъ какъ вся его дѣятельность заключена была внутри его и заперта строгимъ молчаніемъ. Нѣкоторымъ только людямъ, подобнымъ П. А. Плетневу, открывалъ онъ часть своихъ душевныхъ тайнъ, и письма его къ нимъ составляютъ почти единственный источникъ для біографіи его духа. Онъ тѣмъ менѣе оставилъ по себѣ память своего пребыванія въ разныхъ европейскихъ городахъ, что, кромѣ итальянскаго, не говорилъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ и, кажется, никогда ни заботился о томъ, чтобъ научиться говорить. Ему нужны были только ясное небо и цвѣтущая земля; а людей набралъ онъ въ свою душу изъ Россіи и не разставался съ ними ни на молчаливыхъ развалинахъ римскаго Капитолія, ни на берегахъ кипящаго дѣятельностью Рейна. Въ Остенде помнятъ его, въ черномъ пальто и въ сѣрой шляпѣ, бродящимъ ежедневно взадъ и впередъ по морской плотинѣ, вѣчно одинокимъ и задумчивымъ. Его принимали тамъ за несчастнаго ипохондрика или мизантропа, и никто не подозрѣвалъ, сколько таилось глубокаго смысла подъ этимъ страннымъ іероглифомъ, въ которомъ иные прочитали пошлыя нелѣпости, а другіе отказались понять хоть что нибудь.

Въ 1845 году произошло въ жизни Гоголя событіе, долженствовавшее имѣть важное вліяніе на его литературную дѣятельность. Государь Императоръ, поощряя, съ свойственнымъ Ему великодушіемъ, труды каждаго высокаго таланта, благоволилъ

пожаловать Гоголю по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ. (*) Ободренный столь милостивымъ вниманіемъ и обезпеченный на долго со стороны матеріальныхъ нуждъ, поэтъ нашъ пошелъ еще болѣе твердымъ шагомъ къ своей возвышенной цѣли самосовершенствованія и оправдалъ своею жизнію и смертью, что былъ достоинъ благоволенія и щедротъ Монаршихъ.

Въ этомъ году Гоголь много путешествовалъ по Европѣ и между прочимъ былъ въ Прагѣ. Тамъ національный музей, завѣдываемый извѣстнымъ антикваріемъ Ганкою, обратилъ на себя особенное его вниманіе, такъ что онъ приходилъ нѣсколько разъ и разсматривалъ хранящіяся въ немъ сокровища славянской старины. Ганка никакъ не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гоголь, котораго сочиненія онъ изучалъ съ такою любовью (такъ наружность Гоголя, его пріемы и разговоръ мало выказывали того, что̀ было заключено въ душѣ его); наконецъ спросилъ у самого поэта, не онъ ли авторъ такихъ-то сочиненій.

— И, оставьте это! сказалъ ему въ отвѣтъ Гоголь.

— Ваши сочиненія, продолжалъ Ганка: — составляютъ украшеніе славянскихъ литературъ (или что нибудь въ этомъ родѣ).

— Оставьте, оставьте! повторялъ Гоголь, махая рукою, и ушелъ изъ музея.

Но Ганка не таковскій человѣкъ, чтобъ разойтись съ подобнымъ путешественникомъ, не взявъ съ него контрибуціи. Въ альманахѣ, изданномъ въ Прагѣ Павломъ Кларомъ, подъ заглавіемъ: Libussa Taschenbuch für's Jahr 1852, въ жизнеописаніи Ганки, гдѣ приведены выписки изъ его альбома, на стр. 368 мы читаемъ:

«Желаю еще сорокъ-шесть лѣтъ ровно здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянъ. Дня 5 (17) августа 1845. Гоголь.»

1845 годъ былъ замѣчателенъ въ жизни Гоголя по какимъ-то особеннымъ обстоятельствамъ, о которыхъ не совсѣмъ ясно упоминаетъ онъ въ короткомъ письмѣ къ г. Плетневу, написанномъ по выздоровленіи отъ опасной болѣзни. Вотъ это письмо:

(*) Эти деньги поручено было получать изъ Главнаго Казначейства П. А. Плетневу, для пересылки Гоголю.

«Римъ. 18 ноября (1845).

«Посылаю тебѣ свидѣтельство о моемъ существованіи на свѣтѣ. Существованіе мое точно было въ продолженіе нѣкотораго времени въ сомнительномъ состояніи. Я едва было не откланялся; но Богъ милостивъ: я вновь почти оправился, хотя остались слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовалъ доселѣ. Я зябну, и зябну до такой степени, что долженъ ежеминутно выбѣгать изъ комнаты на воздухъ, чтобы согрѣться. Но какъ только согрѣюсь и сяду отдохнуть, остываю въ нѣсколько минутъ, хотя бы комната была тепла, и вновь принужденъ бѣжать согрѣваться. Положеніе тѣмъ болѣе непріятное, что я черезъ это не могу, или, лучше, мнѣ некогда ничѣмъ заняться, тогда какъ чувствую въ себѣ и голову и мысли болѣе свѣжими и, кажется, могъ бы теперь засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояніе. Скажу тебѣ только то, что много-много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во вѣки воля пославшаго мнѣ скорби и все то, что̀ мы обыкновенно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія. Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя какъ слѣдуетъ для труда моего. Мертво и холодно было бы все то, что̀ должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама *правда*.

«Прощай! обнимаю тебя. Пиши ко мнѣ и не забывай. Вексель можешь послать на имя посольства, для бо̀льшей вѣрности, а меня увѣдомить письмецомъ на мою квартиру. Адресъ ея слѣдующій:

«Via de la Croce. № 81. 3 piano.

«Твой Г.»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ г. Плетневу Гоголь яснѣе раскрываетъ свои душевныя тайны.

«Римъ. $^{20}/_{8}$ февраля 1846.

«Я не отвѣчалъ тебѣ вдругъ на твое милое письмо (отъ $^{2}/_{14}$ ноября 1845 г., С.-Петербургъ) потому, что, во первыхъ, тяжкое болѣзненное состояніе овладѣло было мною съ новою силою и привело меня въ такое странное состояніе, что тяжело было руку поднять и тяжело было какое нибудь сказать о себѣ слово; во вторыхъ, я ожидалъ, не дождусь ли отвѣта на мое

письмо, отправленное къ тебѣ еще въ прошломъ году, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о моемъ существованіи, которое я взялъ изъ здѣшней миссіи. Увѣдомь меня теперь объ этомъ поскорѣе и пришли всѣ деньги, какія мнѣ слѣдуютъ. Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Съ С*** уравняемся послѣ. — Мнѣ нужно теперь сдѣлать ѣзды и путешествія какъ можно больше. Изъ всѣхъ средствъ, какія я ни предпринималъ для моей странной болѣзни, до нынѣ это одно мнѣ помогало. Тяжки и тяжки мнѣ были послѣднія времена, и весь минувшій годъ такъ былъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. — Болѣзненныя состоянія до такой степени (въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго) были невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лекарство и облегченіе. А между тѣмъ Богъ такъ былъ милостивъ ко мнѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была болѣзнь тѣлесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться. И тѣ душевныя страданія, которыхъ доселѣ я испыталъ много и много, замолкнули вовсе и среди страданій тѣлесныхъ выработались въ умѣ моемъ. Такъ что во время дороги и предстоящаго путешествія я примусь съ Божьимъ благословеніемъ писать, потому что духъ мой становится въ такое время свѣжимъ и расположен(нымъ) къ дѣлу. О, какъ премудръ въ Своихъ дѣлахъ управляющій нами! Когда я разскажу тебѣ потомъ всю чудную судьбу мою и внутреннюю жизнь мою (когда мы встрѣтимся у родного очага) и всю открою тебѣ душу, все поймешь ты тогда до единаго во мнѣ движенья и не будешь изумляться ничему тому, что̀ теперь такъ тебя останавливаетъ и изумляетъ во мнѣ. Другъ мой, повторяю вновь тебѣ, люби меня, люби на вѣру. Вотъ тебѣ мое честное слово, что ты былъ во многомъ заблужденіи насчетъ многаго во мнѣ и многое принято тобою въ превратномъ смыслѣ и вовсе въ другомъ значеніи, и горько мнѣ, горько было оттого въ одно время, такъ горько, какъ ты даже и представить себѣ не можешь. Скажу также тебѣ, что не дѣло литературы и не слава меня занимала въ то время, какъ ты думалъ, что они только и составляютъ жизнь мою. Ты принялъ платье за то тѣло, которое должно было облекать платье. *Ду-*

*ма и дѣло душевное* (*) меня занимало и трудную задачу нужно было разрѣшить, предъ пользою которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты мнѣ поставлялъ на видъ. Богу угодно было послать мнѣ страданія душевныя и тѣлесныя, и всякія горькія и трудныя минуты, и всякія недоразумѣнія тѣхъ людей, которыхъ любила душа моя, и все на то, чтобы разрѣшилась скорѣе во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во вѣки. Вотъ все, что̀ могу тебѣ сказать впередъ: остальное все договоритъ тебѣ мое же твореніе, если угодно будетъ святой волѣ ускорить его. Весь путь и маршрутъ мой пришлю тебѣ какъ только получу отвѣтъ твой. Не замедли какъ имъ, такъ и присылкою денегъ. Прощай; цалую тебя отъ всей души и вновь говорю тебѣ твердо: люби меня.

«Твой Г.»

«Напиши мнѣ о себѣ и о томъ, что̀ ближе твоей душѣ въ настоящую минуту. Такія строки мнѣ будутъ дороги. — Не полѣнись и поспѣши; я также буду увѣдомлять о себѣ чаще.

«Адреса не позабывай:

«Via de la Croce. № 81. 3 piano.»

Въ 1846 году одинъ изъ петербургскихъ художниковъ просилъ у Гоголя, чрезъ посредство П. А. Плетнева, позволенія напечатать вторымъ изданіемъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ», съ политипажами, въ числѣ 3,600 экземпляровъ. Онъ желалъ пользоваться этимъ правомъ въ теченіе трехъ лѣтъ и предлагалъ за него Гоголю 1,500 рублей серебромъ наличными деньгами. Отвѣтъ Гоголя въ письмѣ его изъ Рима, отъ 20 марта 1846 года, придаетъ новую черту его строго-художническому характеру. Вотъ это письмо:

«Вексель получилъ; письмо отъ $^{16}/_{28}$ февраля и прежнее, чрезъ Жуковскаго, получилъ; свидѣтельство пришло въ апрѣлѣ, къ сроку выдачи слѣдуемой тогда трети. За неточность во всемъ другомъ не гнѣвайся: отъ больного человѣка, одержимаго въ такой степени усталостью и изнеможеніемъ тѣлеснымъ, трудно и требовать. Художнику Б*** объяви отказъ. Есть много причинъ, вслѣдствіе которыхъ не могу покамѣсть входить въ условія ни съ кѣмъ. Между прочимъ, во первыхъ, потому, что второе изданіе первой части будетъ только тогда, когда она

---

(*) Эти слова подчеркнуты Гоголемъ. *Н. М.*

выправится и явится въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ явиться. Во вторыхъ, потому, что, по странной участи, постигавшей изданіе моихъ сочиненій, выходила всегда какая нибудь путаница или безтолковщина, если я не самъ и не при моихъ глазахъ печаталъ. А въ третьихъ, я врагъ всякихъ политипажей и модныхъ выдумокъ. Товаръ долженъ продаваться лицомъ, и нечего его подслащивать этимъ кандитерствомъ. Можно было бы допустить излишество этихъ родовъ только въ такомъ случаѣ, когда оно слишкомъ художественно. Но художниковъ-геніевъ для такого дѣла не найдешь; да притомъ нужно, чтобы для того и самое сочиненіе было классическимъ, пріобрѣтшимъ полную извѣстность, вычищеннымъ, конченнымъ и не наполненнымъ кучею такихъ грѣховъ, какъ мое. За тѣмъ прощай; о прочемъ впредь.

«Твой Г.»

«Не позабудь, хотя нѣсколько словъ, написать о себѣ самомъ. Какъ тебѣ живется, что̀ чувствуется, о чемъ думается и что̀ дѣлается.»

Здѣсь надобно упомянуть о событіи 1846 года, одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ литературной жизни Гоголя.

Въ 1845 году онъ былъ опасно боленъ; онъ ужь переступалъ черту, отдѣляющую человѣка отъ жизни съ ея очарованіями и заблужденіями, и въ это время все, что̀ напечаталъ онъ, естественно, представилось ему слишкомъ ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была полна душа его, проникнутая высшимъ безстрастіемъ и великими предчувствіями иной жизни. Обозрѣвая съ духовной высоты своей все пройденное поприще, онъ находилъ только свои письма къ друзьямъ произведеніями, обѣщающими пользу ближнему, и потому оставилъ завѣщаніе издать выборъ изъ нихъ послѣ его смерти. Но здоровье и употребленіе моральныхъ силъ возвратились къ нему еще одинъ разъ. Тогда, не теряя времени, онъ собралъ у своихъ друзей лучшія свои письма и выбралъ изъ нихъ то, что̀, по его мнѣнію, должно было «искупить безполезность всего дотолѣ имъ напечатаннаго».

Между тѣмъ въ обществѣ еще не было извѣстно, что̀ произошло въ душѣ Гоголя, ибо онъ только изрѣдка, и то передъ ближайшими друзьями, приподнималъ покровъ съ души своей. Всѣ считали Гоголя еще прежнимъ Гоголемъ, всѣ ожидали отъ

него второго тома «Мертвыхъ Душъ», въ смыслѣ произведенія юмористическаго, и, можетъ быть, немногіе только помнили его намекъ на «незримыя, невѣдомыя міру слезы»....

Въ это время вдругъ падаетъ на столъ къ г. Плетневу его рукопись, исполненная странныхъ признаній, воплей души, томящейся въ ея грѣховной тѣснотѣ, проповѣдей, облеченныхъ всею грозою краснорѣчія, указующаго прямо на болящія раны сердецъ, полу-дозрѣлыхъ убѣжденій и горькаго сарказма. То была извѣстная теперь каждому «Переписка съ Друзьями». Она произвела на всѣхъ, кому показалъ ее повѣренный поэта, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его введутъ въ огромную фабрику, гдѣ отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальныя созданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геенны; пламя хлещетъ въ гортань печей, утоляя неутолимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огненнымъ, всепожигающимъ потопомъ. И вездѣ необъяснимый, незнакомый для слуха шумъ, клокотанье, свистъ и шипѣніе; вездѣ загадочное, по видимому, безпорядочное и зловѣщее движеніе. Кажется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потеряло свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всею его спутавшеюся фабрикою. Такъ именно — по крайней мѣрѣ на пишущаго эти строки — подѣйствовала «Переписка съ Друзьями». Это была распахнутая внезапно дверь во внутреннюю мастерскую Гоголя, въ тотъ моментъ, когда въ ней кипѣла самая жаркая работа, и когда онъ находился въ напряженномъ, трепетномъ и вмѣстѣ энергически-восторженномъ состояніи духа, подобно тому, какъ Бенвенуто Челлини при отлитіи колоссальной статуи Персея. Но тутъ работа была громаднѣе и опасность больше. Если бы не направилъ Гоголь куда слѣдуетъ потоковъ души своей, расплавленной высшимъ поэтическимъ огнемъ, собственный пламень сжегъ бы его и собственный приливъ мыслей, чувствъ и глубокихъ душевныхъ сокрушеній, уничтожилъ бы его въ минуту высочайшихъ поэтическихъ предчувствій. Вотъ почему такъ сжалось за него сердце у каждаго истиннаго цѣнителя его таланта, хотя никто не могъ тогда объяснить себѣ, чего именно надо опасаться. Книга вышла въ свѣтъ во всей странности новаго покроя своихъ мыслей, и

всюду повторились разнообразно ощущенія, испытанныя въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ гоголева друга.

Всѣмъ извѣстны рецензіи, написанныя по случаю выхода въ свѣтъ «Переписки съ Друзьями»; ихъ появилось множество, и почти всѣ онѣ строго осудили писателя, который до тѣхъ поръ былъ осыпаемъ самыми восторженными похвалами. Гоголь въ своей «Перепискѣ» такъ круто повернулъ въ сторону съ своей прежней литературной дороги, что всѣ считали себя вправѣ — хотя это очень странно — кричать ему изо всей силы, чтобъ остановился и воротился на прежній путь. Неумѣренность тона критикъ глубоко оскорбила поэта, которому уже одинъ почти единодушный восторгъ, съ которымъ публика встрѣчала прежнія его сочиненія, давалъ право на почтительное съ нимъ обращеніе. Онъ горько на нихъ жаловался въ своихъ запискахъ, но я не имѣю права повторить здѣсь его жалобы, хотя онѣ стоили бы повторенія. По словамъ его, «душа его изнемогала отъ множества упрековъ», и онъ горячо благодарилъ тѣхъ, «которые могли бы также осыпать его за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной натуры человѣка, рукой скорбящаго брата приподымали его, повелѣвая ободриться».

Такъ дорого обошлась Гоголю его «Переписка съ Друзьями», эта книга, въ которой онъ, изъ любви къ ближнимъ, рѣшился показать себя имъ безъ театральной одежды лирическаго и комическаго писателя! И кто, читая замогильныя жалобы Гоголя, не «содрогнется», какъ онъ говорилъ, «душою»? Многіе ли изъ насъ, подобно издателю «Переписки съ Друзьями», остались, при ея появленіи, въ почтительномъ молчаніи касательно внутреннѣйшаго ея смысла? Намъ теперь грустно за тогдашнее время, и въ грусти своей мы готовы повторять то, чтó было высказано съ благородною искренностію С. Т. А.:

«Поразили меня эти двѣ статьи («Предисловіе» и «Завѣщаніе» въ «Перепискѣ съ Друзьями»). Больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній, возбужденныхъ ими во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онѣ рано были напечатаны. Вѣроятно, такое дѣйствіе произведутъ теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые такъ же, какъ и я, были недовольны этою книгою, и особенно печатнымъ завѣщаніемъ

живого человѣка. Смерть все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе.» (*)

Въ «Предисловіи» къ «Перепискѣ съ Друзьями» упоминается о приготовленіяхъ къ путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, которое, по словамъ Гоголя, «было необходимо душѣ его». Свѣдѣнія мои объ этомъ благочестивомъ подвигѣ поэта ограничиваются, покамѣсть, только тѣмъ, что онъ совершилъ переѣздъ черезъ пустыню Сиріи въ сообществѣ своего соученика по Гимназіи, Б***, — того самаго, съ которымъ онъ хотѣлъ стрѣляться на пистолетахъ безъ курковъ. Б***, занимая значительный постъ въ Сиріи, пользовался особеннымъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Для поддержанія этого вліянія, онъ долженъ былъ играть роль полномочнаго вельможи, который признаетъ надъ собой только власть «Великаго Падишаха». Каково же было изумленіе арабовъ, когда они увидѣли его въ явной зависимости отъ его тщедушнаго и невзрачнаго спутника! Гоголь, изнуряемый зноемъ песчаной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожныхъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было бы устранить, — не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свои жалобы такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности грознаго сатрапа. Это не нравилось его другу; мало того: это было даже опасно въ ихъ странствованіи черезъ пустыни, такъ какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мнѣніе арабовъ о значеніи Б*** въ русскомъ государствѣ. Онъ упрашивалъ поэта говорить ему наединѣ что̀ угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведенія, но при первой досадѣ позабылъ дружескія условія и обратился въ избалованнаго ребенка. Тогда Б*** рѣшился вразумить пріятеля самимъ дѣломъ и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Это заставило поэта молчать, а мусульманамъ дало почувствовать, что Б*** все-таки полновластный визирь «Великаго Падишаха», и что выше его нѣтъ визиря въ Имперіи.

Но любопытно было бы проводить Гоголя мыслью по всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ въ Палестинѣ, что̀, безъ сомнѣнія,

(*) «Московскія Вѣдомости» 1852 года, № 32. «Письмо къ друзьямъ Гоголя».

кто нибудь и сдѣлаетъ въ свое время. Въ жизни такого писателя и человѣка, какъ Гоголь, не можетъ быть шагу, который бы можно было оставить безъ вниманія. Если какое нибудь движеніе его души и непонятно для насъ, несообразно съ извѣстными намъ обстоятельствами, или даже, по нашему нынѣшнему взгляду на вещи, вовсе незамѣчательно, то мы все-таки должны сохранить его въ чистотѣ истины для будущихъ мыслителей, которые, можетъ быть, будутъ стоять на бо̀льшей высотѣ, нежели мы стоимъ, и озирать обширнѣйшій кругозоръ фактовъ, нежели какой представляется нашимъ умственнымъ взорамъ.

Относительно побудительныхъ причинъ къ путешествію въ Іерусалимъ я долженъ сказать, что Гоголь въ этомъ случаѣ руководился не однимъ безотчетнымъ чувствомъ благоговѣнія къ мѣстамъ, освященнымъ столь великими воспоминаніями — чувствомъ, общимъ всѣмъ христіанамъ: у него было болѣе частное душевное побужденіе къ этому священному дѣлу.

Выше было уже сказано, что мысль о службѣ никогда не оставляла Гоголя, что онъ въ первой молодости своей перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ, ища, гдѣ бы приносить больше пользы своему отечеству; что, почувствовавъ наконецъ себя достойнымъ дѣятелемъ на поприщѣ писателя, онъ оставилъ службу и обратилъ всѣ свои силы на то, чтобы произвести твореніе, истинно полезное соотечественникамъ, и этимъ способомъ доказать, что онъ также гражданинъ земли своей. Мы знаемъ, какъ онъ исполнилъ часть своего предпріятія, написавъ и издавъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ;» но это было не болѣе, какъ начало; это было, по его же сравненію, только сѣрое и закопченное дымомъ предмѣстіе къ великолѣпному городу, въ который онъ намѣревался ввести своего читателя: это было только крыльцо къ тому дворцу, который строился въ воображеніи автора. Такъ какъ по плану Гоголя нужно было, чтобы вся первая часть «Мертвыхъ Душъ» наполнена была только пошлыми лицами, выражающими паденіе натуры человѣческой, то онъ написалъ ее безъ особенныхъ усилій. Онъ уже стоялъ на такой нравственной высотѣ, чтобы видѣть въ другихъ и въ самомъ себѣ все унизительное для человѣческаго достоинства. Онъ прошелъ по тому пути, на которомъ встрѣчаются изображенныя имъ лица, и изучилъ всю ихъ обстановку. Глубокое со-

знаніе того, чѣмъ слѣдуетъ быть человѣку, и грустныя воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни помогли ему выставить пошлости и пороки современнаго человѣка съ такой безпощадной истиною, что всѣ безъ исключенія почувствовали отвращеніе къ его героямъ; а нѣкоторые, не разобравъ, что тутъ дѣйствовала въ авторѣ необычайная способность воспроизводить въ полныхъ типахъ отдѣльныя явленія повседневной жизни, не обинуясь объявили, что онъ самъ долженъ быть сродни своимъ Чичиковымъ, Плюшкинымъ, Ноздревымъ и т. д. А между тѣмъ авторъ изнемогалъ подъ тяжкою своей обязанностью входить въ нечистыя души своихъ дѣйствующихъ лицъ, принимать на себя ихъ отвратительный видъ и лицедѣйствовать за нихъ передъ публикой. Тягость его подвига тѣмъ больше подавляла его, что онъ зналъ, какъ взглянутъ на него за его метампсихозисъ. Онъ зналъ это и завидовалъ писателю, «который не измѣнилъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не спускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы.» (*) Онъ зналъ это и жаловался на удѣлъ писателя, «дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи!» (**) Онъ предвидѣлъ, что современный судъ «назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта». (***)

«И долго еще — говорилъ онъ съ грустью одинокаго безсемейнаго путника посреди дороги — опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру

(*) «Мертвыя Души», стр. 252.
(**) Тамъ же, стр. 252 — 253.
(***) Тамъ же.

смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святый ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей....» (*)

Это было сказано недаромъ. Онъ исполнилъ часть своего предпріятія тѣмъ, что создалъ характеры и выставилъ явленія, которые внушили «сильное отвращеніе отъ ничтожнаго» и «разнесли по Россіи нѣкоторую тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ себя.» Но ему предстояло совершить гораздо больше: ему нужно было представить такія явленія русской натуры, которыя бы подвинули читателя впередъ уже не отвращеніемъ только отъ низкаго и дурного, а пламеннымъ сочувствіемъ къ высокому и прекрасному. Тутъ онъ былъ остановленъ въ своей работѣ самымъ непріятнымъ образомъ. Произведя анализъ надъ собственной душой, онъ убѣдился, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣческой души нельзя по воображенію, что «добродѣтельныхъ людей въ головѣ не выдумаешь, и что пока не станешь самъ хотя сколько нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды.» (**)

Чтобы подняться на высоту, съ которой видны ясно недостатки и достоинства каждаго народа, Гоголь оставилъ на время всѣ свои занятія по предмету изученія русскихъ людей и Россіи и «обратилъ все свое вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще.» Онъ принялся читать книги, имѣющія предметомъ изслѣдованіе души человѣческой въ разныхъ ея проявленіяхъ, откровенныя записки людей разнаго званія о своихъ душевныхъ тайнахъ, трактаты и системы законодателей и, переходя отъ наставника къ наставнику, дошелъ наконецъ до яснаго уразумѣнія того, съ чего въ дѣтствѣ началъ науку жизни, но что онъ до тѣхъ поръ понималъ не совсѣмъ ясно. Онъ убѣдился, что всѣ ученія философовъ сходятся, какъ радіусы въ центрѣ, въ ученіи Спаси-

(*) Тамъ же, стр. 254.
(**) «Переписка съ Друзьями», стр. 150.

теля міра, и что только христіанину отверзаются всѣ таинства души человѣческой.

Разрѣшивъ оживленною вновь вѣрою во Христа нѣкоторые важные вопросы, занимавшіе его душу, и удовлетворивъ своей жаждѣ знать человѣка вообще, онъ опять почувствовалъ влеченіе къ поэтическому труду своему и занялся съ новымъ жаромъ изученіемъ Россіи и русскаго человѣка. Онъ началъ знакомиться съ опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которымъ хорошо были извѣстны разныя особенности на Руси и вообще ея вещественное и нравственное состояніе, и завелъ переписку съ такими лицами, которыя могли сообщить ему какое нибудь интересное обстоятельство или описать какой нибудь замѣчательный характеръ. Это было ему нужно для того, чтобы, при созданіи своихъ типовъ, онъ могъ принимать въ соображеніе какъ можно больше предметовъ и явленій дѣйствительнаго міра, ибо свойство его творчества было таково, что только тогда каждое лицо въ его сочиненіи становилось живымъ, когда онъ, утвердивъ въ умѣ крупныя черты его, обнималъ въ то же время всѣ мелочи и дрязги, которыя должны окружать это лицо въ жизни дѣйствительной.

Письменные запросы Гоголя были, однакожь, напрасны; напрасно было также и воззваніе его въ предисловіи ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ», въ которомъ онъ просилъ помощи у всѣхъ грамотныхъ людей. Онъ выказалъ этимъ только простодушіе художника, который смотритъ на міръ съ вѣрою въ его симпатію и предполагаетъ въ немъ множество людей, готовыхъ помочь ему въ его великомъ дѣлѣ. Будучи, однакожь, не только артистомъ въ душѣ, но и человѣкомъ умнымъ, онъ не могъ не знать, что его запросы и особенно печатные, навлекутъ на него насмѣшки со стороны людей, видящихъ вещи съ прозаической точки зрѣнія; но онъ рѣшился переносить и насмѣшки, лишь бы добыть хоть отъ нѣсколькихъ лицъ такія записки, которыя помогли бы ему двинуть впередъ свою работу и продолжать такимъ образомъ по своему службу отечеству, которая была для него главнѣйшимъ долгомъ на землѣ. Но всѣ были заняты своими дѣлами и предоставляли поэту дѣлать свое; никто или почти никто не помогъ ему, а въ журналахъ на его запросы отвѣчали насмѣшками. Онъ долженъ былъ ограничиться собственными наблюденіями и распросами у нѣсколькихъ

земляковъ, съ которыми сталкивался онъ за границею. Тамъ люди охотнѣе разговаривали съ нимъ о томъ, что̀ составляетъ характеристическія особенности русскаго человѣка, и глубже вникали въ явленія русской жизни. Въ Россіи, напротивъ, Гоголь слышалъ чаще всего отвлеченные толки, лишенные анекдотическаго характера. А ему нужны были только факты, только черты, взятыя съ натуры, а не изъ философическихъ наведеній, для того, чтобы придать образовавшимся въ его фантазіи высокимъ характерамъ колоритъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ работа шла у него медленно, — тѣмъ болѣе, что, возвысясь до чистаго художественнаго критицизма, онъ сдѣлался очень строгъ къ самому себѣ и безпрестанно останавливалъ себя вопросами: «Зачѣмъ? къ чему это? какая отъ этого будетъ польза?» и т. п. Онъ написалъ было уже второй томъ «Мертвыхъ Душъ», но, повинуясь своему непреложному внутреннему суду, сжегъ его вмѣстѣ съ прочими своими произведеніями, существовавшими въ рукописи, какъ недостойное обнародованія. Пробовалъ писать вновь, но ничто его не удовлетворяло. Христіанинъ и художникъ спорили еще въ немъ другъ съ другомъ и не слились въ одно животворное духовное существо. Онъ былъ доволенъ только своими письмами къ знакомымъ и друзьямъ о томъ, что̀ занимало его пересоздававшую себя душу, и, обрадовавшись, что могъ высказываться хоть въ этой формѣ, издалъ выборъ изъ писемъ особою книжкою. Онъ надѣялся, что этими письмами обратитъ вниманіе общества на то, что̀ онъ называлъ дѣломъ жизни, и что, заставивъ говорить другихъ, заговоритъ самъ о Россіи. Но, вмѣсто разрѣшенія предложенныхъ имъ въ «Перепискѣ» вопросовъ, грамотные русскіе люди принялись судить и рядить о самомъ авторѣ. Это заставило его снова погрузиться въ самого себя и признать себя недозрѣвшимъ еще до того, чтобы произнести умное и нужное человѣку слово. Мало по малу онъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что его сочиненія, какъ писателя не вполнѣ организовавшагося, могутъ скорѣе принести вредъ, нежели пользу, и что поэтому онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ положить перо до тѣхъ поръ, пока не почуетъ себя вполнѣ приготовленнымъ къ своему дѣлу. Смиренномудрый въ высшей степени и постоянно одушевляемый жаждою приносить пользу ближнимъ, Гоголь усомнился наконецъ даже въ томъ, дѣйствительно ли поприще

писателя есть прямое его назначеніе. Вмѣстѣ съ вѣрою, которая была глубоко внѣдрена въ него воспитаніемъ и прояснѣла посредствомъ анализа, произведеннаго имъ надъ своей душою, въ немъ возгорѣлась прежняя страсть къ службѣ государственной. Только теперь ужь онъ не строилъ себѣ, какъ прежде, никакихъ плановъ касательно должности, которая должна быть создана собственно для него. Теперь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на обыкновеннаго человѣка, и всѣ мѣста по службѣ казались ему одинаково значительными, если только, служа Царю земному, служить этимъ самимъ и поставившему его Господу. Онъ рѣшился возвратиться въ Россію и немедленно вступить въ государственную службу, — только выбрать себѣ должность по своимъ способностямъ, такую должность, которая бы дала ему возможность изучать русскаго человѣка практически, съ тѣмъ, что если возвратится къ нему творчество, то чтобы у него набрались матеріалы. Такъ совершилось въ Гоголѣ безпримѣрное перерожденіе, торжество христіанина надъ художникомъ и потомъ возрожденіе художника въ христіанинѣ, — словомъ, душевное пересозданіе, возведшее его на ту степень поэтическаго творчества, на которой онъ явился во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». Онъ понялъ, что онъ ужь другой человѣкъ, что ученіе его кончилось, что онъ вступаетъ на новое поприще служенія ближнему, какова бы ни была форма этого служенія; и вотъ онъ отправляется въ Іерусалимъ помолиться своему Божественному Учителю на томъ мѣстѣ, которое было освящено Его стопами, испросить у Него новыхъ силъ на дѣло, къ которому готовился всю жизнь, и поблагодарить Его за все, что̀ ни случилось съ нимъ въ жизни.

Вотъ объясненіе предпріятія, которое, по мнѣнію людей, стоявшихъ вдали отъ Гоголя, казалось явленіемъ совершенно отдѣльнымъ отъ всего въ его жизни, но которое теперь оказывается въ тѣсной и необходимой связи съ его душевною исторіею. Гоголь вообще дѣйствовалъ такъ просто, какъ дѣйствуетъ ребенокъ, какъ дѣйствуетъ поэтъ или природа.

Объясненіе побудительныхъ причинъ къ путешествію ко Святымъ мѣстамъ составленное мною по слухамъ о его задушевныхъ признаніяхъ, прольетъ для насъ новый свѣтъ и на многое въ исторіи внутренней жизни нашего поэта. Послѣ этого для насъ понятнѣе будетъ дальнѣйшая переписка его

друзьями. Но, къ сожалѣнію, 1847 и 1848 годы прошли въ молчаніи съ обѣихъ сторонъ между Гоголемъ и воспріемникомъ первыхъ его произведеній. Причину этому объяснить трудно. Она, можетъ быть, объяснится впослѣдствіи. Но мы знаемъ, что, посреди тогдашнихъ политическихъ бурь, поэтъ нашъ сохранялъ такое спокойствіе, какое хранитъ опытный и дальновидный старикъ, наблюдая горячую и кратковременную ссору юношей. Это намъ извѣстно изъ письма къ нему Жуковскаго «О поэтѣ и современномъ его значеніи», написаннаго въ отвѣтъ на его письмо. Гоголь назвалъ *искусство примиреніемъ съ жизнію* и, развивая эту тему, просилъ, видно, Жуковскаго разрѣшить ему нѣкоторыя сомнѣнія, относительно поэтическаго творчества. Жуковскій прекрасно разъяснилъ сущность его задачи и привелъ свою рѣчь къ слѣдующей исповѣди поэта:

Не счастія, не славы здѣсь
Ищу я; быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту, — зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, — великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной —
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!»

Обратимся теперь къ тому времени, когда онъ, совершивъ путешествіе въ Іерусалимъ, возвратился въ отечество. Вотъ первое письмо, которое онъ написалъ къ П. А. Плетневу, послѣ долгаго молчанія.

«Декабря 15. (1849.) Москва.

«Мы давно уже не переписывались. И ты замолчалъ, и я замолчалъ. Я не писалъ къ тебѣ отчасти потому, что самъ хотѣлъ быть въ Петербургѣ, а отчасти потому, что нашло на меня *неписательное* (*) расположеніе. Всѣ кругомъ на меня жалуются, что не пишу. При всемъ томъ, мнѣ кажется, виноватъ не я, но

(*) Это слово подчеркнуто Гоголемъ.

умственная спячка, меня одолѣвшая. «Мертвыя Души» тоже тянутся лѣниво. Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить. Теперь люди не годятся какъ будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему «Одиссеи». Два-три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло. — Но ты и самъ, безъ сомнѣнія, свидѣтель многаго. Пожалуста, отправь это письмецо къ Гроту (*) и сообщи мнѣ его точный адресъ. Передай также мой душевный поклонъ Б—нымъ и скажи имъ, что я всегда о нихъ помню. За тѣмъ, обнимая съ тобой вмѣстѣ всѣхъ близкихъ твоему сердцу, остаюсь

«Твой весь

«Н. Г.

«Адресъ мой: въ домѣ Талызина, на Никитскомъ Бульварѣ.

«Объ «Одиссеѣ» не говорю. Чтó сказать о ней? Ты вѣрно наслаждался каждымъ словомъ и каждой строчкой. Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золъ!»

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ (21 января 1850 года) Гоголь писалъ къ своему другу изъ Москвы слѣдующее:

«Не могу понять, чтó со мною дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго въ насъ вяло и лѣниво, отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его, но я просто не успѣваю ничего дѣлать. Время летитъ такъ, какъ еще никогда не помню. Встаю рано, съ утра принимаюсь за перо, никого къ себѣ не впускаю, откладываю на сторону всѣ прочія дѣла, даже письма къ людямъ близкимъ, — и при всемъ томъ такъ немного изъ меня выходитъ строкъ! Кажется, просидѣлъ за работой не больше, какъ часъ, смотрю на часы — уже время обѣдать. Нѣкогда даже пройтись и прогуляться. Вотъ тебѣ вся моя исторія. Конецъ дѣлу еще нескоро, т. е. разумѣю конецъ «Мертвыхъ Душъ». Всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ *набросаны;* собственно написанныхъ двѣ-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведеніе. Это можетъ

(*) Якову Карловичу. М.

только одинъ Богъ, у котораго все подъ рукой: и Разумъ и Слово съ Нимъ. А человѣку нужно за словомъ ходить въ карманъ, а разума доискиваться.—У С*** я точно прогостилъ осенью. Не писалъ о ней потому, что полагалъ тебя знающимъ насчетъ ея черезъ Аркадія Ос. Р***, которому при этой вѣрной оказіи передай мой душевный поклонъ. Она въ началѣ было тосковала и больше хворала. Въ послѣднее же время, какъ мнѣ показалось, она чувствовала себя лучше. Всего больше меня порадовало то, что она принялась именно за то дѣло, за которое всякая женщина, по моему, должна бы приняться съ самаго начала, то есть за хозяйство и всякія экономическія заботы по имѣнію. Теперь я слышу, что она ихъ продолжаетъ и за ними не скучаетъ. Отъ этого и самое здоровье ея, говорятъ, лучше. Такъ мнѣ о ней разсказывали видѣвшіе ее еще недавно въ Калугѣ. Дочери у ней вышли очень миленькія, обѣ почти невѣсты; вторая даже красавица. Воспитываются хорошо, благодаря гувернанткѣ миссъ О***, уединенью и близости отъ жизни деревенской. Какъ живешь ты? съ кѣмъ видаешься и о чемъ разговариваешь чаще? Передай поклонъ милой супругѣ своей и милой дочери. На меня не сердись и люби потому, что я также тебя люблю, а письмо—дрянь. Оно никогда не можетъ выразить и десятой доли человѣка. Поэтому-то я никогда не сержусь на друга, если онъ напишетъ письмо коротенькое и не такъ обстоятельно, какъ бы хотѣлось. У меня правило: всякое письмо считать подаркомъ; а дареному коню въ зубы не смотрятъ. Прощай. Хотѣлъ было просить тебя взять изъ ломбарда послѣдній кушъ денегъ, но раздумалъ. Пусть ихъ лежатъ; авось какъ нибудь изворочусь. Впрочемъ, увѣдомь, можно ли брать по частямъ, или нѣтъ?

«Твой весь

«Н. Г.»

Осенью 1849 года М. А. Максимовичъ, соскучась жить въ своемъ живописномъ, но пустынномъ и отдаленномъ отъ большихъ дорогъ помѣстьѣ надъ Днѣпромъ, переѣхалъ въ Москву, къ старымъ своимъ знакомымъ и друзьямъ. Пребываніе Гоголя въ Москвѣ было для него одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ этой поѣздкѣ. Гоголь велъ жизнь уединенную, но любилъ посидѣть и помолчать въ кругу хорошо извѣстныхъ ему людей и старыхъ пріятелей, а иногда оживлялся юношескою веселостью, и тогда не было предѣла его затѣйливымъ выход-

намъ и смѣху. Особенно привлекалъ его къ себѣ домъ А—выхъ, гдѣ онъ слушалъ и самъ пѣвалъ народныя пѣсни. Гоголь до конца жизни сохранилъ страсть къ этимъ произведеніямъ поэзіи и, по возвращеніи изъ Іерусалима, болѣе полугода бралъ уроки сербскаго языка у О. М. Бодянскаго, для того, чтобъ понимать красоты пѣсенъ, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ. Пѣсня русская вообще увлекала его сердце непобѣдимою силою, какъ живой голосъ всего огромнаго населенія его отечества, — это намъ хорошо извѣстно изъ его собственныхъ признаній. «Я до сихъ поръ — говоритъ онъ — не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всѣмъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Звуки эти вьются около моего сердца (*)....» Но къ малороссійской пѣснѣ онъ сохранилъ чувство, подобное тому, какое остается въ нашей душѣ къ прекрасной женщинѣ, которую мы любили въ ранней молодости. Много прошло новыхъ чувствъ и новыхъ привязанностей черезъ нашу душу; не разъ перегорѣла она инымъ огнемъ, не разъ мы убѣждали себя, что —

«Погасшій пепелъ ужь не вспыхнетъ....»

Но когда наконецъ мы успокоимся не на шутку, и всѣ молодыя наши страсти сдѣлаются для насъ предметомъ разсудительнаго созерцанія, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ и скоро убѣждаемся, что всѣхъ могущественнѣе владѣетъ нашею душою ранѣе всѣхъ охладѣвшая привязанность. Она ужь не волнуетъ нашего сердца страстными внушеніями, не подымаетъ насъ къ небесамъ наитіями невыразимаго блаженства, не погружаетъ въ преисподнюю мрачнаго унынія и отчаянія, но безотчетно радуетъ, какъ радуютъ ребенка ласки матери, и, помолодѣвъ сердцемъ, мы предаемся ей довѣрчиво и беззаботно, какъ испытанному другу, и ужь ничто не замѣнитъ для насъ ея сладостныхъ ощущеній. Такъ я объясняю увлеченіе, съ какимъ Гоголь передъ концомъ своей жизни слушалъ и пѣвалъ украинскія пѣсни. Приглашая своего земляка и знатока народной поэзіи О. М. Бодянскаго на вечера къ А—вымъ, которые онъ посѣщалъ чаще всѣхъ другихъ вечеровъ въ Москвѣ, онъ обыкновенно говаривалъ: «упьемся пѣснями нашей Малороссіи», и, дѣйствительно, онъ *упивался* ими

(*) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 135.

такъ, что иной куплетъ повторялъ разъ тридцать сряду, въ какомъ-то поэтическомъ забытьи, пока наконецъ надоѣдалъ самымъ страстнымъ любителямъ малороссійскихъ пѣсенъ, и земляки останавливали его словами: «Góди, Мыкóло, góди!» (*)

Какія же пѣсни особенно любилъ Гоголь? Современемъ преданіе объ этомъ исчезнетъ, и мы не будемъ знать, какіе мотивы, какія мелодіи трогали струны чуткой души поэта. А можетъ быть, на родинѣ почитатели его таланта, въ воспоминаніе о немъ, пожелали бы пѣть именно тѣ пѣсни, которыми онъ «упивался». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше почтить память поэта, какъ не пѣснями? Назовемъ эти пѣсни по преимуществу гоголевыми. (**)

1.

Не буду я женытыся,
Бо що мини зъ тóго?
Не стае мни десять грошей
До пивъ-золотого....

2.

Ой знаты знаты,
Хто кого любыть:
Блызенько сидае
Та й прыголубыть....

3.

Казала Солоха прыйды,
Щось дамъ, щось дамъ....

4.

Зчорнивъ я, змарнивъ я,
По полю ходичы,
За тобою, дивчынонько,
Тужачы, тужачы....

5.

Чы ты жъ мене, моя маты,
На мисти купыла,
Що всимъ дала по долоньци,
А мене втопыла?...

6.

Журылася попадя
Своею бидою....

---

(*) Т. е. «Полно, Николай, полно!»

(**) Въ своемъ исчисленіи гоголевыхъ пѣсенъ я руководствовался указаніемъ трехъ авторитетовъ: С. Т. А***, О. М. Бодянскаго и М. А. Максимовича.

7.

Ой дивчыно серденько, чья ты?
Ой чы выйдешь на юлыцю гуляты?

8.

Ой посіявъ мужыкъ
Та й у поли ячминь;
Мужыкъ каже: Ячминь,
Жинка каже: Гречка;
Не мовъ мини не словечка,
Нехай буде гречка!...»

9.

Ой розсердывся мій милый на мене....

Эта пѣсня переведена имъ на русскій языкъ въ статьѣ «О малороссійскихъ пѣсняхъ» (*), какъ образецъ «глубины чувствъ», выражающейся въ украинской народной поэзіи. Она была извѣстна ему съ дѣтства, и онъ любилъ припоминать, отъ кого и какъ онъ ей научился.

10.

Та оравъ мужыкъ край дорогы
А въ іого волы круторогы....

11.

Ой ты живешъ на гороньци,
А я пидъ горою;
Ой чы тужышъ такъ за мною,
Якъ я за тобою?...

12.

Ой бида, бида
Чайци небози,
Що вывела дитки
Пры бытій дорози!...

13.

Болыть моя головонька
Одъ самого чола:
Не бачыла мыленького
Ни теперъ, ни вчора....

14.

Полюбила Петруся
Та й сказать боюся...

15.

Одна гора высокая,
А другая нызька:

(*) «Арабески», ч. II, стр. 101.

Одна мыла далекая,
А другая блыжняя....

16.

Чы се тыи чоботы,
Що зять давъ?
А за тыи чоботы
Дочку взявъ....

17.

Да чы я въ лузи не калына була,
Да чы я въ лузи не червона була?

18.

Ой на двори метельыця,
Чому старый не женыцца?...

19.

Ой оре Семенъ, оре
Та чорными воламы....

20.

Ой не ходы, Грыцю,
На вечорныцю:
На вечорныцяхъ
Дивкы чаривныци....

21.

Ой ходывъ чумакъ
Симъ рикъ по Дону,
Та не було прыгодоньки
Николы іому....

22.

Ой чый же се дви́ръ?
Прыточивъ бы я свій;
Хорошая, чорнявая —
Я ходывъ бы ихъ ій...

23.

И дощыкъ иде
И метелыця гуде;
Дивчына казака
Черезъ юлыцю веде....

24.

Ой пидъ вышенькою,
Пидъ черешенькою
Стоявъ старый зъ молодою
Якъ изъ ягодою....

25.

Ой у поли могыла
Зъ витромъ говорыла,
Повій, витре, ты на мѐне,
Щобъ я не чорнила....

26.

Ой на гори
Та женци жнуть,
А по пидъ горою,
По пидъ зеленою
Козакы йдуть....

27.

Та журба мене зкрушыла,
Та журба жъ мене зсушила....

28.

У поли крыныченька,
Холодна водыченька, —
Тамъ чумакъ волы наповає....

29.

Ой краче, краче та чорненькый воронъ
Та на глыбокій долыни:
Ой плаче, плаче молодой козаче
Пры нещаслывый годыни....

30.

Ой израда кары очы, израда....
Чому жъ въ тебе, козаченьку, не вся щыра правда?

31.

Ой пидъ гаемъ–гаемъ,
Гаемъ зеленéнькымъ,
Тамъ орала дивчыненька
Волыкомъ чорненькымъ....

32.

Гоминъ-гоминъ по дуброви,
Туманъ поле покрывае,
Маты сына прогоняе....

33.

Ой зъ-пидъ гаю, гаю,
Зъ-пидъ чорного гаю,
Ой крыкнулы козаченькы:
«Утикай Нечаю!»

34.

Ой ты дивчыно,
Горда та пышна!

Чомъ ты до мене
  Зъ вечора не вышла?

35.

У Кыеви на рынку
Пьютъ козакы горилку....

Самыми любимыми изъ этихъ пѣсенъ были напечатанныя подъ нумерами 12, 21 и 25; пѣсня подъ нумеромъ 28 была одною изъ первыхъ, которымъ Гоголь научился въ дѣтствѣ. Главною его музою въ этомъ случаѣ была его тетка, о личности которой интересно было бы собрать возможно полныя свѣдѣнія. Въ жизни Вальтера Скотта играла важную роль тетка его миссъ Анна Скоттъ, первая поэтическая натура, съ которой сблизили его обстоятельства его дѣтства. Можетъ быть, здѣсь было то же самое.

Жаль, что мы не вошли еще, такъ сказать, во вкусъ біографій и какъ-то холодно собираемъ матеріалы для этого рода сочиненій, а между тѣмъ едва ли въ какомъ нибудь другомъ родѣ могутъ быть совмѣщены серьёзный интересъ исторіи, глубокія психологическія изслѣдованія и самый роскошный романтизмъ. Поэтому-то, можетъ быть, хорошая біографія появляется только въ литературахъ народовъ, стоящихъ уже на высокой степени общественнаго развитія. Тамъ она находитъ много цѣнителей, слѣдовательно много и дѣятелей для скопленія матеріаловъ, изъ которыхъ ужь потомъ такой человѣкъ, какъ Вальтеръ-Скоттъ, какъ Вашингтонъ Ирвингъ, какъ Томасъ Муръ, строитъ цѣлое и вѣчное созданіе. Будемъ надѣяться, что и наши знаменитыя личности не останутся безъ подробныхъ мемуаровъ для будущихъ біографовъ. Чтó касается до пишущаго эти строки, то онъ, понимая вполнѣ важность предмета, старался разузнать отъ кого только могъ обо всемъ касавшемся Гоголя и желаетъ лучше быть въ своемъ изложеніи отрывочнымъ, нежели пренебречь какимъ нибудь извѣстнымъ ему моментомъ жизни поэта.

Простота воззрѣнія Гоголя на жизнь и стремленіе примириться съ нею какъ можно болѣе, выразились въ его переѣздѣ изъ Москвы въ Малороссію, лѣтомъ 1850 года. Гоголь, какъ извѣстно, боялся холоду и потому не хотѣлъ оставаться на зиму въ Москвѣ. Между тѣмъ въ его планы не входили уже новыя поѣздки за границу: онъ готовился къ изданію втораго тома «Мертвыхъ Душъ». Итакъ, онъ избралъ своимъ зимовьемъ Одес-

су, откуда намѣревался проѣхать въ Грецію или въ Константинополь. Для этого онъ началъ заниматься новогреческимъ языкомъ, по молитвеннику, который, во время переѣзда въ Малороссію, составлялъ единственное его чтеніе. Онъ читалъ его по утрамъ вмѣсто молитвы, стараясь, однакожь, дѣлать это тайкомъ отъ своего спутника.

Спутникомъ же его былъ не кто другой, какъ М. А. Максимовичъ, съ которымъ онъ договорилъ заѣзжаго еврея съ извѣстною будкою на колесахъ, называющеюся, для красоты слога, брикою или шарабаномъ. Въ нее предполагалось положить вещи, а сами путешественники намѣревались сѣсть въ рессорную бричку, принадлежавшую г. Максимовичу. Но еврей, порядившійся везти Гоголя, надулъ его самымъ плутовскимъ образомъ. Ему нужно было только остаться подъ этимъ предлогомъ въ Москвѣ до полученія паспорта, а потомъ онъ начисто отперся отъ своего словеснаго обязательства.

Гоголь былъ въ страшной досадѣ, но дѣлать было нечего. И вотъ пріискиваютъ ему другого «долгаго» извощика, уже изъ православныхъ; тотъ закладываетъ въ свою громадную телѣгу тройку коренастыхъ, но тупыхъ на ногу, лошадей; укладываются въ нее пожитки обоихъ литераторовъ; впрягается такая же тройка въ бричку г. Максимовича, и 13 іюня (1850) они выѣзжаютъ изъ Москвы въ безконечно долгую дорогу черезъ нѣсколько губерній.

По разсказу г. Максимовича, они оставили Москву въ пятомъ часу по полудни, или, говоря точнѣе, въ это время они выѣхали изъ дому А—выхъ, у которыхъ они на прощаньи обѣдали. Первую ночь провели въ Подольскѣ, гдѣ въ то же время ночевали Х—вы, съ которыми Гоголь и его спутникъ провели вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. На 15-е іюня ночевали въ Маломъ Ярославцѣ; утромъ служили въ тамошнемъ монастырѣ молебенъ; напились у игумна чаю и получили отъ него по образу св. Николая. На 16 число ночевали въ Калугѣ, и 16-го обѣдали у г-жи С***, искренней пріятельницы Гоголя, который питалъ къ ней глубокое уваженіе. 19-е іюня путники наши провели у И. П. К***, въ Долбинѣ, гдѣ нѣкогда проживалъ Жуковскій и написалъ лучшія свои баллады; а 20 у г-жи А. П. Е*** въ Петрищевѣ. Наконецъ, 25 іюня, разстались въ Глуховѣ, откуда Гоголь уѣхалъ въ Яновщину, въ коляскѣ А. М. Маркевича.

Страннымъ иному покажется, что Гоголь не былъ въ состояніи ѣхать на почтовыхъ; но таковы именно были тогдашнія его обстоятельства. По крайней мѣрѣ онъ считалъ необходимымъ отказать себѣ въ этомъ удобствѣ и предпочесть медленную и дешевую ѣзду быстрой и дорогой. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что онъ везъ матери рублей сто серебромъ, или немного болѣе, въ подарокъ. Онъ былъ «все тотъ же пламенный, признательный, никогда незагашавшій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ.» (*) Между прочимъ, путешествіе на долгихъ было для него уже какъ бы началомъ плана, который онъ предполагалъ осуществить впослѣдствіи. Ему хотѣлось совершить путешествіе по всей Россіи отъ монастыря къ монастырю, ѣздя по проселочнымъ дорогамъ и останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Это ему было нужно, во первыхъ, для того, чтобы видѣть живописнѣйшія мѣста въ государствѣ, которыя большею частью были избираемы старинными русскими людьми для основанія монастырей; во вторыхъ, для того, чтобы изучить проселки русскаго царства и жизнь крестьянъ и помѣщиковъ во всемъ ея разнообразіи; въ третьихъ, наконецъ, для того, чтобы написать географическое сочиненіе о Россіи самымъ увлекательнымъ образомъ. Обо всемъ этомъ говорилъ Гоголь у г-жи С***, въ присутствіи графа А. К. Т***, который былъ знакомъ съ нимъ издавна, но потомъ не видалъ его лѣтъ шесть или болѣе. Онъ нашелъ въ Гоголѣ большую перемѣну. Прежде Гоголь, въ бесѣдѣ съ близкими знакомыми, выражалъ много добродушія и охотно вдавался во всѣ капризы своего юмора и воображенія; теперь онъ былъ очень скупъ на слова, и все, что̀ ни говорилъ, говорилъ, какъ человѣкъ, у котораго неотступно пребывала въ головѣ мысль, что «съ словомъ надобно обращаться честно», или который исполненъ самъ къ себѣ глубокаго почтенія. Въ тонѣ его рѣчи отзывалось что-то догматическое, такъ, какъ бы онъ говорилъ своимъ собесѣдникамъ: «Слушайте, не пророните ни одного слова.» Тѣмъ не менѣе, однакожь, бесѣда его была исполнена души и эстетическаго чувства. Онъ попотчивалъ графа двумя малороссійскими колыбельными пѣснями, которыми восхищался, какъ рѣдкими самородными перлами. Вотъ онѣ:

(*) См. выше, 4-е письмо къ матери изъ Нѣжина.

1.

«Ой спы, дытя, безъ сповыття,
Покы маты зъ поля прыйде
Та прынесе тры квиточкы:
Одна буде дримлывая,
Друга буде сонлывая,
А третяя щаслывая.
Ой щобъ спало — щастя мало,
Та щобъ росло — не болило,
На серденько не скорбило!
Ой присточкы у кисточкы.
Здоровьячко на сердечко,
Розумъ добрый въ головоньку,
Соньки-дримкы у виченькы!»

2.

«Ой ходыть сонъ по улоньци,
Въ билесенькій кошулоньци;
Слоняецца, тыняецця,
Господоньки пытаецця:
А де хата теплёсенька,
Й дытына малесенька,
Туды пійду ночуваты
И дытыны колыхаты.
А въ насъ хата теплёнькая
И дытына малёнькая;
Ходы до насъ ночуваты
И дытыны колыхаты!
Ходы, сонку, въ колысочку,
Прыспы нашу дытыночку!»

Вслѣдъ за тѣмъ Гоголь попотчивалъ графа лакомствомъ другого сорта: онъ продекламировалъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, великорусскую пѣсню, выражая голосомъ и миникою патріархальную величавость русскаго характера, которой исполнена эта пѣсня.

«Пантелей государь ходитъ по двору,
Кузьмичъ гуляетъ по широкому:
Кунья на немъ шуба дó земли,
Соболья на немъ шапка дó верху,
Божья на немъ милость дó вѣку.
Бояре-то смотрятъ изъ города,
Боярыни-то смотрятъ изъ терема,
Сужена-то смотритъ изъ-подъ пологу.
Бояре-то молвятъ: Чей то такой?

Боярыни-то молвятъ: Чей то господинъ?
А суженa молвитъ: Мой дорогой!»

Изъ приведенныхъ выше чиселъ видно, что путешественники наши подвигались впередъ довольно медленно; но Гоголь не чувствовалъ, по видимому, никакой скуки и постоянно обнаруживалъ самое спокойное состояніе души, какъ во время ѣзды, такъ и на постоялыхъ дворахъ. Его все занимало въ дорогѣ какъ ребенка, и онъ часто для выраженія своихъ желаній употреблялъ языкъ, какимъ любятъ объясняться между собою школьники. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ «отправлялся къ Храповицкому», а когда желалъ только отдохнуть, то говаривалъ своему спутнику: «не пойти ли намъ къ Полежаеву?» Хаживалъ онъ также къ «Обѣдову» и къ другимъ господамъ по разнымъ надобностямъ, и все это безъ малѣйшаго вида шутки. (*) Когда надоѣдало ему сидѣть и лежать въ телѣгѣ, онъ предлагалъ товарищу «пройти пѣхандачка» и мимоходомъ собиралъ разные цвѣты, вкладывалъ ихъ тщательно въ книжку и записывалъ ихъ латинскія и русскія названія, которыя говорилъ ему г. Максимовичъ. Это онъ дѣлалъ для одной изъ своихъ сестеръ, страстной любительницы ботаники. У него было очень тонкое обоняніе. Иногда, въѣзжая въ лѣсъ, онъ говорилъ: «Тутъ сосна должна быть: такъ и пахнетъ сосной», и, дѣйствительно, путешественники открывали между березъ и дубовъ сосновыя деревья. На станціяхъ онъ покупалъ молоко, снималъ сливки и очень искусно дѣлалъ изъ нихъ масло, съ помощью деревянной ложки. Въ этомъ занятіи онъ находилъ столько же удовольствія, какъ и въ собраніи цвѣтовъ, и никто бы не узналъ въ немъ, что̀ мы привыкли разумѣть подъ именемъ поэта. Онъ былъ простой путешественникъ, немножко разсѣянный, немножко прихотливый, порой дѣтски затѣйливый, порой какъ будто грустный, но постоянно спокойный, какъ бываетъ спокоенъ старикъ, переиспытавшій много на вѣку своемъ и убѣдившійся окончательно, что все въ мірѣ совершается по строгимъ

(*) Въ «Мертвыхъ Душахъ», на стр. 362, мы читаемъ: «...Всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ и Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ полежать и завалиться, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно какъ фраза: заѣхать къ Сопикову и Храповицкому)....»

законамъ необходимости, и что причина каждаго непріятнаго для насъ явленія можетъ скрываться внѣ границъ не только нашего вліянія, но и нашего вѣдѣнія. По дорогѣ онъ любилъ заѣзжать въ монастыри и молиться въ нихъ Богу. Особенно понравилась ему Оптина пустынь, на рѣкѣ Жиздрѣ, не доѣзжая Калуги. Гоголь, приближаясь къ ней, прошелъ съ своимъ спутникомъ до самой обители версты двѣ пѣшкомъ. На дорогѣ встрѣтили они дѣвочку съ мисочкой клубники и хотѣли купить у нея клубнику; но дѣвочка, узнавъ, что они люди дорожные, не захотѣла взять отъ нихъ денегъ и отдала имъ свои ягоды даромъ, отговариваясь тѣмъ, что «какъ можно брать съ странныхъ людей деньги?»

— Пустынь эта распространяетъ благочестіе въ народѣ, замѣтилъ Гоголь, умиленный этимъ, конечно рѣдкимъ, явленіемъ. — И я не разъ замѣчалъ подобное вліяніе такихъ обителей.

Во время дороги Гоголь вообще, кромѣ обычныхъ своихъ шуточекъ, говорилъ мало, и въ этомъ маломъ мысли его обращались преимущественно къ предметамъ практической жизни. Такъ, напримѣръ. онъ разсуждалъ о современной страсти къ комфорту и роскоши и приходилъ къ такому заключенію, что намъ «необходимо пріучать себя къ суровости жизни, а то комфортъ и роскошь заводятъ насъ такъ далеко, что мы проматываемся часъ отъ часу болѣе, и наконецъ намъ нечѣмъ жить.» На этомъ основаніи, онъ отвергалъ употребленіе въ сельскомъ быту рессорныхъ экипажей, особенно для людей его состоянія, и придумывалъ, какъ бы взять въ этомъ случаѣ средину между дорогимъ комфортомъ и грубою дешевизною.

Всего замѣчательнѣе въ его сужденіяхъ о жизни было то, что онъ всякую идею примѣривалъ сперва на себя и потомъ уже пускалъ ее въ ходъ для служенія ближнимъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ не былъ похожъ на тѣхъ философовъ, которые заботятся о воздержаніи прочихъ, не зная никакихъ предѣловъ собственнымъ прихотямъ. Онъ ѣхалъ на простой телѣгѣ и разсуждалъ объ упрощеніи помѣщичьяго быта. Онъ утверждалъ, что такія религіозныя учрежденія, какъ Оптина пустынь, распространяютъ благочестіе въ народѣ, и подтверждалъ искренность своего убѣжденія своимъ посѣщеніемъ иноческихъ обителей и своими молитвами въ нихъ. Онъ проповѣдовалъ терпѣніе и ис-

полненіе ближайшаго своего долга (*), явилъ въ себѣ образецъ терпѣнія изумительнаго и совершенное безстрастіе къ тому, что не входило въ предѣлы его литературной дѣятельности. Это была истинно геніальная, самообразующая себя натура, въ которой передъ нашими глазами совершилась борьба добрыхъ началъ съ злыми, въ ободреніе и въ назиданіе всѣхъ, созерцавшихъ ее. (**)

Прихотливость Гоголя въ дорогѣ обнаруживалась въ томъ, что онъ кромѣ чаю пилъ еще и кофе, который варилъ собственноручно на самоварѣ, и если могъ остановиться отдохнуть въ гостинницѣ, то всегда предпочиталъ ее постоялому двору. Впрочемъ, онъ дѣлалъ эту уступку своимъ строгимъ правиламъ жизни, вѣроятно, только для поддержанія своего хилаго здоровья, о

---

(*) Не задолго до своей смерти Гоголь написалъ своимъ друзьямъ слѣдующее «напутственное слово»:

«Благодарю васъ много, друзья мои; вами украшалась много жизнь моя. Считаю долгомъ сказать вамъ теперь напутственное слово.... Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, молясь въ тишинѣ. Общество тогда только исправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все прійдетъ тогда въ порядокъ; сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законные всему, и человѣчество двинется впередъ....»

(**) Когда я написалъ эти строки, мнѣ пришла на мысль одна изъ страницъ «Переписки» Гоголя, и я подивился искренности убѣжденія, съ которымъ онъ проповѣдовалъ друзьямъ своимъ ученіе о самосовершенствованіи.

«Не останавливайся, учи и давай совѣты! говоритъ онъ. — Но если хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу, дѣлай такъ, какъ думаю *я*, и какъ *положилъ себѣ отнынѣ дѣлать всегда*. Всякій совѣтъ и наставленіе, какое ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія, съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же время къ самому себѣ, и то же самое, что посовѣтовалъ другому, посовѣтуй себѣ самому; тотъ же самый упрекъ, который сдѣлалъ другому, сдѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ самому, и я даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на себя.... Это дѣлай непремѣнно! Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя.» (Стр. 123.)

которомъ онъ выражался съ трогательною наивностью въ своихъ письмахъ, что оно ему *нужно*.

Г. Максимовичъ, пріѣхавъ въ Москву на собственныхъ лошадяхъ, нашелъ для себя удобнымъ сбыть ихъ тамъ; однакожь, не могъ разстаться съ старымъ конемъ, который служилъ ему усердно нѣсколько лѣтъ. Конь этотъ шелъ сзади телѣги на свободѣ и былъ во всю дорогу предметомъ наблюденій Гоголя.

— Да твой старикъ просто жуируетъ! говорилъ онъ, замѣтивъ, что сзади повозки придѣланъ былъ для него рептухъ съ овсомъ и сѣномъ.

Потомъ онъ дивился, что лишь только извощикъ двигался въ путь, ветеранъ г. Максимовича покидалъ свое стойло или зеленую лужайку и слѣдовалъ за кибиткою. Гоголь подмѣчалъ, не увлечетъ ли его какая нибудь конская страстишка съ прямого пути его обязанностей : нѣтъ, конь былъ истинный стоикъ и оставался вѣренъ своимъ правиламъ до конца путешествія. Впрочемъ, Гоголь разстался съ г. Максимовичемъ въ Глуховѣ и не могъ ужь слѣдить за поведеніемъ его буцефала. Но когда Максимовичъ въ томъ же году посѣтилъ поэта на его родинѣ, онъ тотчасъ узналъ своего знакомца и освѣдомился о благосостояніи его ногъ.

Въ дорогѣ одинъ только случай явственно задѣлъ поэтическія струны въ душѣ Гоголя. Это было въ Сѣвскѣ, на Ивана Купалу. Проснувшись на зарѣ, наши путешественники услышали не подалеку отъ постоялаго двора какой-то странный напѣвъ, звонко раздававшійся въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

— Поди послушай, что́ это такое, просилъ Гоголь своего друга : — не купаловыя ли пѣсни? Я бы и самъ пошелъ, но ты знаешь, что я немножко изъ Глухова.

Г. Максимовичъ подошелъ къ сосѣднему дому и увидѣлъ, что тамъ умерла старушка, которую оплакиваютъ поочередно три дочери. Дѣвушки причитывали ей импровизированныя жалобы съ рѣдкимъ искусствомъ и вдохновлялись собственнымъ своимъ плачемъ. Все служило имъ темою для горестнаго речитатива : добродѣтельная жизнь покойницы, ихъ неопытность въ обхожденіи съ людьми, ихъ беззащитное сиротское состояніе и даже разныя случайныя обстоятельства. Напримѣръ, въ то время, какъ плакальщица голосила, на лицо покойницы сѣла му-

ха, и та, схвативъ этотъ случай съ быстротою вдохновенія, тотчасъ вставила въ свою рѣчь два стиха:

«Вотъ и мушенька тебѣ на личенько сѣла,
Не можешь ты мушеньку отогнати!»

Проплакавъ всю ночь, дѣвушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выраженіями своихъ чувствъ, что начали думать вслухъ тоническими стихами. Раза два появлялись онѣ, то та, то другая, на галерейкѣ второго этажа и, перебирая посуду или другія домашнія вещи, продолжали свои вопли и жалобы, «живо напоминая мнѣ, говорилъ г. Максимовичъ, Ярославну, плакавшую рано Путивлю городу на забородѣ....»

Когда онъ разсказалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ поэту изъ подъ Глухова, тотъ былъ пораженъ поэтичностью этого явленія и выразилъ намѣреніе воспользоваться имъ при случаѣ въ «Мертвыхъ Душахъ».

Принося искреннюю благодарность М. А. Максимовичу за сообщеніе мнѣ разсказа о его путешествіи съ Гоголемъ изъ Москвы въ Малороссію, я долженъ, однакожь, сказать, что только соединеніе многихъ другихъ фактовъ изъ жизни поэта помогло мнѣ почувствовать характерную выразительность разныхъ мелкихъ обстоятельствъ этого путешествія. Тутъ я вспомнилъ то, что было сказано С. Т. А*** о трудности біографіи Гоголя, и вношу его слова въ мое сочиненіе, какъ важное дополненіе къ моей характеристикѣ поэта, или, говоря искреннѣе, какъ камертонъ, по которому я выработалъ собственный взглядъ на Гоголя:

«Біографія Гоголя — говоритъ онъ (*) — заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура — въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами — ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они

(*) Московскія Вѣдомости» 1853 года, №. 36.

нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты, искренни его слова и поступки. Дѣло, впрочемъ, понятное: нельзя вдругъ оцѣнить и повѣрить тому чувству, котораго самъ дѣйствительно не имѣешь, хотя безпрестанно говоришь о немъ....»

Далѣе тотъже писатель представляетъ прекрасную характеристику разнообразнаго пониманія Гоголя со стороны знакомыхъ съ нимъ лично.

«Гоголя, какъ человѣка — говоритъ онъ — знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что́ онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило оттого, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него; мало думалъ о томъ, что̀ говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что̀ самъ говоритъ. Къ этому должно прибавить, что разные люди, знавшіе Гоголя въ разныя эпохи его жизни, могли сообщить о немъ другъ другу разныя извѣстія. Да не подумаютъ, что Гоголь мѣшался въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ, съ юношескихъ лѣтъ онъ оставался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіанство становилось чище, строже; высокое значеніе цѣли писателя — яснѣе, и судъ надъ самимъ собою — суровѣе; итакъ, въ этомъ смыслѣ Гоголь измѣнялся. Но даже въ одно и то же время, особенно до послѣдняго своего отъѣзда за границу, съ разными людьми Гоголь казался разнымъ человѣкомъ. Тутъ не было никакого притворства: онъ соприкасался съ ними тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди, или, по крайней мѣрѣ, которыя могли онѣ понять. Такъ, напримѣръ, съ однимъ пріятелемъ, и на словахъ и въ письмахъ, онъ только шутилъ, такъ что всякій хохоталъ, читая эти письма; съ другими говорилъ объ искусствѣ и очень любилъ самъ читать Пушкина, Жуковскаго и Мерзлякова (его переводы древнихъ); съ иными бесѣдовалъ о предметахъ духовныхъ; съ иными упорно молчалъ и даже дремалъ или притворялся спя-

щимъ. Кто не слыхалъ самыхъ противоположныхъ отзывовъ о Гоголѣ? Одни называли его забавнымъ весельчакомъ, обходительнымъ и ласковымъ; другіе — молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ; третьи — занятымъ исключительно духовными предметами. Однимъ словомъ, Гоголя никто не зналъ вполнѣ. Нѣкоторые друзья и пріятели, конечно, знали его хорошо, но знали, такъ сказать, по частямъ. Очевидно, что только соединеніе этихъ частей можетъ составить цѣлое, полное знаніе и опредѣленіе Гоголя.»

Обращаюсь опять къ перепискѣ Гоголя съ П. А. Плетневымъ. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣднія письма Гоголя, то есть писанныя въ 1849 и 1850 годахъ, отличаются отъ предшествовавшихъ имъ несравненно бо́льшимъ соблюденіемъ правилъ правописанія. Въ нихъ встрѣчается даже нѣсколько помарокъ и поправокъ, обнаруживающихъ въ писавшемъ желаніе сообщить своей рѣчи гладкость и окончательную выразительность, тогда какъ прежнія письма ясно показываютъ, что перо его летѣло за мыслью, не оглядываясь назадъ. Объ усовершенствованіяхъ въ почеркѣ было уже сказано выше. Слѣдующее письмо написано съ замѣтнымъ стараніемъ, на полномъ листѣ почтовой бумаги.

«Декабря 2-го 1850. Одесса.

«Пишу, какъ видишь, изъ Одессы, куда убѣжалъ отъ суровости зимы. Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, далась мнѣ знать сильно. Думалъ было, что укрѣпился и запасся здоровьемъ на югѣ надолго, но не тутъ-то было. Зима третьяго года кое-какъ перекочкалась, но прошлаго — едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время пропало даромъ; а время мнѣ дорого. Работа моя — жизнь; не работается — не живется, хотя покуда это и не видно другимъ. Отнынѣ хочу устроиться такъ, чтобы три зимніе мѣсяцы въ году проводить внѣ Россіи подъ самымъ благотворнѣйшимъ климатомъ, имѣющимъ свойство весны и осени въ зимнее время, то есть свойство благотворное для моей головы во время работы. Я уже испыталъ, что дѣло идетъ у меня какъ слѣдуетъ только тогда, когда все утружденіе, нанесенное головѣ поутру, развѣется въ остальное время дня прогулкой и добрымъ движеніемъ на благорастворенномъ воздухѣ (а здѣсь въ прошломъ году мнѣ нельзя было даже вы-

ходить изъ комнаты). Если это не дѣлается, голова на другой день тяжела, не способна къ работѣ. И никакія движенія въ комнатѣ (сколько ихъ ни выдумывалъ) не могутъ помочь. Слабая натура моя такъ уже устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, гдѣ тепло *не натопленное*. Слѣдовало бы и теперь выѣхать хоть въ Грецію: за тѣмъ, признаюсь, и пріѣхалъ въ Одессу. Но такая одолѣла лѣнь, такъ стало жалко разлучаться и на короткое время съ Православной Русью, что рѣшился остаться здѣсь, понадѣясь на русскій авось: то есть, авось либо русская зима въ Одессѣ будетъ сколько нибудь милостивѣй московской. Разумѣется, при этомъ случаѣ стало представляться, что и вонь, накуренная послѣдними политическими событіями въ Европѣ, еще не совершенно прошла, и просьба о паспортѣ, которую хотѣлъ было отправить къ тебѣ, осталась у меня въ портфелѣ. Впрочемъ, уже и поздно: къ веснѣ во всякомъ случаѣ мнѣ нужно бы возвращаться въ Россію. Намѣренія мои теперь вотъ какого рода: въ концѣ весны или въ началѣ лѣта предполагаю быть въ Петербургѣ, затѣмъ, чтобы, во первыхъ, повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ и перечесть вмѣстѣ все то, что̀ хочется вамъ прочитать, а во вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и приступить къ печатанію. Увѣдомь меня теперь же, какіе у тебя планы на лѣто. Какъ бы устроиться намъ такъ, чтобы провести его гдѣ нибудь на морскихъ водахъ, въ Ревелѣ или въ иномъ мѣстѣ. Я думаю, что взаимныя бесѣды намъ будутъ нужнѣй, чѣмъ когда либо прежде. Не полѣнись, напиши теперь же, присообща къ этому хоть два слова о своемъ житьѣ и о милыхъ, близкихъ твоему сердцу, которымъ всѣмъ передай душевный мой поклонъ.

«Твой Н. Гоголь.

«Адресъ: Въ Одессѣ, первой части перваго квартала, въ домѣ Трощинскаго.»

Буду продолжать автобіографію Гоголя, сохранившуюся въ его письмахъ.

«Одесса. Января 25-го 1851.

«Благодарю тебя много за обстоятельное и милое твое письмо. Отъ всей души поздравляю тебя съ замужствомъ милой дочери и прошу также отъ меня передать ей поздравленіе. Радъ, что здоровье твое укрѣпилось отъ холоднаго леченія. Я тоже имѣлъ отъ него пользу. Намъ всѣмъ русскимъ нужно помнить и твер-

дить себѣ беспрестанно: ничего не доводи до излишества! Въ наши съ тобой лѣта совершенно переламывать привычки и прежній обычай жизни опасно, а понемногу оставлять ихъ, трезвиться тѣломъ и духомъ очень недурно и даже непремѣнно слѣдуетъ. Иначе какъ разъ потеряешь равновѣсіе между тѣломъ и духомъ. Я уже давно веду образъ жизни регулярный, или, лучше, необходимый слабому моему здоровью. Занимаюсь только поутру; въ одиннадцатомъ часу вечера — въ постели. Стаканъ холодной воды натощакъ и въ вечеру. Но большое употребленіе холодной воды и обливаніе вредитъ, производя во мнѣ большую испарину. ВъОдессѣ полагаю пробыть до апрѣля. Пріѣздъ Жуковскаго въ Москву, можетъ быть, нѣсколько измѣнитъ мой маршрутъ, и вмѣсто весны придется, можетъ быть, въ Петербургъ осенью. Впрочемъ, это еще вреднѣе. Покуда будь здоровъ: не забывай меня. А мнѣ хочется очень съ тобой, по старинѣ, запершись въ кабинетѣ, въ виду книжныхъ полокъ, на которыхъ стоятъ друзья наши, уже нынѣ отшедшіе, потолковать и почитать, вспомнивъ старину. Но это не могло и не можетъ быть, покуда не готово то, о чемъ нужно говорить. Будь готовъ— разговоримся такъ, что и языка не уймемъ. Вѣдь старость болтлива, а мы, благодаря Бога, уже у вратъ ея. Будь здоровъ.

«Твой весь

«Н. Г.»

«Я писалъ тебѣ еще съ Мурзакевичемъ, ѣхавшимъ отсюда къ вамъ. Если вздумается порадовать строчкой, адресуй къ Шевыреву въ Москву.»

Изъ Одессы Гоголь въ послѣдній разъ переѣхалъ въ свою предковскую деревню и провелъ тамъ въ послѣдній разъ самую цвѣтущую часть весны; потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидала его могила. Вотъ его послѣднее письмо изъ Малороссіи:

Полтава. Мая 6. (1851.)

«Милое, доброе твое письмо получилъ уже здѣсь, въ деревнѣ моей матушки. Изъ Одессы выслали мнѣ его довольно поздно, видно въ наказанье за то, что я свое отправилъ къ тебѣ довольно поздно. Все, дѣйствительно, случилось такъ, какъ ты предположилъ: ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ оно было написано, запечатано и, казалось, какъ бы уже и отправлено на почту, нашлось оно въ моемъ письменномъ столѣ. Что прика-

жешь дѣлать? Видно горбатаго могила исправитъ. Кажется, какъ бы я преуспѣваю со дня на день въ этой добродѣтели. За-то тѣмъ признательнѣе принялъ и прочелъ я знакъ твоего непамятозлобія, твое милое и милующее письмо. На замѣчаніе только твое о моей молодости скажу: увы! два года, какъ уже пошелъ мнѣ пятый десятокъ, а сталъ ли я умнѣй, Богъ вѣсть одинъ. Знать, что прежде не былъ уменъ еще, не значитъ поумнѣть. Что второй томъ «Мертвыхъ Душъ» умнѣе перваго — это могу сказать, какъ человѣкъ, имѣющій вкусъ и притомъ умѣющій смотрѣть на себя, какъ на чужого человѣка, такъ что, можетъ быть, С*** отчасти и права; но какъ разсмотрю весь процессъ, какъ творилось и производилось его созданье, вижу, что уменъ только тотъ, кто творитъ и зиждетъ все, употребляя насъ всѣхъ вмѣсто кирпичей для постройки по тому фасаду и плану, котораго Онъ одинъ истинно разумный Зодчій.

«Съ тобою всячески постараюсь увидѣться. Теперь ѣду въ Москву. Всякія письма и замѣчанія, какія были тебѣ присланы насчетъ «Мертвыхъ Душъ», запечатавъ въ одинъ пакетъ, пошли ко мнѣ, адресуя на имя Шевырева, а если присоединишь къ этому двѣ-три строчки собственнаго письмеца, — впередъ посылаю тебѣ самое душевное спасибо. Всѣмъ тебѣ близкимъ братскій поклонъ.

«Твой весь

«Н. Гоголь.»

Итакъ, вотъ мнѣніе самого автора о второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», хотя онъ все еще не былъ доволенъ своимъ созданіемъ и совершенствовалъ его почти до самой смерти. «Безпрестанно поправляю — говорилъ онъ зимою 1850—51 года г. Максимовичу — и всякій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще ненаписанныя. Только вотъ съ первой главы туманъ сошелъ.» Въ іюлѣ 1851 года Гоголь, однакожь, писалъ къ П. А. Плетневу о приготовленіяхъ къ печати второго тома «Мертвыхъ Душъ». Вотъ это письмо:

«Москва, 15 іюля.

«Пишу къ тебѣ изъ Москвы, усталый, изнемогшій отъ жару и пыли. Поспѣшилъ сюда съ тѣмъ, чтобы заняться дѣлами по части приготовленья къ печати «Мертвыхъ Душъ» второго тома и до того изнемогъ, что едва въ силахъ водить перомъ, чтобы

написать нѣсколько строчекъ записки, а не то что поправить или даже переписать то, чтó нужно переписать. Гораздо лучше просидѣть было лѣто дома и не торопиться; но желаніе повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ было тоже причиной моего нетерпѣнья. — — — Второе изданіе моихъ сочиненій нужно уже и потому, что книгопродавцы дѣлаютъ разныя мерзости съ покупщиками, требуютъ по сту рублей за экземпляръ и распускаютъ подъ рукой вѣсти, что второго изданія не будетъ. — — — Прежде хотѣлъ было вмѣстить нѣкоторыя прибавленія и перемѣны, но теперь не хочу: пусть все остается въ томъ видѣ, какъ было въ первомъ изданіи. — — — Писалъ бы еще кое о чемъ, но въ силу вожу перомъ — весь расклеился. Передай душевный поклонъ моей достойной твоей супругѣ, о которой коечто слышалъ отъ С*** ; Балабинымъ, если увидишь, также мой душевный поклонъ. Получилъ пересланное тобою описаніе филармоническаго быта въ большомъ свѣтѣ по поводу «Мертвыхъ Душъ». Двѣ страницы пробѣжалъ, правописанье не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мнѣ, наблюдательность и жизнь. Ради Бога, передай, чтó знаешь о Жуковскомъ, да и о себѣ также. Письма адресуй по прежнему на имя Шевырева.

«Твой весь

«Н. Гоголь.

«Правда ли, что князь В*** въ сильной хандрѣ?»

Гоголь проскучалъ въ Москвѣ все лѣто, тѣмъ болѣе, что всѣ его знакомые жили по дачамъ; наконецъ, получивъ извѣстіе о выходѣ замужъ одной изъ своихъ сестеръ, рѣшился ѣхать къ ней на свадьбу. Вышло, однакожь, не такъ. Приближаясь къ Калугѣ, онъ почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ грусти, которые помрачали для него всѣ радости жизни и лишали его власти надъ своими силами. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно прибѣгалъ къ молитвѣ, и молитва всегда укрѣпляла его. Такъ поступилъ онъ и теперь: заѣхавъ въ Оптину пустынь, онъ провелъ въ ней нѣсколько дней посреди смиренной братіи, и уже не поѣхалъ на свадьбу, а воротился въ Москву. Первый визитъ его былъ сдѣланъ О. М. Бодянскому, который не выѣзжалъ на дачу, и на вопросъ его, зачѣмъ онъ воротился, отвѣчалъ:

— Такъ; мнѣ сдѣлалось какъ то грустно.

И этимъ ограничивается все, что мы знаемъ о состояніи души поэта въ то время.

Наступила осень; съѣхались въ городъ разсѣянные вокругъ Москвы обитатели дачъ. Жизнь Гоголя потекла тѣмъ же порядкомъ, что и въ прошломъ году. Онъ ужь не чувствовалъ себя одинокимъ во время своихъ отдыховъ. Въ Москвѣ зимою проживало два-три семейства, въ которыхъ онъ былъ принятъ какъ родной. Тамъ каждый былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ нему, каждый зналъ его привычки, его любимыя удовольствія и всѣ старались угодить ему. Отправляясь туда на обѣдъ или на вечеръ, онъ не имѣлъ надобности надѣвать ненавистный для него фракъ (*) или совѣтоваться съ модою касательно цвѣта и покроя своего жилета, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ вообще меньше, нежели въ Петербургѣ, соблюдаются уставы своенравнаго comme il faut. За столомъ въ пріятельскихъ домахъ онъ находилъ любимыя свои кушанья и между прочимъ вареники, которые онъ очень любилъ и за которыми не разъ разсказывалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ на родинѣ всякій разъ, какъ подавались на столъ вареники, непремѣнно произносилъ къ нимъ слѣдующее воззваніе:

«Вареныки-побидёныки! сыромъ бокы позапыханы, масломъ очи позалываны — вареники-побидёныки! — — —»

Это обстоятельство между прочимъ показываетъ, до какой степени Гоголь чувствовалъ себя своимъ въ домахъ московскихъ друзей своихъ. Онъ могъ ребячиться тамъ такъ же, какъ и въ родной Яновщинѣ, могъ распѣвать украинскія пѣсни своимъ, какъ онъ называлъ, «козлинымъ» голосомъ, могъ молчать сколько ему угодно, и находилъ всегда не только внимательныхъ слушателей въ тѣ минуты, когда ему приходила охота читать свои произведенія (**), но и строгихъ критиковъ.

(*) Живя въ Петербургѣ, еще во времена «Миргорода» и «Ревизора», Гоголь былъ принятъ очень радушно въ одномъ домѣ, гдѣ къ обѣду непремѣнно надобно было являться во фракѣ. Чтобъ уклониться отъ соблюденія этой церемоніи, Гоголь подкалывалъ булавками полы своего сюртука и являлся такимъ образомъ къ обѣду. Хозяева, по добротѣ своей, старались не замѣчать этой дикой выходки и прощали ее поэту.

(**) Гоголю не нравилось, когда его упрашивали читать его сочиненія въ то время, когда онъ не чувствовалъ къ тому охоты. Въ одномъ аристократическомъ домѣ хозяйка, не зная еще, какъ онъ упрямъ, за-

Приближаясь въ моемъ повѣствованіи къ концу многоскорбной жизни Гоголя, я, съ особеннымъ удовольствіемъ и съ чувствомъ благодарности за всѣхъ почитателей его таланта, останавливаюсь на его дружескихъ связяхъ съ такими домами, какъ домъ А—выхъ, домъ Х—хъ, домъ Э—хъ, домъ графовъ Т***. Это были прохладные оазисы въ земномъ странствованіи нашего поэта, гдѣ онъ утолялъ сердечную жажду и запасался свѣжими нравственными силами для дальнѣйшаго пути.

Въ это время онъ постоянно былъ занятъ по утрамъ окончательною отдѣлкою второго, а можетъ быть и третьяго тома «Мертвыхъ Душъ», которые спѣшилъ окончить, какъ бы предчувствуя близость своей смерти. Вотъ его послѣднее, коротенькое письмо къ П. А. Плетневу, выражающее слабость его силъ, которыя такъ были нужны для довершенія великаго его подвига. На этомъ письмѣ стоитъ печальная отмѣтка того, къ кому оно адресовано:

«24 февраля получено извѣстіе, что Н. В. скончался въ Москвѣ 21 февраля 1852.»

«Москва. Ноября 30 (1851).

«Извини, что не писалъ къ тебѣ. Все собираюсь. Время такъ летитъ. Свѣжихъ минутъ такъ немного, такъ торопишься ими воспользоваться, такъ занятъ тѣмъ дѣломъ, которое бы хотѣлось скорѣй привести къ окончанію, что и двѣ строчки къ другу кажутся какъ бы тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печатанье сочиненій, слава Богу, устроилось и здѣсь. Что же до печатанья новыхъ, то, впрочемъ, въ нихъ, кажется, все такъ ясно и должно быть отчетливо, что, я думаю, и они пойдутъ въ дѣло.

«Чтò дѣлаешь ты? Напиши также хоть строчки двѣ о С***. Я о ней ни слуху, ни духу.

«Твой весь.

«А Жуковскій — чтò и гдѣ? Я предъ нимъ тоже виноватъ: не писалъ, все ожидая пріѣзда, а наконецъ не знаю даже и куда адресовать.»

---

ставила его прочитать что нибудь изъ «Мертвыхъ Душъ», несмотря на всѣ его отговорки. Чтобъ помучить ее въ свою очередь, Гоголь развернулъ поэму на первой главѣ и прочиталъ описаніе губернской гостинницы.

Я имѣю еще одинъ документъ, показывающій, чѣмъ дышала до конца жизни нѣжная и высокая натура Гоголя. Это — письмо его къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, писанное поэтомъ изъ Москвы только за два мѣсяца до смерти, — именно отъ 22 декабря 1851 года. Помѣщаю здѣсь его вполнѣ.

«Все собирался писать къ тебѣ, милая сестра Ольга, и все, за разными помѣхами, не удосужился. Не знаю, какъ благодарить за здоровье матушки Бога; вѣрно молитвы тѣхъ святыхъ людей, которыхъ мы просили за нее молиться, причиной; во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ ежеминутно благодарить Бога, благодарить его радостно, весело. Не быть радостнымъ, не ликовать духомъ — даже грѣхъ. Поэтому и ты не грусти, ничѣмъ не смущайся, не пребывай въ тоскѣ, но веселись безпрестанно въ безпрестанномъ выраженіи благодарности; вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной пѣсней благодаренія Богу. О, если бы сдѣлать такъ, чтобы никогда и времени не доставало для всякихъ другихъ рѣчей, кромѣ ликующихъ рѣчей вѣчной признательности Богу.

«Жаль мнѣ, что отецъ Григорій плохо прочелъ народу бесѣды *Сельскаго Священника;* не лучше ли бы прочелъ твой кумъ? Ты его заставь прочитать тебѣ самой прежде, подъ тѣмъ предлогомъ, что духовная книга тебѣ самой становится понятнѣй, когда читаетъ ее принявшій рукоположеніе св. Духа. Прочитавъ сначала тебѣ, онъ въ другой разъ прочитаетъ лучше народу, какъ уже знакомое.

«За посадку деревъ тебя очень благодарю, за наливки также. Весной, если поможетъ Богъ управиться со всѣми здѣшними дѣлами, надѣюсь заглянуть къ вамъ и, можетъ быть, часть лѣта проведемъ вмѣстѣ. Какъ только сдѣлается потеплѣе, пришлю тебѣ сѣмянъ для посѣва кое-какой огородины.

«За тѣмъ поздравляю тебя съ наступающимъ Новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы онъ и тебѣ и всѣмъ добрымъ людямъ былъ въ радость и ликованье.

«Твой весь, тебя любящій братъ

«Н. Гоголь.»

Въ это время онъ еще не думалъ о своей кончинѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которыя надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ. За девять дней до Масляной О. М. Бодян-

скій видѣлъ его еще полнымъ энергической дѣятельности. Онъ засталъ Гоголя за столомъ, который стоялъ почти посреди комнаты, и за которымъ поэтъ обыкновенно работалъ сидя. Столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ. На столѣ разложены были бумаги и корректурныя листы. Г. Бодянскій, обладая прекрасною памятью, помнитъ отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Гоголемъ.

— Чѣмъ это вы занимаетесь, Николай Васильевичъ? спросилъ онъ, замѣтивъ, что передъ Гоголемъ лежала чистая бумага и два очиненныя пера, изъ которыхъ одно было въ чернильницѣ.

— Да вотъ мараю все свое, отвѣчалъ Гоголь: — да просматриваю корректуру набѣло своихъ сочиненій, которыя издаю теперь вновь. (*)

— Все ли будетъ издано?

— Ну, нѣтъ; кое-что изъ своихъ юныхъ произведеній выпущу.

— Чтò же именно?

— Да «Вечера».

— Какъ! вскричалъ, вскочивъ со стула, гость. — Вы хотите посягнуть на одно изъ самыхъ свѣжихъ произведеній своихъ?

— Много въ немъ незрѣлаго, отвѣчалъ спокойно Гоголь. — Мнѣ бы хотѣлось дать публикѣ такое собраніе своихъ сочиненій, которымъ я былъ бы въ теперешнюю минуту больше всего доволенъ. А послѣ, пожалуй, кто хочетъ, можетъ изъ нихъ (т. е. «Вечеровъ на Хуторѣ») составить еще новый томикъ.

Г. Бодянскій вооружился противъ поэта всѣмъ своимъ красворѣчіемъ, говоря, что еще не настало время разбирать Гоголя, какъ лицо мертвое для русской литературы, и что публикѣ хотѣлось бы имѣть все то, чтò онъ написалъ, и притомъ въ порядкѣ хронологическомъ, изъ рукъ самого сочинителя.

Но Гоголь на всѣ убѣжденія отвѣчалъ:

— По смерти моей, какъ хотите, такъ и распоряжайтесь.

Слово *смерть* послужило переходомъ къ разговору о Жуковскомъ. Гоголь призадумался на нѣсколько минутъ и вдругъ сказалъ:

---

(*) Они печатались разомъ въ трехъ типографіяхъ.

— Право, скучно какъ посмотришь кругомъ на этотъ свѣтъ. Знаете ли вы? Жуковскій пишетъ ко мнѣ, что онъ ослѣпъ?

— Какъ! воскликнулъ г. Бодянскій: — слѣпой пишетъ къ вамъ, что онъ ослѣпъ?

— Да: нѣмцы ухитрились устроить ему какую-то штучку.... Семене! закричалъ Гоголь своему слугѣ по малороссійски: — ходы сюды.

Онъ велѣлъ спросить у графа Т***, въ квартирѣ котораго онъ жилъ, письмо Жуковскаго. Но графа не было дома.

— Ну, да я вамъ послѣ письмо привезу и покажу, потому что — знаете ли? — я распорядился безъ вашего вѣдома. Я въ слѣдующее воскресенье собираюсь угостить васъ двумя-тремя напѣвами нашей Малороссіи, которые очень мило Н. С. положила на ноты съ моего козлинаго пѣнья; да при этомъ упьемся и прежними нашими пѣснями. Будете ли вы свободны вечеромъ?

— Ну, не совсѣмъ, отвѣчалъ гость.

— Какъ хотите, а я ужь распорядился, и мы соберемся у О. Ѳ. часовъ въ семь; а впрочемъ, для бо́льшей вѣрности, вы не уходите; я самъ къ вамъ заѣду, и мы вмѣстѣ отправимся на Поварскую.

Г. Бодянскій ждалъ его до семи часовъ вечера въ воскресенье, наконецъ, подумавъ, что Гоголь забылъ о своемъ обѣщаніи заѣхать къ нему, отправился на Поварскую одинъ; но никого не засталъ въ домѣ, гдѣ они условились быть, потому что въ это время умеръ одинъ общій другъ всѣхъ московскихъ пріятелей Гоголя — именно жена поэта Хомякова — и это печальное событіе разстроило послѣдній музыкальный вечеръ, о которомъ хлопоталъ онъ.

Г-жа Хомякова была родная сестра поэта Языкова, одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя. Гоголь крестилъ у нея сына и любилъ ее, какъ одну изъ достойнѣйшихъ женщинъ, встрѣченныхъ имъ въ жизни. Смерть ея, послѣдовавшая послѣ кратковременной болѣзни, сильно потрясла его. Она потрясла его не одною горестью, какую каждый изъ насъ чувствуетъ, лишась близкаго сердцу человѣка. Душа поэта, постоянно настроенная на высокій ладъ, постоянно обращенная чуткою своею стороною къ таинственному замогильному міру, исполнилась священнаго ужаса и сокрушительной скорби, заглянувъ въ дверь, кото-

рая распахнулась передъ нимъ на мгновеніе и снова закрыла отъ него свои тайны. Эти чувства питалъ онъ въ себѣ съ самаго дѣтства, и они были еще съ того времени «источникомъ слезъ, никому не зримыхъ», но проявлялись въ немъ во всей сокрушительной своей силѣ только въ моменты глубокаго душевнаго страданія. Такимъ моментомъ была для него утрата г-жи Хомяковоіі. Но онъ разсматривалъ это явленіе съ своей высокой точки зрѣнія и примирился съ нимъ у гроба усопшей.

— Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти, произнесъ онъ, глядя на нее: — жизнь не была бы такъ прекрасна, если бы не было смерти.

Но это высшее умственное созерцаніе не спасло его сердца отъ рокового потрясенія: онъ почувствовалъ, что боленъ тою самою болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его, — именно, что на него «нашелъ страхъ смерти», и признался въ этомъ своему духовнику. Духовникъ успокоилъ его сколько могъ; но Гоголь во вторникъ на Масляницѣ явился къ нему, объявилъ, что говѣетъ, и спрашивалъ, когда можетъ пріобщиться. Назначенъ былъ для этого четвергъ. Пріятели Гоголя замѣтили, что онъ болѣе обыкновеннаго былъ блѣденъ и слабъ. Онъ и самъ говорилъ, что чувствуетъ себя худо, и что рѣшился попоститься и поговѣть.

— Зачѣмъ же на Масляной? спрашивали его.

— Такъ случилось, отвѣчалъ онъ: — вѣдь и теперь церковь читаетъ: «Господи, владыко живота моего», и поклоны творятся.

Занятія корректурою прекращены были имъ еще съ понедѣльника на Масляницѣ. Онъ говорилъ, что ему «теперь нѣкогда этимъ заниматься», — но продолжалъ посѣщать нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ и казался спокойнѣе прежняго, хотя видимо былъ изнуренъ какою-то усталостью. Друзья приписывали это посту, и никто не зналъ, что онъ ужь нѣсколько дней питается одною просфорою, уклоняясь, подъ различными предлогами, отъ употребленія болѣе сытной пищи. Въ четвергъ онъ явился въ церковь св. Саввы Освященнаго, въ отдаленной части города, еще до начатія заутрени, и исповѣдался у своего духовника; передъ принятіемъ святыхъ даровъ, у обѣдни, палъ ницъ и долго плакалъ. Въ движеніяхъ его замѣтна была чрезвычайная слабость; онъ едва держался на ногахъ. Несмотря на то, вечеромъ

онъ опять пріѣхалъ къ тому же священнику и просилъ отслужить благодарственный молебенъ, упрекая себя, что забылъ исполнить это поутру.

Во все время говѣнья и прежде того — можетъ быть, со дня смерти г-жи Хомяковой — онъ проводилъ бóльшую часть ночей въ молитвѣ, безъ сна. Въ ночь съ пятницы на субботу, послѣ говѣнья, онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, и, стоя на колѣняхъ передъ образомъ, услышалъ голоса, которые говорили ему, что онъ умретъ. Трепеща за спасеніе своей души, которую все еще не считалъ достаточно приготовленною къ переходу въ вѣчность, онъ тотчасъ разбудилъ своего слугу Семена и послалъ его за священникомъ, съ просьбой соборовать его масломъ. Священникъ, поспѣшивъ на его зовъ, нашелъ его, однакожь, ужь въ болѣе спокойномъ состояніи духа. Гоголь просилъ извиненія, что побезпокоилъ его, и отложилъ до другого дня совершеніе таинства..

Какъ ни ужасно было его положеніе, какъ ни глубоко была взволнована душа его видомъ смерти, шедшей къ нему на встрѣчу со всѣми своими загробными тайнами, но любовь къ ближнему оставалась въ немъ по прежнему могущественнымъ инстинктомъ. Въ субботу онъ посѣтилъ осиротѣлаго своего друга, г. Хомякова, и старался утѣшить его своимъ участіемъ. Этимъ оправдываются слѣдующія слова его «Завѣщанія» (стр. 8—9) :

«.... и я, какъ ни былъ самъ по себѣ слабъ и ничтоженъ, всегда ободрялъ друзей моихъ, и никто изъ тѣхъ, кто сходился поближе со мной въ послѣднее время, никто изъ нихъ, въ минуты своей тоски и печали, не видалъ на мнѣ печальнаго вида, хотя и тяжки были мои собственныя минуты и тосковалъ я не меньше другихъ.»

Наконецъ не стало въ немъ больше силъ двигаться; онъ пересталъ выѣзжать и слегъ въ постель, но и тутъ еще поднимался съ одра болѣзни и ходилъ на молитву въ домовую церковь, гдѣ, по случаю говѣнья графа и графини Т***, совершалась божественная служба. Видя, что это его изнуряетъ, они прекратили говѣнье. Гоголь не переставалъ молиться и готовиться къ смерти. Вѣруя слышаннымъ на молитвѣ голосамъ, онъ былъ совершенно убѣжденъ въ неизбѣжности близкой кончины. Тутъ

въ немъ заговорилъ инстинктъ безсмертія, по внушенію котораго каждый изъ насъ старается оставить по себѣ воспоминаніе хоть въ одномъ сердцѣ на землѣ, — инстинктъ, выраженный прекрасно Жуковскимъ въ «Сельскомъ кладбищѣ» (¹) и самимъ Гоголемъ въ разсказѣ о сожженіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» въ 1846 году. (²)

— Видя передъ собою смерть, говорилъ онъ: — мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее.

Сколько главъ второго тома его поэмы было написано имъ вновь, навѣрное неизвѣстно. Нѣкоторымъ изъ друзей своихъ онъ читалъ до семи, а судя по его заботамъ о представленіи въ цензуру, надобно думать, что это было уже полное, замкнутое созданіе. Какъ бы то ни было, однакожь, почувствовавъ приближеніе смерти, Гоголь вознамѣрился раздать по главѣ лучшимъ друзьямъ своимъ. Позвавъ къ себѣ графа Т***, онъ просилъ его принять на сохраненіе его бумаги, а по смерти его отвезти къ одной духовной особѣ и просить ея совѣта, что напечатать и что оставить въ рукописи. Графъ отказался принять бумаги, чтобъ не показать больному, что и другіе считаютъ его положеніе безнадежнымъ, и это дружеское самоотверженіе имѣло послѣдствія ужасныя.

Въ волненіи мрачныхъ чувствъ, явившихся въ душѣ его при видѣ подступающей смерти, Гоголь подвелъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божіи. Душа его, какъ въ памятный 1845 годъ, «замерла отъ ужаса при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ; весь умирающій составъ его застоналъ, почуявъ исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымут-

(¹) «Ахъ, нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой.»

(²) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 151.

ся....» ([1]) Онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ и органомъ истины, которую хотѣлъ выразить своимъ твореніемъ, и потому самое твореніе представилось ему вреднымъ для ближнихъ, какъ все, чтó не отъ истины. Изливъ свою душу предъ Создателемъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до трехъ часовъ ночи, онъ рѣшился снова исполнить подвигъ высокаго самоотверженія, за который уже однажды былъ награжденъ духовнымъ ликованіемъ и возрожденіемъ сожженнаго «въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ».

Важную роль играло здѣсь то обстоятельство, что онъ не смотрѣлъ на себя собственно какъ на дѣятеля литературнаго. «Дѣло мое проще и ближе — говорилъ онъ — дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое *душа* и *прочное дѣло жизни.*» ([2]) Онъ смотрѣлъ на себя просто какъ на существо, которому «повелѣно было быть въ мірѣ и освобождаться отъ своихъ недостатковъ» ([3]); но это самоочищеніе постоянно соединялось въ немъ съ тѣмъ, чтó онъ на своемъ особенномъ языкѣ называлъ *прочнымъ дѣломъ жизни*. Соединеніе въ себѣ этихъ двухъ нераздѣльныхъ подвиговъ высокаго христіанина высказалъ онъ, переселяясь душою, незамѣтно для самого себя, въ другого поэта и указавъ въ немъ самому себѣ цѣль поэзіи, какъ онъ понималъ ее, и средства достигнуть этой цѣли.

«Стряхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣни предъ Богомъ и проси у него гнѣва и любви! гнѣва — противу того, чтó губитъ человѣка, любви — къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ, и которую губитъ онъ самъ. Найдешь слова, найдутся выраженія; огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ Пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посыпавъ пепломъ главу, раздравши ризы, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу, и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе Богоизбраннаго своего народа.» ([4])

---

([1]) Тамъ же, стр. 11.
([2]) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 153.
([3]) Тамъ же, стр. 150.
([4]) Тамъ же, стр. 120.

Онъ, видно, не считалъ еще себя достигнувшимъ такого высокаго душевнаго совершенства, чтобы слова его были огнями, воспламеняющими добродѣтелью души и озаряющими «ясно какъ день пути и дороги къ ней для всякаго»; онъ не дерзнулъ помыслить передъ смертнымъ часомъ, чтобы его твореніе «устремило общество или даже все поколѣніе къ прекрасному» (*), и опредѣлилъ — сдѣлать его тайной между собой и Тѣмъ, отъ Кого онъ получилъ первое поэтическое наитіе.

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего мальчика Семена, надѣлъ теплый плащъ, взялъ свѣчу и велѣлъ Семену слѣдовать за собой въ кабинетъ. Въ каждой комнатѣ, черезъ которую они проходили, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ приказалъ онъ мальчику открыть какъ можно тише трубу и, отобравъ изъ портфеля нѣкоторыя бумаги, велѣлъ свернуть ихъ въ трубку, связать тесемкою и положить въ каминъ. Мальчикъ бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь, чтобъ не жалѣть, когда выздоровѣетъ.

— Не твое дѣло, отвѣчалъ Гоголь и самъ зажегъ бумаги.

Обгорѣли углы тетрадей, и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и ворочалъ бумаги, крестясь и тихо творя молитву, до тѣхъ поръ, пока онѣ превратились въ пепелъ. Окончивъ свое auto da fe, онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло.

Мальчикъ плакалъ и говорилъ:

— Что̀ это вы сдѣлали!

— Тебѣ жаль меня (**)? сказалъ Гоголь, обнявъ его, поцаловалъ и самъ заплакалъ.

Потомъ онъ воротился въ спальню, крестясь по прежнему въ каждой комнатѣ, — легъ на постель и заплакалъ еще сильнѣе. Это было въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли Великаго поста.

На другой день онъ объявилъ о томъ, что̀ сдѣлалъ, графу съ раскаяніемъ; жалѣлъ, что отъ него не приняли бумагъ, и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа.

---

(*) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 153.

(**) Эти самыя слова сказалъ раненый Пушкинъ своему слугѣ, когда тотъ несъ его на рукахъ.

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ никого изъ друзей своихъ, или допускалъ ихъ только на нѣсколько минутъ и потомъ просилъ удалиться, подъ предлогомъ, что ему дремлется, или что онъ не можетъ говорить. На всѣ убѣжденія принять медицинскія пособія, онъ отвѣчалъ, что они ему не помогутъ, и, уступивъ уже не задолго передъ кончиною настояніямъ друзей, безпрестанно просилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ.

Такъ прошли первая недѣля поста и половина второй. Все свое время Гоголь проводилъ въ молитвѣ или въ молчаливомъ размышленіи, почти не говорилъ ни съ кѣмъ, но, повинуясь, видно, долговременной привычкѣ мыслить на бумагѣ, писалъ дрожащею рукою изреченія изъ Евангелія, молитву Іисусу Христу и между прочимъ написалъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Какъ поступить, чтобы вѣчно, признательно и благодарно помнить въ сердцѣ полученный урокъ?»

Относились ли они къ тому «необыкновенному событію», которымъ онъ былъ наведенъ на мысль передавать своимъ героямъ темныя побужденія своего сердца, или къ какому нибудь другому «душевному обстоятельству», это, можетъ быть, навсегда останется необъясненнымъ; но, оставляя въ сторонѣ частный смыслъ ихъ, нельзя не подивиться высокому свойству души поэта — до конца жизни сгарать жаждою совершенства.

Доскажу въ немногихъ словахъ исторію внѣшней его жизни такъ, какъ она передана мнѣ очевидцами.

Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться масломъ. На это онъ согласился съ радостію и выслушалъ всѣ Евангелія, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Во вторникъ ему какъ будто сдѣлалось легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой нервической горячки, а утромъ въ четвергъ 21 февраля его не стало.

Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24 февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя московскаго учебнаго округа и многихъ почетныхъ лицъ

древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами Университета и до самаго Данилова монастыря несенъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похороненъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ опредѣлено его почитателями вырѣзать слѣдующія слова пророка Іереміи (гл. 8, ст. 20): «Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся.»

---

# ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

## Дворянскій протоколъ Гоголя.

1784 года, октября 19 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, Кіевскаго намѣстничества дворянское собраніе разсматривали доказательства, представленныя отъ полкового писаря Афанасія Гоголя Яновскаго, съ которыхъ усмотрѣно: 1) что прадѣдъ его Андрей Гоголь, будучи въ чинѣ полковничьемъ, жалованъ былъ привиллегіею Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира, въ 1674 году, на деревню Ольховецъ; 2) что онъ владѣетъ жалованнымъ по универсалу бывшаго малороссійскаго гетмана и кавалера Разумовскаго дѣду жены его полковнику Танскому, вмѣсто жалованной было Высочайшею грамотою блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ деревни Озерянъ, въ деревнѣ Решоткахъ, Липлявомъ, Бубновѣ и Келебердѣ состоящемъ; 3) что онъ, за усердно и добропорядочно продолженную имъ чрезъ немалое время въ разныхъ мѣстахъ и должностяхъ службу, произведенъ прошлаго 1782 года, іюня 7 дня, полковымъ писаремъ, въ увѣреніе чего означенные Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира на село Ольховецъ данную привиллегію, на поданное въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, селѣ Келебердѣ и деревнѣ Решоткахъ универсалъ, и на тѣ имѣнія отъ тестя его, бунчуковаго товарища Семена Лизогуба, данную ему уступку, а въ подтвержденіе того,что точно онъ тѣми имѣніями владѣетъ, выпись, изъ суда земскаго черниговскаго 1776 года выданную, также и на настоящій его полкового писаря чинъ патентъ приложилъ. Въ Высочайшемъ же Ея Императорскаго Величества проектѣ о разборѣ дворянства въ 73 пунктѣ предписано въ первую часть родословной книги вносить

роды дѣйствительнаго дворянства, кои отъ Ея Императорскаго Величества и другихъ коронованныхъ главъ въ дворянское достоинство дипломомъ, гербомъ и печатью пожалованы; въ изъясненіи жь, но дабы и тѣмъ родамъ оказать справедливость, кои доказательства имѣютъ на дѣйствительное дворянство до ста лѣтъ, повелѣно и такіе роды вносить въ сію часть. Для того разсудили помянутаго полковаго писаря Яновскаго съ его дѣтьми внесть въ родословную дворянскую кіевскаго намѣстничества книгу, въ первую часть, и изготовить грамоту.

Подлинное подписали:

Губернскій предводитель Григорій Закревскій.
Козелецкаго уѣзда депутатъ Иванъ Афендикъ.
Пирятинскаго уѣзда депутатъ Григорій Савицкій.
Миргородскаго уѣзда депутатъ Николай Зарудній.
Голтвянскаго уѣзда депутатъ Павелъ Остроградскій.
Золотоношскаго уѣзда депутатъ Николай Лѣсеневичъ.
Остерскаго уѣзда депутатъ Николай Соломка.
Лубенскаго уѣзда депутатъ Илья Новицкой.
Хорольскаго уѣзда депутатъ Андрей Кулябка.

## II.

## Классныя упражненія Гоголя.

### 1.

### *О томъ, что требуется отъ критики.*

(Изъ теоріи словесности.)

Что требуется отъ критики? вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе слишкомъ нужно въ наши времена, когда благородная цѣль критики унижена несправедливыми притязаніями, личными выходками, и часто обращается въ позорную брань — слѣдствіе необразованности, отсутствія истиннаго просвѣщенія. Первая главная принадлежность, безъ которой критика не можетъ существовать, это — безпристрастіе; но нужно, чтобы оно нравилось. Умомъ зоркимъ, истинно провѣщеннымъ, могущимъ вполнѣ отдѣлить прекрасное отъ невязщнаго. Критика должна быть строга, чтобы тѣмъ болѣе дать цѣны прекрасному, потому что просвѣщенный писатель не ищетъ безотчетной похвалы и славы, но требуетъ, чтобы она была опредѣлена умомъ строгимъ и вѣрно понявшимъ его мысль, его твореніе. Она должна быть благопріе...., чтобы ни одно выраженіе оскорбительное не вкралось, уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентомъ водила какая нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Слѣдственно, отсутствіе личности также необходимо для критики. Наконецъ послѣднее — нужно, чтобы перомъ рецензента или критика правило истинное желаніе добра и пользы. Оно должно одушевлять всѣ его изысканія и разборы, и быть всегда ея неизмѣннымъ водителемъ, какъ высокій, божескій характеръ души просвѣщеннаго мыслителя.

Н. Гоголь-Яновскій.

Помѣтка профессора:

Изрядно. П. Никольской.

## 2.

### *Изложить законные обряды апелляціи, какъ изъ низшихъ инстанцій и въ Департаментъ Сената.*

**(Изъ русскаго права.)**

Когда недовольны рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ нижнихъ инстанцій, тогда имѣютъ право подавать прошеніе въ инстанцію высшую, въ гражданскую палату, въ томъ, что дѣло ихъ право, и резолюція нижнихъ инстанцій несправедлива. Это называется апелляціею. При внесеніи ея въ гражданскую палату, нужно внесть и пошлинныхъ исковыхъ 12 рублей, послѣ чего гражданская палата требуетъ изъ нижней инстанціи все дѣло и рѣшитъ сама. Но прежде еще внесенія апелляціи онъ долженъ внесть въ нижную инстанцію 25 рублей въ залогъ. Если недоволенъ и рѣшеніемъ гражданской палаты, тогда имѣетъ право апеллевать въ сенатъ, внесши въ гражданскую палату въ залогъ 200 рублей. Вмѣстѣ съ апелляціею онъ представляетъ и свидѣтельство въ томъ, что апелляціонный искъ производился въ срокъ, положенный для сего. Сенатъ, взыскавши 12 пошлинныхъ, принявши апелляцію и свидѣтельство, судитъ въ собраніи сената единогласно; когда же нѣтъ, собираетъ чрезвычайное общее собраніе и рѣшится большинствомъ голосовъ, когда двѣ трети согласны. Но если генералъ-прокуроръ не согласенъ съ сенаторами, то отъ него требуютъ изложенія причинъ, послѣ чего онъ рѣшитъ уже самъ или обще съ государственнымъ совѣтомъ.

Гоголь-Яновскій.

**Помѣтка профессора:**

Хотя не обстоятельно, но понятія о предметѣ видны. Профессоръ Н. Бѣлевичъ.

## III.

## Аттестатъ (*)

Николай Гоголь Яновскій, коллежскаго ассесора Василія Афонасьевича сынъ, поступившій 1 мая 1821 г. въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, окончилъ въ оной полный курсъ ученія въ іюнѣ мѣсяцѣ 1828 г., при поведеніи очень хорошемъ, съ слѣдующими въ наукахъ успѣхами: въ Законѣ Божіемъ съ очень хо-

(*) Редакція «Современника» получила этотъ документъ отъ г. Р-го при слѣдующемъ письмѣ: «Въ февральской книжкѣ «Современника» настоящаго года «помѣщена статья: «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя». Въ статьѣ этой (стр. 50) «авторъ говоритъ: «Особенно не любилъ онъ (Гоголь) математики. Въ языкахъ «онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли «могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ нѣмец«кому и англійскому языкамъ онъ питалъ и впослѣдствіи какое-то отвращеніе.»

«Въ томъ, что онъ не любилъ математики, нѣтъ сомнѣнія: доказательствомъ «тому служитъ отмѣтка въ аттестатѣ его: «съ средственными» успѣхами, и по«добной отмѣтки, къ чести Гоголя, въ другихъ наукахъ нѣтъ. Но что касается «до языковъ французскаго и нѣмецкаго, то трудно согласовать слова автора на«стоящей статьи съ аттестатомъ; ибо во французскомъ языкѣ онъ оказалъ ус«пѣхи «очень хорошіе», и, слѣдовательно, долженъ былъ знать этотъ языкъ такъ, «что могъ читать книгу безъ словаря, ибо, въ противномъ случаѣ, профессоръ «назвалъ бы успѣхи его средственными, какъ, напримѣръ, въ математикѣ. Въ «нѣмецкомъ же языкѣ успѣхи его были «превосходные», и для того, чтобы по«лучить подобную отмѣтку, нельзя было имѣть отвращенія къ этому языку. Тѣмъ «труднѣе согласиться съ авторомъ статьи, что вообще учители, а тѣмъ болѣе «профессоры, языка нѣмецкаго ставили и ставятъ въ укоръ незнаніе его, на «томъ основаніи, что, какъ говорятъ они, безъ этого языка человѣкъ образован«нымъ быть не можетъ, а употребляя слово «превосходные», профессоръ Зингеръ, «по видимому, воздаетъ должное, потому что слово это встрѣчается въ аттестатѣ «Гоголя только два раза.

«Быть можетъ, г. авторъ не имѣетъ въ виду аттестата Гоголя: въ такомъ «случаѣ я считаю долгомъ сообщить редакціи копію съ копіи онаго (находящейся «въ Сенатскомъ Архивѣ).

«Г. Р-ій.»

рошими, въ нравственной философіи съ очень хорошими, въ логикѣ съ очень хорошими, въ россійской словесности съ очень хорошими, въ правахъ римскомъ: съ очень хорошими, въ россійскомъ гражданскомъ съ очень хорошими, въ уголовномъ съ очень хорошими, въ государственномъ хозяйствѣ съ очень хорошими, *въ чистой математикѣ съ средственными*, въ физикѣ и началахъ химіи съ хорошими, въ естественной исторіи съ превосходными, въ технологіи, въ военныхъ наукахъ съ очень хорошими, въ географіи всеобщей и россійской съ хорошими, въ исторіи всеобщей съ очень хорошими, въ языкахъ: латинскомъ съ хорошими, *въ нѣмецкомъ съ превосходными, французскомъ съ очень хорошими*, въ греческомъ (*), и по окончательномъ испытаніи конференціею Гимназіи, на основаніи устава ея, въ 19 день февраля 1845 г. Высочайше утвержденнаго, удостоенъ званія студента и г. министромъ Народнаго Просвѣщенія, въ силу того же устава, утвержденъ въ правѣ на чинъ 14 класса, при вступленіи въ гражданскую службу, съ освобожденіемъ его отъ испытанія для производства въ высшіе чины, и при вступленіи въ военную службу, чрезъ шесть мѣсяцевъ, въ нижнихъ званіяхъ, на чинъ офицера, хотя бы въ полку, въ которомъ принятъ будетъ, на тотъ разъ и вакансіи не было. Въ засвидѣтельствованіе чего и данъ ему, Гоголь-Яновскому, сей аттестатъ отъ конференціи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Нѣжинъ 1820 г. Января 25 дня. Подлинный подписали: Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко директоръ Данило Ясновскій, законоучитель нѣжинскій протоіерей Павелъ Вольнскій, старшій профессоръ юридическихъ наукъ Михаилъ Бѣлевичъ, старшій профессоръ предметовъ россійской словесности надворный совѣтникъ Парфентій Никольской, физико-математическихъ наукъ старшій профессоръ надворный совѣтникъ и кавалеръ Карлъ Шапалинскій, историческихъ наукъ старшій профессоръ и кавалеръ Кирилъ Моисеевъ, французской словесности профессоръ Ландражинъ, нѣмецкой словесности профессоръ Фридрихъ Зингеръ.

---

(*) Нѣтъ отмѣтки.

# ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

